= Данбо Ульяновъ. =

ПРЕДСКАЗАНІЯ БУДДЫ

о

ДОМѢ РОМАНОВЫХЪ

и

краткій очеркъ моихъ путешествій въ ТИБЕТЪ въ 1904—1905 г.г.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1913.

Центральная Типо-Литографія, С.-Петербургъ, Апраксинъ пер., д. № 1.

Краткій очеркъ моихъ путешествій и дневникъ моей жизни.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію моихъ путешествій, считаю долгомъ предпослать ему нѣсколько словъ о томъ, какія обстоятельства въ моей жизни имѣли обуславливающее значеніе въ совершеніи этихъ путешествій. А такъ какъ главнымъ образомъ путешествія мои связаны съ моимъ личнымъ положеніемъ, какъ буддійскаго духовнаго лица, невольно направляющаго свои взоры на Азію, какъ колыбель буддизма, то, во-первыхъ, мнѣ придется сказать нѣсколько словъ о калмыцкомъ духовенствѣ, касаясь тѣхъ стадій, черезъ которыя приходится переступать, чтобы сдѣлаться калмыцкимъ священникомъ и во-вторыхъ, указать на тѣ обстоятельства, которыя имѣютъ ближайшую связь съ путешествіемъ, въ качествѣ мотивовъ; слѣдовательно, мой очеркъ будетъ до нѣкоторой степени носить характеръ дневника жизни.

Донскіе калмыки, причисленные къ казачьему сословію Области Войска Донского уже давно, по своему происхожденію тѣ же калмыки, что и Астраханскіе и Ставропольскіе, нѣкогда пришедшіе въ Россію изъ глубины Азіи. Слѣдовательно тотъ же языкъ, та же религія, то же историческое прошлое, въ которомъ было не мало славныхъ минутъ. Но за послѣдніе 30-40 лѣтъ въ бытѣ и психологіи донскихъ калмыковъ произошла глубокая перемѣна, которая выгоднымъ образомъ отличаетъ ихъ отъ сородичей, живущихъ въ Астраханской и Ставропольской губерніяхъ. Всѣхъ калмыковъ, живущихъ въ Области Войска Донского, насчитывается до 32-33 тысячъ душъ. Они раздѣляются на 13 родовъ, при

чемъ каждый родъ въ настоящее время составляетъ особую станицу. Въ каждой станицѣ имѣется особый штатъ духовенства, состоящій изъ 4 священниковъ, называемыхъ гелюнами, 4 дьяконовъ, называемыхъ гецюлями и 4 псаломщиковъ, называемыхъ манджиками. Старшій Бакша, соотвѣтствующій должности архіерея, имѣетъ особый свой хурулъ, въ такомъ же количествѣ духовенства. Всего такимъ образомъ у Донскихъ калмыковъ 14 хуруловъ. Поступленіе въ дьяконы, а тѣмъ болѣе въ священники обусловлено экзаменами, по установленной программѣ. Въ псаломщики принимаются дѣти съ самаго ранняго возраста. Мнѣ, какъ одному изъ обыкновенныхъ буддійскихъ священниковъ, пришлось пройти черезъ всѣ ступени іерархической лѣстницы. 10-ти лѣтнимъ мальчикомъ я впервые явился среди Донскихъ калмыковъ—въ Эркетеневскомъ родѣ, откуда происходилъ родомъ. До этого времени жилъ у Задонскихъ коннозаводчиковъ, куда переселились мои родители еще до моего рожденія. Когда умерли мои родители мы съ братомъ покинули Задонскіе края и перекочевали къ себѣ. Помню я, какъ сейчасъ, какое чувство удивленія вызывали во мнѣ калмыки и ихъ жизнь. Какой-то необыкновенно безпечный бытъ; никто не занимался земледѣліемъ, къ чему я такъ привыкъ и что считалъ обязательнымъ для всѣхъ. Особенно меня интересовали калмыцкіе монастыри,—хурулы и ихъ торжественныя службы, о которыхъ у меня не было никакого представленія. Громадный замокъ-сюмэ въ серединѣ, окруженный бѣлыми калмыцкими кибитками. Торжественная служба, въ сопровожденіи своеобразной музыки, которая то ласкала мой слухъ, то наоборотъ совершенно заглушала его своимъ могучимъ ревомъ. Благоговѣйное отношеніе всѣхъ присутствующихъ, продолжительныя чтенія молитвъ священниковъ, среди коихъ были и маленькіе псаломщики, выдѣлявшіеся въ общемъ хорѣ своими звонкими голосками, все это вызывало во мнѣ чувство невольнаго уваженія, и производило впечатлѣніе чего-то таинственнаго, могущественнаго. Видя маленькихъ мальчиковъ—манджиковъ, увѣренно читавшихъ наизусть молитвы,

я завидовалъ и сознавалъ ихъ глубокое преимущество передъ собой. Мнѣ было досадно и больно, что они одинаковаго со мною возраста столько знаютъ, а я нѣтъ. Эти чувства зависти и досады и вызвали во мнѣ страшное желаніе во что бы то ни стало сдѣлаться манджикомъ. Три года я таилъ въ душѣ желаніе поступить въ манджики, все не рѣшаясь высказать младшему брату; и только, будучи тринадцати лѣтнимъ мальчикомъ. я заявилъ брату о своемъ желаніи и получилъ отъ него полное содѣйствіе. Знаменательны были для меня первые періоды моего пребыванія въ псаломщикахъ. Постриженіе, связанное съ опредѣленнымъ обрядомъ, одѣваніе новой формы одежды,—все это безконечно радовало и волновало меня. Я чувствовалъ, что для меня наступаетъ что-то особенно важное; что я разрываю связь съ однимъ міромъ и перехожу въ другой и что въ этомъ новомъ мірѣ будетъ и новая жизнь, не имѣющая ничего общаго съ прошлымъ;—словомъ для меня началась новая полоса жизни, наступила новая эра. Я чувствовалъ также что новая жизнь возлагаетъ на меня и новую обязанность: я долженъ усердно заниматься, узнать много-много, что знаютъ всѣ. И дѣйствительно, съ великимъ рвеніемъ и усердіемъ я проходилъ молитву за молитвой, и въ два года прошелъ столько, сколько обычно пересиливается за 5—6 лѣтъ. Двадцати лѣтъ я выдержалъ экзаменъ и былъ посвященъ въ священники. Съ положеніемъ священника у насъ связана самая серьезная и трудная задача—изученіе тибетскаго языка и прохожденіе исторіи и ученія Буддизма преимущественно на калмыцкомъ языкѣ. Только хорошо изучивъ тибетскій языкъ, можно знакомиться съ главными основами буддійской философіи. Вскорѣ послѣ принятія сана священника, я оставилъ свой хурулъ и переселился въ сосѣдній съ нами Бембедякинскій хурулъ, въ которомъ у знаменитаго для того времени Бакши слушали лекціи и переводы по буддизму много калмыцкихъ священниковъ, пріѣхавшихъ съ самыхъ различныхъ концовъ калмыцкой степи. Здѣсь, въ самой серьезной и упорной работѣ я провелъ ровно 14 лѣтъ. Каждое новое ученіе и новая

мысль въ буддизмѣ, овладѣвала моимъ умомъ и разжигало мое любопытство, а усвоеніе одного, открывало интересъ къ другому, казавшемуся еще болѣе интереснымъ. Сколько мыслей, сколько времени уходило надъ думой объ обязанности человѣка, въ частности священника, о смыслѣ жизни человѣка и вообще мірового бытія. Я стремился тогда къ познанію сущности всего видимаго и невидимаго міра, о которомъ въ Буддизмѣ такъ много говорилось. Мнѣ казалось, что однимъ тѣмъ, что я принялъ санъ священника, уже обязуюсь просвѣщать людей, объяснять имъ ученіе Будды, въ которомъ такъ ясно указаны тѣ великія пути спасенія человѣка и совершенствованія его души, итти по которому такъ просто, что каждый человѣкъ можетъ достигнуть состоянія Нирваны. Мнѣ казалось, что стоитъ только захотѣть, и каждый священникъ въ силахъ спасти человѣческую душу, заблудившуюся въ глубокомъ невѣжествѣ—этомъ корнѣ человѣческаго страданія вообще. Съ такимъ сознаніемъ я вступилъ въ жизнь и за свою больше чѣмъ шестидесяти-лѣтнюю жизнь много пришлось испытать и во многомъ разочароваться. Религіозныя правила мало кѣмъ приводятся въ исполненіе; а тѣ немногіе, которые дѣйствительно проводятъ, съ каждымъ годомъ количественно уменьшаются, а качественно, къ сожалѣнію ухудшаются. Особенно я какъ буддійскій священникъ не могу безъ содраганія души вспомнить одинъ моментъ въ моей жизни,—это тотъ моментъ, когда въ 1880 году состоялось распоряженіе Областнаго Правленія о закрытіи Батлаевскаго, Бурульскаго, Бѣлявскаго и Эркетеневскаго хуруловъ, которое и было приведено въ исполненіе въ 1896 году.

Роковое закрытіе состоялось слѣдующимъ образомъ. Мы эркетеневцы, были заранѣе предупреждены о днѣ закрытія и къ пріѣзду представителя власти, собрались у храма всѣ отъ стара до млада. Когда нужно было объявить народу о закрытіи, то я, какъ религіозный глава, вышелъ на верхнюю ступень лѣстницы храма и дрожащимъ отъ волненія голосомъ, обратился къ народу: „Эркетеневцы, Великій

Будда, Великій создатель нашей религіи говорилъ, что Его вѣра и ученіе продержатся въ человѣчествѣ въ продолженіе 5000 лѣтъ. Изъ нихъ со времени первоначальнаго распространенія этой религіи прошло уже 2776 лѣтъ и еще должна она просуществовать въ теченіи 2214 лѣтъ. Я вѣрю въ эти слова и вѣрю въ процвѣтаніе религіи Будды на многіе и многіе годы. А потому думаю, что это печальное событіе въ нашей религіозной жизни, вызвано силою и случайными причинами. Вы не должны огорчаться и отчаиваться. Если вѣрите въ Будду, то должны вѣрить въ его случайность и принять его, какъ временное испытаніе". Обернувшись уже лицомъ къ высокой статуѣ Будды, я продолжалъ: „О милосердный Шакъя-Муни, если Ты не обманулъ человѣчество, увѣривъ его въ свою божественность, то Ты услышь наши рыдающіе голоса, вызываемые тяжестью испытываемаго горя; Ты посмотри на эти слезы, струей льющіяся изъ нашихъ очей. Если Ты дѣйствительно Богъ, то настало время, когда Ты долженъ намъ помочь. Если Ты дѣйствительно способенъ на великій шагъ и великое благодѣяніе, то Ты теперь укажи его намъ". И когда при этихъ словахъ душу раздирающее страданіе прервало мой голосъ глухимъ рыданіемъ, то вся масса залилась слезами, какъ одинъ человѣкъ. Плакали дѣти, плакали взрослые, плакали старики. Такъ глубоко плачетъ мать у могилы сына, такъ плачетъ отецъ надъ трупомъ единственнаго ребенка. Такъ плачетъ человѣкъ одинъ разъ въ жизни. И дѣйствительно было надъ чѣмъ плакать. Кому пріятно видѣть, какъ передъ его очами навсегда закрываются двери священнаго храма, этого единственнаго мѣста, гдѣ каждый калмыкъ находилъ моральную силу въ минуты жизни трудной, гдѣ онъ примирялся съ горемъ и нуждой; гдѣ его разгнѣванное сердце способно на прощеніе и на великое благодѣяніе. Чьей душѣ можетъ быть пріятно лишиться храма, гдѣ столько святынь, гдѣ онъ только находилъ возможнымъ слиться съ Богомъ въ глубокомъ религіозномъ порывѣ. Не могу я забыть этой минуты. Опечалена стояла масса, опустивъ внизъ головы и вся ушедшая въ

свои думы. А душа какъ безчувственная, какъ ледяная обдавала холодомъ все существо. Сердце, почти застывшее, замерло и перестало биться. Все существо, какъ брошенное судьбой, испытывало жуткое чувство. Не могу я выразить и описать того состоянія. Одно помню, какъ я ясно сознавалъ, что жизнь моя утратила свою цѣну и смыслъ, и вѣра въ людей исчезла въ одинъ мигъ. Да,—это была ужасная минута и не дай Богъ никому пережить ея. Насколько тяжела и потрясающа была боль души, можно судить хотя бы потому, что не могъ удержаться отъ слезъ иновѣрецъ Масловъ, пріѣхавшій запечатать храмъ. Мнѣ же особенно, было тяжело, потому, что на процвѣтаніе и прославленіе этого храма я посвятилъ свою жизнь. Ѣздилъ въ дальнюю Монголію, Китай съ цѣлью привести религіозныя рѣдкости, священные предметы и т. д. Раззореніе гнѣзда этихъ моихъ духовныхъ сокровищъ, на собираніе коихъ не жалѣлъ ни жизни, ни здоровья, ни энергіи, было равносильно лишенію моей жизни. Насталъ часъ запечатанія и мы начали выносить изъ храма всѣ его святыни и уложивъ ихъ въ общей колесницѣ въ сопровожденіи всѣхъ священныхъ флаговъ, повезли въ домъ однородца Эрдени Манджикова. Весь этотъ процессъ, съ его флагами и музыкой и глубоко опечаленной публикой, напоминалъ собою похороны дорогого всѣмъ существа, съ которымъ уносится въ могилу самое цѣнное и высшее. Перевезя святыни въ домъ Эрдени Манджикова, мы не могли подѣлиться своимъ горемъ съ Небесною Матерью «Оконъ Тенгеръ», вручивъ ея волѣ и молитвамъ исцѣленіе постигшаго насъ духовнаго недуга. Всѣмъ своимъ существомъ слившись въ единомъ желаніи, чистомъ и прозрачномъ, какъ облако небесное, мы просили Ея милосердной помощи. Мы вѣрили, что нашъ голосъ будетъ услышенъ Этой Небесной покровительницей и что Она исцѣлитъ нашу душевную рану. Въ этой же вѣрѣ мы находили силу перенести свое горе. „Ты, Оконъ Тенгеръ, говорилъ я тогда, поднявъ взоры къ небу,— если призвана исцѣлять недуги и страданія человѣка, то исцѣли нашу болѣзнь и прекрати наше страданіе. Твоей силою

мы можемъ быть умиротворенными, Твоя доброта—о да не оставитъ насъ. Призови къ намъ благословеніе Твоихъ божественныхъ подругъ—въ Васъ небесныя матери—въ Васъ вся наша надежда и упованіе на наше будущее". Послѣ этой общей молитвы, калмыки съ сокрушенной душой разошлись по домамъ, каждый взявъ свою икону, изгнанную роковой судьбой изъ священнаго храма.

Знаменательно, что въ первую ночь, которую опечаленные поселяне проводили безъ сна, въ глубокомъ раздумьи надъ совершившимся событіемъ, прислужникъ при святыняхъ закрывшагося храма, нѣкто Монламъ Цебековъ видѣлъ странный сонъ: «Въ священной чашкѣ, наполненой зерномъ и стоявшей передъ статуей «Майдеринъ Гегянъ»—Бога милосердія,—выросло громаднаго размѣра дерево, съ многочисленными вѣтвями, украшенными такими пышными листьями, что его можно было принять за роскошный букетъ цвѣтовъ; при чемъ отъ дерева этого исходили пять разноцвѣтныхъ лучей, сверкавшихъ на солнцѣ какими-то неземными цвѣтами». Удивленный сномъ Цебековъ на другое утро прибѣжалъ ко мнѣ съ просьбой истолковать. Сонъ этотъ и мнѣ показался полнымъ таинственнаго смысла и я его истолковалъ въ лучшемъ смыслѣ. Вскорѣ послѣ этого, зданіе храма отведено было подъ Аймачное Управленіе, а весь штатъ духовенства перевели въ Потаповскую станицу. Лично мнѣ преимущественно приходилось жить у себя, хотя я числился Бакшей всей Потаповской станицы. Велъ самый безразличный образъ жизни, такъ какъ все для меня потеряло свое прежнее значеніе. Нехотѣлось жить на одномъ мѣстѣ, не хотѣлось заниматься опредѣленными занятіями. Даже мое любимое дѣтище—буддійскія книги уже не могли занимать мой разочарованный умъ. Словомъ я потерялъ уже обычное русло жизни, потерялъ я свою путеводную звѣзду и на себѣ. Сознаніе безразличія и полнаго пессимизма крѣпко воцарилось въ моей душѣ.

Черезъ нѣсколько времени, услышавъ, что Государь Императоръ, ознаменовывая свое восшествіе на престолъ, удостои-

ваетъ своею милостью всѣхъ страждущихъ, поѣхалъ въ городъ Новочеркасскъ предпринять какіе либо шаги. При помощи Грекова написалъ прошеніе на Высочайшее имя, о возвращеніи намъ права имѣть свой храмъ. Не имѣя отвѣта въ теченіи 2-хъ лѣтъ, я поѣхалъ въ Москву и обратился къ знаменитому Плевако, о которомъ даже въ нашихъ глухихъ уголкахъ носилось такъ много сказочныхъ слуховъ. Мнѣ пришлось всю свою надежду возложить на него и часты были моменты, когда прямо хотѣлоть вѣрить, что моя просьба будетъ удовлетворена. Но тѣмъ труднѣе и чувствительнѣе былъ ударъ, когда въ одномъ изъ южныхъ органовъ прочиталъ замѣтку, что въ ходатайствѣ Эркетеневскаго общества имѣть храмъ, отказано. Все, казалось, потерянымъ разъ навсегда. Съ мечтой имѣть храмъ, пришлось разъ навсегда разстаться. Эта замѣтка заставила выпить до дна ту чашу горечи, которую пришлось мнѣ выпить еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Она была послѣднимъ же ударомъ молніи, которымъ она окончательно убиваетъ жертву. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Но чѣмъ больше въ сознаніи моемъ возникалъ все тотъ же роковой вопросъ о храмѣ, у меня постепенно и незамѣтно зародилась мысль попытаться увидѣть Священную Особу Государя Императора; лично простыми, не сложными словами передать Ему свое горе, и если тѣмъ не менѣе ходатайство не будетъ удовлетворено, то принять это, какъ предопредѣленіе Всевышняго Бога, принять какъ испытаніе за наши общіе грѣхи.

Чѣмъ больше оставался наединѣ, что со мною бывало почти всегда, тѣмъ больше эта мысль назрѣвала и овладѣвала всѣмъ моимъ существомъ. Вообще мнѣ хотѣлось куда нибудь уѣхать, — въ особенности посѣтить священныя мѣста Монголіи и Тибета, о которыхъ приходилось слышать много выдающагося и рѣдкаго еще въ дни юности, когда въ качествѣ священника проходилъ философію буддизма.

Рѣшивъ окончательно уѣхать въ Петербургъ, 25 Февраля 1901 года я обратился къ единородцамъ со слѣдующими словами: „Уважаемые міряне, я рѣшилъ лично прпы-

тать свое счастье о храмѣ и пока не получу какого либо положительнаго результата я не пріѣду домой. Мнѣ все равно гдѣ умереть. Жизнь среди Васъ имѣла смысль лишь потому для меня, что имѣлъ возможность въ учрежденіи дорогомъ для психологіи Вашей произносить соотвѣтствующія проповѣди и давать разъясненія глубокому ученію Будды. На эту свою обязанность смотрѣлъ я серьезно и насколько позволяли силы исполнялъ ее. Теперь же свое пребываніе считаю безполезнымъ, а потому и уѣзжаю. Если вѣрны слова Будды, что силою старанія и чистотой души можно достигнуть всего, то, быть можетъ, наше ходатайство въ концѣ концовъ и получитъ удовлетвореніе. Нельзя считать фальшивыми тѣ слезы, пролитыя, въ которыхъ вылилась тоска и страданіе по утраченномъ храмѣ. Нельзя считать слабой ту скорбь общую, которая вырвала слезы жалости у иновѣрца Маслова. Васъ міряне, прошу не сокрушаться, а читая молитву «Шамбала», просить Всевышняго Бога дать мнѣ силы на благополучное доведеніе дѣла до конца».

Послѣднія слова мои прервались глухимъ рыданіемъ, что вызвало въ свою очередь такія же рыданія мірянъ, пожелавшихъ мнѣ счастливаго исхода и съ сіяющимъ лицомъ вернуться къ себѣ.

Три года безпрерывно жилъ я въ Петербургѣ, занимаясь самыми различными предметами. Перевелъ съ Тибетскаго языка на русскій медицину; состоялъ вольнослушателемъ Военно-медицинской Академіи; говорилъ и возбуждалъ ходатайство передъ Военнымъ Совѣтомъ о храмѣ. Познакомился съ Высокопоставленными лицами — Управляющимъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріею, Ренераломъ Мосоловымъ; Сенаторомъ Фроловымъ; удостоился высокой чести быть представленнымъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, Великому Князю Владиміру Александровичу.

Таковы тѣ важные моменты въ моей жизни, описанію которыхъ я придаю значеніе дневника.

Я уже упоминалъ своевременно, что эта печальная минута въ моей жизни зародила во мнѣ чувства непримиримости съ обстановкой родной жизни—въ Эркетеневскомъ родѣ. Но независимо отъ этого обстоятельства, у меня были серьезныя желанія посѣтить Азію, какъ колыбель и родину дорогого моей душѣ буддизма. Желаніе это вызвано съ одной стороны изученіемъ буддизма, а съ другой, тѣми фантастическими разсказами, которые приходилось слышать во время моего пребыванія въ Бембедяковскомъ родѣ у Бакши Прину Цидинова. Разговоры эти сводились къ тому, что въ Монголіи и Тибетѣ живутъ въ лицѣ Ургинскаго хутухты-Панченъ Богдо и Тибетскаго Далай Ламы — живые Боги. Къ этимъ Панченъ Богдо и Далай Ламѣ стекаются паломники со всѣхъ странъ, населенныхъ буддистами. Въ качествѣ такихъ же паломниковъ лѣтъ полтораста тому назадъ ѣздили къ нимъ нѣсколько лицъ духовнаго званія изъ Донскихъ калмыковъ и что съ тѣхъ поръ никто не ѣздилъ. Обыкновенно кончали всѣ эти разговоры желаніемъ поѣхать туда, сожалѣя о тѣхъ трудностяхъ, которыя трудно преодолимы. Эти живые Боги въ лицѣ Панченъ Богдо и Далай Ламы естественно сильно занимали и меня. Хотѣлось тоже непосредственными очами увидѣть ихъ, принести имъ глубокіе поклоны, какъ признакъ такого же глубокого чувства признательности. Занятый этими мыслями я проводилъ все время, за исключеніемъ часовъ занятій и чѣмъ больше проникался желаніемъ видѣть ихъ, тѣмъ усерднѣе посылалъ горячія молитвы къ Всевышнему Буддѣ, чтобы онъ даровалъ мнѣ силу и возможность увидѣть Священныя Особы живыхъ воплощеній Бога. Къ концу моихъ ученій у Принца Цидинова, его поразило глубокое горе: умерли его родные братья, не оставивъ послѣ себя потомства. Огорченный этимъ обстоятельствомъ, учитель мой Цидиновъ, рѣшилъ предаться молитвамъ въ святыхъ мѣстахъ, признавъ горе его постигшее, посланнымъ за какіе либо грѣхи. Поэтому онъ просилъ о выдачѣ ему заграничнаго паспорта въ предѣлахъ Китайской Имперіи, на что получилъ отказъ. Тогда онъ выхлопоталъ паспортъ для путешествія, по

всей Россіи въ составѣ 3-хъ лицъ—меня и гелюна Бембедякинова рода Шара Лузангъ. Съ этимъ паспортомъ мы пріѣхали въ Кяхту въ 1877 году, въ декабр. мѣс., но попасть въ Ургу не могли въ виду отказа въ этомъ пограничнаго комиссара. Пришлось вернуться домой и сложить оружіе. Но меня эта первая неудача не сломила. Въ слѣдующемъ — 1878 году, 7-го мая я вновь получилъ 6-ти мѣсячный отпускъ и уѣхалъ въ Азію. Пріѣхавъ въ Кяхту, тайно продолжалъ путешествіе дальше въ Ургу и въ священномъ для буддистовъ городѣ, наконецъ, мнѣ удалось увидѣть Священный образъ Ургинскаго Хутухты. Передъ этимъ 6-ти лѣтнимъ тогда мальчикомъ, годомъ раньше привезеннымъ изъ Тибета, я клалъ глубокіе земные поклоны и благодарилъ Будду за честь, оказанную мнѣ. Это было первое мое удачное путешествіе, которое какъ и всякая удача, развило во мнѣ еще большій интересъ къ паломничеству. Мнѣ хотѣлось теперь пробраться въ глубь Азіатскаго материка, съ каковой цѣлью, въ слѣдующемъ 1879 году, взялъ 8-ми мѣсячный отпускъ въ предѣлы Россійской Имперіи и проѣхавъ той же первой дорогой, черезъ Ургу, пріѣхалъ въ Пекинъ—въ столицу Поднебесной Имперіи. Осмотрѣвъ его достопримѣчательности, я взялъ направленіе къ югу и поѣхалъ къ Святымъ Горамъ Шанута, гдѣ между двумя ея отлогами въ роскошной долинѣ расположенъ монастырскій городъ Шанута, приблизительно на разстояніи 10 дневнаго пути изъ Пекина. Городъ Шанута находится въ глубокой котловинѣ и богатъ древнѣйшими храмами, построенными въ честь многихъ святыхъ. Храмы эти поражаютъ своею оригинальною архитектурой, отражающей на себѣ блестящій періодъ азіатскаго искусства. Внушительны и величественны по своимъ размѣрамъ храмы. Все въ этомъ городѣ дышетъ сѣдой азіатской стариной: и постройки домовъ, и безпорядочный хаосъ узкихъ улицъ, и бытъ мѣстнаго населенія. Грандіозны и торжественны богослуженія въ храмахъ, совершаемые многочисленнымъ духовенствомъ. Населеніе бѣдное и занимается преимущественно земледѣліемъ. Помолившись и побывавъ во всѣхъ храмахъ, пріобрѣвъ

рѣдкостныя статуи Будды, много книгъ, я только черезъ годъ вернулся въ свои края. Эти двѣ поѣздки до нѣкоторой степени удовлетворили мою религіозную потребность, но за то еще больше разожгли огонь любопытства. Мнѣ теперь хотѣлось увидѣть человѣческую жизнь въ большемъ объемѣ и поэтому черезъ нѣкоторое время, началъ хлопотать о заграничномъ паспортѣ.

Въ 1882 году получилъ отпускъ во всѣ государства, кромѣ Китайской Имперіи, а 13 іюля уже выѣхалъ изъ дому. На этотъ разъ дорогой избралъ путь морской. Приблизительно 15-го Августа пріѣхавъ въ Одессу, сѣлъ на судно Добровольнаго Флота, по имени «Нижній-Новгородъ» и съ молитвою въ душѣ поѣхалъ въ новое странствованіе по свѣту. Пройдя Черное море, Дарданеллы, Босфоръ, Мраморное море, Средиземное море, черезъ Суэцкій каналъ вступилъ въ предѣлы открытаго моря - Индѣйскаго Океана. На всемъ этомъ длиномъ пути представилось много интересныхъ зрѣлищъ. Красивъ и величественъ Константинополь, въ которомъ красивыя и грандіозныя мечети, ушедшія своими остріями къ далекимъ облакамъ, сочитаются съ не менѣе величественными храмами христіанскими. Своеобразную прелесть представляютъ роскошные дворцы и частныя виллы, отражающіе на себѣ противоположныя искусства.

Особенное же впечатлѣніе произвело на меня Красное море своими переливами загадочныхъ цвѣтовъ. Помню я полуденную пору когда солнце стоя на зенитѣ, спрятавшись за тонкою пеленою тучи, жгло насъ своими тропическими лучами. Изнывая отъ жары, я тѣмъ не менѣе бодрствовалъ на палубѣ, порою любуясь интересными картинами природы. Осматривая окрестности, я случайно замѣтилъ, какъ лучи солнца, падая на поверхность моря, изрѣзанную многочисленными мелкими волнами, переливались безчисленными неуловимыми оттѣнками, очаровательной красоты. Эта красота оттѣнковъ различныхъ цвѣтовъ такъ увлекла меня, что долго не могъ оторвать свои взоры отъ поверхности моря. Мнѣ казалось тогда, что подобная красота едва ли не служитъ доказатель-

ствомъ того, что этотъ край благословенъ Всевышними Бодисатами, какъ мѣста ихъ постояннаго пребыванія. Только этимъ и можно объяснить его неописуемую красоту. Это мое мнѣніе подтвердилось нѣкоторыми указаніями священныхъ буддійскихъ книгъ, въ которыхъ и говорилось, что божественныя страны полны чудесныхъ явленій и непонятныхъ красотъ.

Индѣйскій океанъ, когда мы, потерявъ изъ виду берега материка и вошли въ его вольный просторъ, въ первое время вызвалъ во мнѣ чувства инстинктивнаго страха. Громадные водяные хребты шли то стройными рядами, то, перегоняя другъ друга, и образовавъ одну громадную массу, яростно бросались на наше судно, точно желая проглотить его въ свою бездонную пропасть, и «Нижній Новгородъ» въ этой водной стихіи, сильной своею безпредѣльностью и страшной своими грозными волнами, казался столь ничтожнымъ, что вполнѣ понятенъ былъ мой страхъ вызванный всей обстановкою.

Проплыли первыя, вторыя и третьи сутки, а впереди все тотъ-же безпредѣльный просторъ океана, да темнѣющій горизонтъ неба, теряющійся въ волнахъ океана. Послѣ, почти одного-недѣльнаго блужданія по морю, наконецъ, на далекомъ горизонтѣ, показалась черная точка: то былъ берегъ Цейлона. Здѣсь, въ одной изъ береговыхъ бухтъ, пріютился маленькій городокъ, напоминающій деревню, съ нѣсколькими буддійскими храмами.

Воспользовавшись 6-ью часовой остановкой я, совмѣстно съ 4-мя другими путешественниками, отправились осматривать городъ. Сдѣлавъ нѣсколько сотъ саженей отъ берега, мы подошли къ небольшому буддійскому храму, окруженному со всѣхъ сторонъ высокими тропическими пальмами. Почти у двери храма, въ тѣни одной изъ пальмъ, сидѣло нѣсколько человѣкъ, изъ коихъ одинъ пребывалъ на высокомъ пьедесталѣ и внушалъ видъ учителя или іерархически высшаго лица. Обойдя храмъ по обычаю буддистовъ, съ лѣва на право, я подо-

шелъ къ учителю и сдѣлалъ троекратное поклоненіе, положивъ передъ нимъ на столъ золотую монету, какъ подношеніе въ знакъ уваженія. Заинтересовавшись моимъ отношеніемъ и наружностью, изобличавшей во мнѣ иностранца, учитель спросилъ откуда я и куда ѣду. Отвѣтивъ на его вопросы, я попросилъ его показать мнѣ храмъ. Учитель торопливо сошелъ съ кресла и открылъ двери храма. Недалеко отъ двери, во внутри храма, мы увидѣли статую Будды въ лежачемъ положеніи, вырѣзанную изъ бѣлаго камня, отшлифованную какъ зеркало. Много было и другихъ статуй и священныхъ принадлежностей, мнѣ неизвѣстныхъ. Всѣ они поражали человѣка необыкновеннымъ мастерствомъ своей отдѣлки, какъ слѣды древняго искусства. Прекрасна природа въ этомъ городкѣ. Величественныя тропическія растенія: пальма, кактусъ, бананы благоухающія своимъ ароматическимъ запахомъ. Черезъ 6 часовъ нашъ «Нижній Новгородъ» уже отошелъ отъ бухты и пройдя путь безъ особыхъ приключеній, мы пріѣхали въ городъ Сингапуръ, населенный преимущественно китайцами и англичанами. Осматривать его пришлось очень мало, хотя судно стояло около 3-хъ сутокъ. Со стороны внѣшней Сингапуръ не производитъ особеннаго пріятнаго впечатлѣнія. Китайскія убогія лачужки, узкія улицы, изрѣдка украшенныя новыми домами, очевидно принадлежащіе англичанамъ или вообще европейцамъ. Безобразный видъ убогихъ китайскихъ кулей производитъ положительно потрясающее впечатлѣніе. Оставивъ черезъ 3-ое сутокъ Сингапуръ, мы направились къ Японіи, въ городъ Нагасаки. На этомъ пути намъ пришлось пережить жуткую опасность.

Въ первое время, по выходѣ изъ Сингапура, стояла тихая погода. Море спокойно играло своими небольшими волнами, которыя, какъ бы ласкаясь, ударялись въ наше судно. «Нижній Новгородъ» увѣренно плылъ къ далекой Нагасакѣ, не чувствуя сопротивленій стихіи. Чѣмъ дальше въ море, тѣмъ оно становилось тише и тише и черезъ нѣсколько часовъ, оно совершенно уснуло, словно убаюканное этой сказочной тишиной. Ни одной волны на поверхности моря и ничто кромѣ нашего

судна не нарушало его покоя на всемъ видимомъ горизонтѣ. Зеркальная гладь воды блестѣла на солнцѣ сверкающими лучами и казалось что способна очаровать всякое существо. Но эта тишина оказалась мгновенной, и въ красотѣ ея покоя таилась роковая угроза. Не прошло нѣсколько часовъ времени, какъ на горизонтѣ показались зловѣщіе признаки шторма и волны откуда ни возьмись пошли пестрыми рядами, возрастая въ размѣрѣ со сказочной быстротой. Вскорѣ волнами покрылась вся поверхность моря и когда вѣтеръ достигъ максимальной силы, то «Нижній Новгородъ», недавно столь спокойный и величавый, качался въ волнахъ, какъ ничтожная соринка. А волны—одна выше другой, нагоняли другъ друга и съ бѣшеннымъ ревомъ бросались на судно. Эти громадные водяные хребты проходили порой черезъ все судно и въ это время казалось, что мы совсѣмъ уже погружены въ глубину моря. Затоплялись залы второго класса, разбивались палубныя принадлежности. Пассажиры всѣ спрятались по каютамъ и охваченные всѣ чувствомъ страха передъ суровой волей стихіи, робко шептали молитвы объ избавленіи отъ опасности. Порою, отъ сильной качки голова сильно кружилась и человѣкъ приходилъ въ состояніе дремоты, граничащей съ забытіемъ. Ни о ѣдѣ, ни о питьѣ не могло быть и рѣчи. Цѣлыя сутки, отъ 9-го по 10-ое октября, мы провели такъ ужасно, что это время показалось цѣлою вѣчностью. Почти ровно сутки бушевала буря и Южно-Китайское море дало почувствовать каждому путнику о силѣ, таящейся въ его нѣдрахъ. На другой день погода начала замѣтно улучшаться и постепенно море и его волны вошли въ обычное русло. Долго еще не могъ я оправиться и придти въ себя. Первое время чувствовалась страшная жажда, а потомъ постепенно и организмъ пришелъ въ порядокъ, заявилъ о своихъ потребностяхъ. Немедленно всѣ мы вышли изъ своихъ каютъ и началась бесѣда о пережитыхъ минутахъ. Память каждаго твердо будетъ помнить день 9-го октября, о Китайскомъ морѣ и его ужасную бурю. Черезъ нѣсколько дней плаванья, наконецъ, показались на горизонтѣ черные силуэты, вызывавшіе въ насъ бурю восторга.

Только тогда, когда увидѣли берега Японіи, увѣрили себя въ благополучномъ пріѣздѣ, въ благополучномъ выходѣ изъ испытанія. И постепенно, чѣмъ ближе и ближе подходилъ «Нижній Новгородъ» къ берегу, тѣмъ яснѣе и яснѣе представлялась намъ панорама Нагасаки. Наконецъ, совсѣмъ подходимъ и видимъ прелестную Японію съ ея разнообразной природой. Живыя, радостныя лица, серьезныя дѣловыя движенія—какая-то дружная и проникновенная работа.

Въ Нагасаки я провелъ цѣлую недѣлю. Большой портовый и торговый городъ. Масса иностранцевъ. На улицахъ самая бойкая и живая жизнь. Оригинальныя постройки, производящія впечатлѣніе чего-то игриваго, сдѣланнаго на скорую руку. Только изрѣдка встрѣчаются дома, напоминающіе наши—тяжеловѣсныя каменныя зданія. Интересное впечатлѣніе произвелъ на меня храмъ Коти-Яна. Онъ средняго размѣра и очевидно старинной архитектуры съ оригинальными изразцами и украшеніями. Въ серединѣ храма, довольно большого размѣра статуя Будды въ сидящей позѣ. Руки у него сложены, глаза и лицо выражаютъ глубокое созерцаніе. Вся фигура и обстановка храма производятъ пріятное впечатлѣніе. Для меня, какъ буддиста не могло быть ничего радостнѣе и пріятнѣе, какъ въ этой культурной странѣ видѣть буддійскій храмъ, какъ мѣсто религіозной службы и почитанія. На восьмыя сутки, разставшись съ Японіей, я сѣлъ на англійскій почтовый пароходъ и прибылъ въ Шанхай. На другой же день, на китайскомъ пароходѣ черезъ Желтое море, прибылъ въ Тяндзинъ, откуда на лошадяхъ пріѣхалъ въ Пекинъ.

Китайская Имперія, въ отношеніи народнаго быта, состоянія городовъ, рѣзко отличается отъ своей недалекой сосѣдки—Японіи. Крайняя бѣднота населенія, поражаетъ человѣка съ перваго взгляда. Особенно же жалко было смотрѣть на китайскихъ извозчиковъ, этихъ человѣкоподобныхъ животныхъ, переносящихъ нечеловѣческую нужду и страданія. Странно было видѣть китайскихъ чиновниковъ и помѣщиковъ, спокойно сидящихъ въ коляскахъ, которыхъ везутъ столь непрезентабельныя лошади—какъ китайскія кули или

извозчики. И когда подумаешь, что такая судьба—судьба извозчичьей лошади была участью многихъ и многихъ въ Поднебесной Имперіи, то не вѣрилось въ ея спокойствіе, не вѣрилось въ ея прочный государственный фундаментъ. И дѣйствительно, послѣдующія событія, разыгравшіяся на всемъ протяженіи великой Китайской Имперіи, блестящимъ образомъ подтвердили мои опасенія. Побывъ нѣсколько дней въ Пекинѣ—взялъ направленіе Калганъ-Урга и пріѣхалъ сухимъ путемъ въ священный городъ Монголіи. Въ Ургѣ я рѣшилъ остаться на нѣкоторое время, чтобы довершить свое воспитаніе у знаменитыхъ знатоковъ буддизма. Изучалъ преимущественно тибетскую медицину и астрологію у ламы Дамрина, одного изъ многихъ ургинскихъ Оточи. На 5-омъ мѣсяцѣ моего пребыванія въ Ургѣ, туда пріѣхалъ знаменитый русскій путешественникъ полковникъ Пржевальскій и началъ готовиться къ своему изслѣдованію въ глубь Монголіи и Тибета. Этотъ случай возбудилъ во мнѣ юношескія желанія проникнуть въ глубь Монголіи и Тибета и вскорѣ же рѣшивъ примкнуть къ экспедиціи Пржевальскаго, я обратился за совѣтомъ къ одному изъ своихъ учителей хутухты по имени Юнгзинъ-Хамбо-Болданъ-Чомпль; но хутухта въ тотъ же день не далъ никакого отвѣта, пригласивъ придти на другой день. На слѣдующій день онъ категорически заявилъ, что Пржевальскому на этотъ разъ не удастся проникнуть въ Лхассу, а потому моя поѣздка совмѣстно съ нимъ будетъ безполезна. Отвѣтъ хутухты крайне огорчилъ меня, и я не придавъ особеннаго значенія правдивости его предсказанія, рѣшилъ, что хутухта отклонилъ мою поѣздку, просто не желая того, чтобы посторонніе или иновѣрцы проникли бы въ священную для него Лхассу. Но не подчиниться совѣту хутухты, я не имѣлъ возможности, а потому волею неволею дѣйствительно пришлось остаться. Тѣмъ не менѣе меня крайнѣ интересовалъ вопросъ о томъ, попаду ли вообще въ Тибетъ, или моя мечта—увидѣть Далай Ламу, такъ и останется мечтою. Чтобы получить на этотъ вопросъ отвѣтъ, я пошелъ къ хутухтѣ еще разъ, черезъ мѣсяцъ послѣ перваго посѣщенія. По обык-

новенію хутухта и на этотъ разъ сразу отвѣта не далъ, а пригласилъ на слѣдующій день зайти за отвѣтомъ. На слѣдующій день онъ заявилъ, что въ Тибетъ мнѣ дѣйствительно удастся попасть, но только кратчайшимъ путемъ изъ Родины прямо, а не обычной круговой дорогой. Время для моей поѣздки въ Тибетъ еще не настало и не такъ скоро оно наступитъ. Успокоившись до нѣкоторой степени этимъ отвѣтомъ, я рѣшилъ года 2 еще побыть въ Ургѣ, гдѣ, досконально изучивъ медицину, можно было заняться изученіемъ и другихъ ученій.

Въ 1885 году вернулся я домой, послѣ трехлѣтняго пребыванія на чужбинѣ. Дома провелъ ровно 10 лѣтъ безвыѣздно. За это время мысль о Тибетѣ, въ частности о священномъ Лхассѣ, неразлучно была со мною. Бывали минуты, что окончательно рѣшалъ уѣхать, но обычно какія либо обстоятельства удерживали меня. Наконецъ, въ 1895 году рѣшилъ еще разъ переписаться съ Ургинскимъ хутухтой—предложивъ ему еще разъ вопросъ о поѣздкѣ. Отвѣтъ не замедлилъ явиться. Хутухта писалъ, что время поѣздки дѣйствительно приближается и что она должна совершиться въ 1905 году (въ годъ лошадь-змѣи, по калмыцкому опредѣленію). «Ты доженъ молиться и терпѣливо ждать назначеннаго времени»—такъ заканчивалъ свое письмо хутухта. Въ 1905 году мнѣ доженъ былъ наступить уже 61-ый годъ отъ рожденія, а потому на письмо хутухты я не обратилъ никакого вниманія, принявъ за дерзкую ложь всѣ его предыдущія и настоящія предсказанія. «Слѣдовательно мнѣ не придется увидѣть Лхассу и Далай Ламу» — закончилъ я свое разсужденіе. Этотъ ужасный для меня выходъ, настолько разстроилъ меня, что бросивъ отъ души письмо хутухты, гнѣвно обратился къ Буддѣ: «О Возвышенный, неужели ложны были всѣ твои увѣренія, что искреннимъ желаніемъ, сопровождаемымъ соотвѣтствующимъ дѣйствіемъ, можно достигнуть всего? Неужели всѣ мои горячія молитвы, возносившіяся Тебѣ, Возвышенный, и не разлучныя съ моими устами, не имѣли силы и значенія? Неужели Вы, Бодисаты, не оцѣните мо-

литвы Іюма, за которыя обѣщаются лучшія участи? Неужели оказалась безсодержательной вся моя жизнь, всѣ мои молитвенныя пожеланія, которыя были основой жизни? Или все это объясняется только тѣмъ, что Ты, Джимба Зунгру, оказался грѣховнѣйшимъ существомъ, на землѣ и недостойнымъ лучшей доли? Такъ исчезай же скорѣе съ лица земли и дай дорогу и мѣсто достойному!» Такъ отъ всей души я не вѣрилъ въ поѣздку въ Тибетъ и отъ всей души огорченъ былъ судьбой, не сулившей мнѣ возможности лицезрѣть Священную Особу Далай Ламы, и святыя мѣста таинственнаго Тибета. Сердце первый разъ прониклось чувствомъ невѣрія и пустотой проведенной жизни вообще.

Очеркъ путешествія въ Тибетъ.

Читателю уже извѣстно изъ краткаго очерка дневника моей жизни, что въ 1901 году, исчерпавъ всѣ возможности на исходатайствованіе права имѣть храмъ, я выѣхалъ въ Петербургъ попытать лично послѣдній разъ свое счастье. Извѣстно также, чѣмъ я былъ занятъ въ Петербургѣ. Въ этомъ же 1901 году, распространяется слухъ, что ѣдетъ чрезвычайное посольство отъ Далай Ламы Тибета къ русскому Императору. Извѣстіе это было неожиданно, какъ дипломатическому міру, такъ тѣмъ болѣе обыкновенному кругу общества. Тибетъ до этого времени казался страной глубоко таинственной, никому положительно неизвѣстной. Составляя номинально Китайскую область, фактически Тибетъ жилъ самостоятельною жизнію, управляясь духовной и свѣтской главой—Далай Ламой. Вся зависимость отъ Китайской Имперіи выражалась въ томъ, что въ столицѣ Тибета, въ городѣ Лхассѣ, жилъ китайскій амбанъ, получавшій въ извѣстные періоды года подать. Естественно, что при такихъ условіяхъ распространившійся слухъ о тибетскомъ посольствѣ не могъ не заинтересовать общество. Къ тому же сама по себѣ идея о тибетскомъ посольствѣ не связывалась съ его зависимымъ положеніемъ съ точки зрѣнія международнаго права. Послѣдніе вопросы, меня, конечно, тогда нисколько не интересовали. Мнѣ важно было одно: что ѣдутъ изъ Тибета представители,—слѣдовательно люди изъ той самой таинственой страны, куда люди никакъ не могли проникнуть до сего времени и куда невѣдомая сила давно влекла меня. Видѣть людей посланныхъ Далай Ламой—эта перспектива до боли радовала и мучила меня.

Наконецъ пріѣхало посольство. Во главѣ его стоялъ одинъ изъ совѣтниковъ Далай Ламы—Цанидъ Хамбо Авгакъ Дорджіевъ,—по происхожденію забайкальскій бурятъ,—русскій подданный. Остальные два его главныхъ товарища были коренные тибетцы. Въ переводчики пригласили подъесаула Наранъ Эренценовича Уланова, офицера одного изъ казачьихъ полковъ, стоявшихъ въ Москвѣ. Какіе непосредственные политическіе результаты имѣло это посольство для самого Тибета, трудно сказать. Вѣроятнѣе всего оно никакого результата не имѣло и не могло имѣть при томъ политическомъ положеніи, какое занималъ Тибетъ. Зато въ ближайшіе слѣдующіе годы событія показали, что это посольство для самого Тибета имѣло роковое значеніе. Вторженіе Англіи, бѣгство въ Монголію самаго Далай Ламы и его теперешнее ужасное положеніе, все это надо поставить въ зависимость отъ этого посольства. Глубокое незнаніе международныхъ отношеній со стороны иниціатора этого посольства имѣло несомнѣнно пагубное послѣдствіе на судьбу Тибета. А что иниціатива исходила не отъ самаго Далай Ламы, въ этомъ едва ли умѣстно сомнѣваться. Я не буду касаться подробно дальнѣйшей судьбы посольства. Мнѣ оно важно только тѣмъ, что благодаря ему, офицеръ Наранъ Улановъ поступилъ по особому ВЫСОЧАЙШЕМУ разрѣшенію въ Генеральный Штабъ вольнослушателемъ, не имѣя на это образовательнаго ценза. Затѣмъ и наше путешествіе въ Тибетъ имѣетъ отдаленную связь съ упомянутымъ посольствомъ. На второмъ году своего пребыванія въ Генеральномъ Штабѣ, подъесаулъ Улановъ представилъ Начальнику Штаба планъ путешествія въ Тибетъ кратчайшимъ путемъ—черезъ Ташкентъ и Памирскіе хребты: при чемъ въ проэктѣ этомъ выразилъ свою готовность совершить это путешествіе совмѣстно со мною и калмыкомъ Эркетеневскаго рода Лиджи Шараповымъ, если военное вѣдомство найдетъ нужнымъ открыть этотъ путь въ Тибетъ. Проэктъ подъесаула Уланова былъ утвержденъ Государемъ Императоромъ въ 1903 году, а въ январѣ 1904 года мы представились Государю Импера-

тору, удостоившему милостивыхъ словъ: «Молитесь и хорошо молитесь».

Изъ Петербурга выѣхали въ Сальскій округъ и условились встрѣтиться для дальнѣйшаго слѣдованія въ Тибетъ на станціи «Великокняжескъ»—Тихорѣцкой желѣзной дороги. Къ намъ добровольно еще присоединилось 4 чѣловѣка изъ донскихъ же калмыковъ, пожелавшихъ поѣхать въ Тибетъ: Ново-Алексѣевской станицы—Санджа Асановъ, гелюны Платовской станицы—Пюрва Шонтановъ, Джальцанъ Кудыревъ и Эркетинскаго хутора Потаповской станицы Бадма Ушановъ. По обычаю буддистовъ рѣшили выѣхать въ наиудобное и счастливое время. Таковымъ оказалось 6 число февраля мѣсяца 1904 года. (Этотъ годъ, мѣсяцъ число и часъ, по калмыцкому лѣтоисчисленію и календарю называется годомъ мѣсяцемъ и числомъ дерева Дракона). Къ назначенному часу отъѣзда пріѣхало много народу изъ шести станицъ и хуторовъ къ нашему Эркетинскому хутору: Власовской станицы — Дава-Калтхановъ, Граббевской станицы — офицеръ Батыровъ и т. д. Для меня лично этотъ моментъ былъ знаменательнымъ. Мечта юныхъ дней исполнилась: я собирался въ путь, чтобы отправиться въ тотъ край и къ тому лицу, куда и къ кому такъ сильно мнѣ хотѣлось попасть. Я не чувствовалъ свой преклонный возрастъ шестидесятилѣтняго старца; наоборотъ, казался полнымъ силъ и энергіи.

Раннимъ утромъ всѣ однородцы были уже на ногахъ и совмѣстно съ представителями толпились у воротъ моего дома. Помню, какъ сейчасъ, эти трогательные проводы, дорогіе моему сердцу. Ихъ искреннія рѣчи, благопожеланія и заботливыя наставленія и предупрежденія наллежащей осторожности въ пути. Я испытывалъ двойственное состояніе: съ одной стороны безконечно радовался своему отъѣзду въ Тибетъ, а съ другой—жалко было разставаться съ этой сердечной массой, живое чувство участія коихъ къ моей судьбѣ привело ихъ ко мнѣ. Всѣ провожали до ближайшей станціи; а нѣкоторые и дальше до Великокняжеской станціи.

За день до моего выѣзда изъ Эркетеневскаго хутора, рано утромъ приходятъ ко мнѣ двое калмыковъ казаковъ, и просятъ моего благословенія о посвященіи въ санъ псаломщика двухъ ихъ мальчиковъ, трехлѣтняго возраста. Не знаю, чѣмъ они руководствовались, обращаясь ко мнѣ въ такой исключительный для меня моментъ, но они проявили по отношенію ко мнѣ такую предупредительность и вниманіе, что я имъ не отказалъ и обоихъ посвятилъ въ манджики. Одному далъ имя Данби-Джальцанъ, а другому Горибъ-Джальцанъ.

Въ Великокняжескѣ мы всѣ встрѣтились и выѣхали въ далекій нашъ путь. Черезъ Баку и Красноводскъ мы пріѣхали въ Ташкентъ; а изъ Ташкента, сѣвъ на почтовыя лошади, вступили въ обычный жалкій путь Азіи.

На разстояніи полтора-дневнаго пути по мѣстности подъ названіемъ Аліманта и не далеко отъ станціи того же названія, мы увидѣли семь большихъ кургановъ, расположенныхъ на довольно высокомъ мѣстѣ. Характеръ мѣстности и расположеніе этихъ кургановъ показались мнѣ загадочными. Особенно меня удивило совпаденіе количества кургановъ съ количествомъ нашихъ путниковъ. Высказавъ о своемъ впечатлѣніи товарищамъ, я, по обычаю буддистовъ, питать уваженіе къ владыкамъ каждой мѣстности, предпослалъ нашему путешествію слѣдующее благопожеланіе: «Пусть силою высокихъ молитвъ эти семь кургановъ будутъ памятникомъ семи могучихъ Буддъ. И покровительствомъ этихъ семи знаментальныхъ и священныхъ памятниковъ исполнятся всѣ наши желанія. Пусть волею Провидѣнія удастся намъ воздать и на обратномъ пути даръ изъ «Чингисова напитка» въ знакъ нашего неизмѣннаго къ нимъ уваженія».

Продолжая дальше нашъ путь, мы пріѣхали въ пограничный таможный пунктъ, подъ названіемъ «Хоргосъ», откуда черезъ сутки, прибыли въ Китайскій городъ Кульджа. Въ Кульджѣ мы сдѣлали необходимыя дополнительныя закупки, размѣняли русскія деньги на китайскія ланы, взяли

20 лошадей до Юлдускихъ торгоутовъ-калмыковъ и запасшись всѣми необходимыми орудіями, отправились дальше 13 марта.

Дорога до рѣки «Хашъ» не представляла для насъ никакихъ интересныхъ картинъ. Преимущественно голая степь съ изрѣдка встрѣчающимся населеніемъ. Только высокія дикія травы—гаолянъ колышатся отъ вѣтра, словно зрѣющіе посѣвы нашихъ окраинъ. Переѣхавъ рѣку «Хашъ», мы остановились ночевать въ мусульманской деревнѣ «Токтожа». На другой день, Наранъ Улановъ, вмѣстѣ съ Ушановымъ уѣхалъ впередъ, обѣщаясь подождать насъ на одномъ изъ ближайшихъ пунктовъ дороги. Мы выѣхали черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда Уланова и Ушанова, успѣвъ навьючить нашъ багажъ на лошадей. Когда сдѣлали верстъ десять и подошли къ небольшему холму подъ названіемъ «Хашъ» дорога наша развѣтвлялась въ двухъ направленіяхъ. Одна дорога шла берегомъ рѣки «Хашъ», дѣлавшимъ изгибъ отъ юга къ сѣверу, а другая—продолжала прежнее направленіе—юго-востокъ, пересѣкая холмъ «Хашъ». По этой послѣдней вѣтви дороги мы проѣхали. На второй день пути мы поднялись на самую вершину холма, который въ виду довольно крутого отлога, началъ спускаться внизъ. У самой подошвы холма мы пріхали уже къ истоку рѣки «Хашъ», протекавшей съ востока на западъ, окаймляя вышеупомянутый холмъ того же названія. У подошвы холма расположилась цѣлая группа кибитокъ Олотскихъ калмыковъ, извѣстныхъ подъ именемъ «араванъ сомонякинъ».

Радушію мѣстнаго населенія не было конца. Приготовивъ намъ на скорую руку особую кибитку, они начали насъ угощать, какъ званныхъ гостей, осаждая насъ на перерывъ самыми различными вопросами. Ихъ священникъ по имени Дарджа, задалъ мнѣ слѣдующій вопросъ: «Изъ какого государства и куда Вы ѣдете, Лама? Не Вы ли тотъ самый Данби Джальцанъ, который въ 1890 году, проѣзжая по нашей мѣстности, говорилъ, что онъ подданый Русскаго Государства и происходитъ изъ народа, извѣстнаго подъ именемъ «Шарасъ

Махасъ»; отца его зовутъ Томоръ Сананъ, а дѣда Амаръ Сананъ. Онъ говорилъ, продолжалъ Дарджа, что въ недалекомъ будущемъ пріѣдетъ съ войсками и освободитъ насъ отъ китайскаго ига. Мы, увидавъ Васъ прекрасно вооруженными, приняли какъ первыхъ посланцевъ нашихъ спасителей». Не мало удивленный вопросомъ и дальнѣйшимъ разсказомъ Дарджи, я отвѣтилъ, что впервые отъ него слышу о народѣ, извѣстномъ въ Россіи подъ названіемъ «Шарасъ Махасъ» и что меня не завутъ Данби Джальцанъ. Моя миссія очень скромная: я ѣду поклониться святынямъ Тибета.

Отвѣтъ мой до нѣкоторой степени разочаровалъ многихъ слушателей. Мнѣ было глубоко жаль смотрѣть на этотъ народъ, который видимо дѣйствительно нуждается въ спасителяхъ и оттого всегда ждетъ ихъ. Гнетъ своихъ владѣльцевъ, гнетъ китайскихъ чиновниковъ и гнетъ безжалостныхъ торговцевъ, очевидно сдѣлали ихъ жизнь трудной и невозможной. Какъ наивныя и осиротѣлыя дѣти, не имѣющія заботы и ласки родителей, этотъ народъ нуждается въ защитѣ и спасеніи, могущихъ извлечь ихъ изъ когтей многочисленныхъ тирановъ. Россія имъ кажется какой-то благодатной страной и тѣмъ земнымъ раемъ, гдѣ пребываетъ благородный, высокій бѣлый Царь, величаемый ими «Батръ Цаганъ Ханъ», что означаетъ—сильный, могущественный бѣлый Царь, имѣющій богатый и счастливый народъ свой. Россія имъ кажется страной, куда только временно уѣхали ихъ недавніе беззавѣтные защитники Сананъ Цеценъ и Амаръ Сананы. Эти ихъ герои обезпечивали имъ вольную и свободную отъ тиранства жизнь, при которой ихъ поля «ломились» отъ стада табуновъ и безчисленныя овцы покрывали собою всю ниву. Теперь они, какъ чудную сказку разсказываютъ о прошлой жизни, о ея свободѣ и богатствѣ. Какъ наивныя дѣти, они искренно вѣруютъ въ скорое возвращеніе изъ Россіи ихъ героя Сананъ Цецена и въ каждомъ почти путникѣ изъ Россіи, жаждутъ видѣть первыхъ предвѣстниковъ освобожденія.

На всемъ протяженіи нашего пути, пока мы проходили по ихъ мѣстностямъ, мы всюду встрѣчали радостный пріемъ и самое глубокое уваженіе.

Бываетъ больно душѣ, когда читаешь въ ихъ взглядахъ огонекъ надежды на что-то, когда своими искренними очами они какъ бы просятъ о скорѣйшей помощи. Грустно ихъ видѣть и до боли жалки они душѣ. Некультурные, по рукамъ и по ногамъ связанные суевѣрной традиціей прошлаго; застывшіе въ примитивной формѣ общественной жизни, они пока дѣйствительно лишены тѣхъ необходимыхъ условій, въ которыхъ можно было видѣть залогъ лучшаго будущаго. Мертвечина внѣшней формы быта; безпросвѣтный застой умственной жизни; безжалостное грабительство китайскихъ торговцевъ и чиновниковъ—таковы внѣшнія и внутреннія рамки ихъ жизни. Долго и долго еще имъ придется ждать своихъ спасителей и быть можетъ не дождавшись, сведутъ счеты съ исторіей.

Проведя среди нихъ около 2-хъ сутокъ, мы выѣхали дальше, держа направленіе на юго-востокъ отъ рѣки «Хашъ». Переваливъ возвышенность, подъ названіемъ «Ута Даванъ», мы черезъ полторы сутки прибыли къ рѣкѣ «Кюнъ Гесъ», текущей съ востока на западъ и впадающей въ рѣку «Хашъ».

Рѣка «Кюнъ Гесъ» по обоимъ берегамъ представляетъ широкую живописную долину населенную киргизами, занимающимися исключительно скотоводствомъ. Просторъ мѣстности, богатая растительностью природа создала имъ благопріятныя условія для даннаго занятія. У владѣльца киргизовъ, нойона по имени Тергесюсъ, насъ ожидали два нашихъ товарища офицеръ Улановъ и Ушановъ. Дальнѣйшее направленіе взяли по рѣкѣ «Кюнъ Гесъ» вверхъ къ ея истоку и на 3-ьи сутки прибыли въ мѣстность, подъ названіемъ «Унгудинъ Даванъ» представляющей одну изъ горныхъ цѣпей, отроги коихъ даютъ богатыя долины рѣки «Кюнъ Гесъ». Жители «Унгудинъ Давана» предупредили насъ, что впереди предстоитъ сдѣлать очень тяжелый и трудный пере-

ходъ черезъ горный хребетъ «Даганъ Даванъ», гдѣ до самого іюня мѣсяца безпрерывно идетъ снѣгъ и глубина его мѣстами доходитъ до 4 и 5 саженъ.

И дѣйствительно, когда мы поднялись на холмъ «Унгудинъ Даванъ», то передъ нашими очами предстала чудная картина. За долиной, раздѣлявшей «Унгудинъ Даванъ» отъ снѣгового «Даганъ Давана», весь видимый горизонтъ былъ занятъ высокими хребтами, далекія вершины которыхъ сливались съ голубыми облаками небеснаго свода. Страшно было видѣть эти два контраста природы. Въ серединѣ апрѣля, только на разстояніи 20 верстъ весь хребетъ еще занятъ былъ зимнимъ уборомъ. Небо чистое безъ облаковъ и бѣлоснѣжныя горныя вершины—все это слилось въ сплошную цѣлую массу, гдѣ ничто не могло остановить на себѣ взоръ человѣка. Но въ этой красотѣ, сердце чуяло опастность и впервые со дня выѣзда, намъ предстояло бороться съ силой природы. Наранъ Улановъ рѣшилъ предварительно переправиться черезъ хребетъ и, доѣхавъ до Юлдускихъ калмыковъ жившихъ за хребтами, думалъ выслать намъ знающихъ мѣсто проводниковъ. Взявъ съ собою 4-хъ верховыхъ киргизовъ-работниковъ, онъ уѣхалъ, оставивъ насъ на вершинѣ «Унгунъ Даванъ». Немного погодя, мы спустились внизъ и пройдя долину, подошли къ подошвѣ Даганъ Давана и рѣшили переночевать, давъ отдыхъ лошадямъ. Къ вечеру когда мы уже расположились на ночь, вернулись трое изъ путниковъ Уланова и объяснили, что они не могли за ними слѣдовать на лошадяхъ, такъ какъ вообще верхомъ крайне трудно переправляться, почему и Улановъ отправилъ обратно свою лошадь. На другой же день вернулся и послѣдній, оставивъ Уланова еще до вершины «Даганъ Даванъ». Возвращеніе спутниковъ Уланова насъ крайне смутило и обезпокоило. Онъ не зналъ ни мѣстности, ни дороги, зная одно, что ему надо во что бы то ни стало перебраться черезъ ужасный хребетъ. Ждемъ сутки, вторыя, отъ Уланова вѣсти нѣтъ—какъ нѣтъ. Пришлось предположить самыя ужасныя возможности. Наконецъ, на третьи сутки пріѣхалъ къ намъ

одинъ Юлдускій калмыкъ и къ нашей глубокой радости привезъ письмо отъ Уланова, который благополучно добрался до «Юлдуса» и послалъ намъ проводника.

Мы немедленно навьючили багажъ на лошадей и, призвавъ благословеніе Бога, тронулись въ 7 часовъ утра шестого апрѣля переодолѣвать Даганъ Даванскія трудности. Не успѣли сдѣлать нѣсколько сотъ саженей, какъ на встрѣчу намъ ѣдетъ масса верховыхъ людей, каждый изъ нихъ въ свою очередь велъ по одной лошади. Они посланы были Улановымъ въ качествѣ проводниковъ. Снѣгъ въ Даганъ Даванѣ былъ настолько глубокъ что если не очистить предварительно путь, то невозможно было переправляться съ навьюченными лошадьми. Мы всѣ отправились въ путь той дорогой, которую провели только что пріѣхавшіе верховые. Впереди ѣхали Юлдускіе проводники правильною линіею, одинъ за другимъ, а за ними въ такомъ же порядкѣ передвигались и мы. Лошади нашихъ проводниковъ великолѣпно знавшія мѣстность, инстиктивно разбирали гдѣ ямы и кочки, осторожно шагая или дѣлая прыжки, передвигались сравнительно успѣшно. Наши лошади, хотя шли уже по проторенной дорогѣ, но тѣмъ не менѣе часто вваливались въ обрывы, изъ за чего приходилось снимать багажъ и вновь навьючивать. Чѣмъ выше взбирались на «Даганъ Даванъ», тѣмъ передвиженіе становилось все труднѣе и медленнѣе. Вѣтеръ дулъ довольно яростно и носилъ по долинѣ снѣговую пыль, занося уши, носъ и глаза. Порою мятель настолько усиливалась, что не видно было путника, идущаго въ нѣсколькихъ шагахъ впереди. Порою же, словно шутя съ усталыми путниками, воцарялась абсолютная тишина и тогда каждый шагъ отдаленныхъ проводниковъ гулко раздавался по всему хребту. Умныя животныя (ихъ лошади) торопливо прыгали съ кочки на кочку, тяжело фыркая и навостривъ заячьи свои уши. Вся эта колонна отъ перваго человѣка до послѣдняго показывалась на поверхности снѣга только головой сѣдока, и казалось, что они словно купались, то ныряя въ снѣгу, то вновь появлялись на поверхности его. Когда мы

приблизились къ самой вершинѣ, то мятель со свистомъ носилась по всему хребту, занося все снѣжной пылью. Лошади наши совершенно устали и отказывались идти дальше. Приходилось или ночевать, что было совершенно невозможно, или оставивъ багажъ, самимъ переправиться черезъ Даванъ. Мы выбрали послѣднее и оставивъ багажъ подъ надзоромъ двухъ своихъ товарищей Санджи Асанова и Лиджи Шарапова, двинулись дальше. Нѣсколько часовъ до этого намъ пришлось оставить двухъ лошадей, совершенно уставшихъ и немогшихъ идти даже безъ груза. Дорога оставалась неизмѣнно трудной, а проводники уже изчезали изъ глазъ. Впереди та же бѣлая снѣжная полоса, то же небо, равнодушно-спокойное къ нашимъ страданіямъ. Уже прошло 15 часовъ съ тѣхъ поръ какъ начали подниматься къ «Даганъ Давану». Ноги, руки почти окоченѣли и весь организмъ казался утратилъ свою чувствительность. Проѣхали еще два часа и начали замѣчать, что снѣгъ уже менѣе глубокъ и лошади увѣреннѣе стали ступать по снѣговой поверхности. Рѣшили на нѣсколько минутъ дать отдыхъ лошадямъ, и я при первой попыткѣ слѣзъ съ лошади,—безпомощно свалился на землю и долго не могъ встать на ноги. Черезъ нѣсколько времени придя въ себя, я при содѣйствіи товарищей сѣлъ на лошадь и всѣ поѣхали правильными рядами, въ полномъ сознаніи благополучно совершенной переправы. Проѣхавъ еще два часа времени, мы замѣтили впереди черные силуэты, окончательно успокоившіе насъ такъ какъ мы безошибочно предположили въ нихъ селенія Юлдускихъ калмыковъ. То были дѣйствительно поселенія Юлдускихъ калмыковъ, подвластныхъ «Буинъ Монко» хану, потомку извѣстнаго Убаши хана. Часамъ къ 12 ночи, мы подъѣхали къ группѣ кибитокъ, къ одной изъ коихъ и повелъ насъ проводникъ. Услыхавъ нашъ шумъ, изъ кибитки привѣтствовалъ Улановъ съ благополучнымъ пріѣздомъ. Мы всѣ радостно вошли въ отведенную намъ кибитку и начали обмѣниваться впечатлѣніями совершенной переправы. Еще трагичнѣй нашей была переправа подъесаула Уланова. Съ величайшей

трудностью беря каждое разстояніе, порой онъ совершенно изчезалъ подъ сугробами снѣга. Почти у самой вершины—«Даганъ Давана», лишившись послѣдней силы въ безпрерывной борьбѣ съ жестокой стихіей, Улановъ въ одномъ изъ снѣговыхъ ущелій хребта, нашелъ себѣ невольный ночлегъ. Проведя въ немъ нѣсколько жуткихъ часовъ, онъ пошелъ дальше и только благодаря своей сказочной энергіи, и сильной волѣ, добрался онъ до Юлдускихъ калмыковъ, откуда и поспѣшилъ снарядить къ намъ проводниковъ. Эти проводники безсомнѣнно на много облегчили намъ переправу, тѣмъ самымъ освободили насъ отъ еще болѣе жуткихъ испытаній. На другой день Улановъ началъ собирать подводу на выручку остального багажа и товарищей. Я остался у Юлдускихъ калмыковъ, а всѣ товарищи во главѣ съ Улановымъ, уѣхали обратно. Подъѣхавъ къ самой подошвѣ «Даганъ Даванъ», они рѣшили заночевать, чтобы выѣхавъ раннимъ утромъ къ вечеру успѣть вернуться къ себѣ. Къ сожалѣнію, къ утру Улановъ захворалъ и пытаясь тѣмъ не менѣе поѣхать дальше, онъ нѣсколько верстъ проѣхавъ, убѣдился въ своей слабости и окончательно слегъ. Другіе его товарищи уѣхали дальше и только на другой день привезли багажъ, но вернулись съ больнымъ товарищемъ, заболѣвшимъ по пути; то былъ Лиджи Шараповъ. Часть же багажа тѣмъ не менѣе была оставлена безъ присмотра на вершинѣ, такъ какъ слишкомъ трудна была для лошадей. Поэтому пришлось снаряжать второй разъ и только на этотъ разъ удалось привести все. Когда всѣ пріѣхали ко мнѣ къ Юлдускимъ калмыкамъ, то Улановъ и Шараповъ чувствовали себя крайне тяжело. Изъ носа того и другого безпрерывной струей текла кровь, а порой даже изъ рта шелъ цѣлый потокъ крови. Съ каждымъ днемъ положеніе больныхъ все ухудшалось и ухудшалось и, наконецъ, 27 Апрѣля, въ мѣстности, подъ названіемъ «Уланъ Энге» или «Юлдюсъ», прохворавъ болѣе 2-хъ недѣль, Улановъ тихо скончался, успѣвъ мнѣ сказать, чтобы я во что бы то ни стало, добрался до Тибета и купилъ бы Ганджуръ и Данджуръ для музея Александра III. Умеръ какъ

рыцарь, въ послѣднюю минуту вспомнивъ свою миссію, свой честный и гражданскій долгъ. Грустно и до боли тяжело было хоронить на чужбинѣ своего товарища, съ которымъ было перенесено много общихъ испытаній. На склонѣ одного изъ отлоговъ «Уланъ Энге» лежитъ бездыханный прахъ неутомимаго подъесаула Уланова. На крыльяхъ ангеловъ быть можетъ онъ спѣшитъ къ далекой Лхассѣ, куда темными дорогами онъ не могъ попасть. «Пусть милосердные Будды примутъ твою душу, дорогой товарищъ, и благословятъ молитвой твой прахъ». Другой больной Шараповъ поправлялся очень медленно. Опечаленные утратой главнаго товарища, мы долго не могли выѣхать отъ Юлдусскихъ калмыковъ, чему не мало мѣшалъ и слабый Шараповъ. Наступило уже лѣто, и дальнѣйшее путешествіе, должное совершиться на верблюдахъ, не могло продолжаться, такъ какъ въ жаркую пору верблюды не могутъ переносить какой либо тяжести. Изъ «Уланъ Энге» двое моихъ товарищей Шонтановъ и Кудыревъ уѣхали домой, несмотря на всѣ наши просьбы продолжать путешествіе дальше. Лѣто мы провели недалеко отъ «Буинъ Монко» хана, подробно присматриваясь къ быту и характеру родственнаго намъ народа.

Юлдусскіе калмыки живутъ въ кибиткахъ, легко разбираемыхъ и передвигаемыхъ съ одного мѣста на другое; занимаются исключительно скотоводствомъ, ведя по истинѣ кочевой образъ жизни. Зимуютъ они въ мѣстности, называемой «Шара Цяко», недалеко отъ мусульманскаго города «Кара Шара». Лѣтомъ же занимаютъ мѣстности по всему малому и большому Юлдусу, ища хорошаго подножнаго корма. По характеру—крайне безпечны, и труда въ смыслѣ европейскомъ они совершенно не знаютъ. По религіи—буддисты, и имѣютъ громадное количество духовенства. Одѣваются въ длинные халаты, преимущественно краснаго цвѣта. Мертвецовъ своихъ не хоронятъ, а совершивъ необходимые обряды, чтеніе молитвы, оставляютъ его въ томъ же мѣстѣ, гдѣ скончался, перекочевывая сами съ этого мѣста на другое. Во владѣніи «Буинъ Монко» хана намъ пришлось пробыть

гораздо болѣе, чѣмъ мы сами предполагали. Первой причиной послужило какъ выше сказано,—наступившее лѣто, затруднившее передвиженіе на верблюдахъ. Второй же причиной послужилъ внезапно распространившійся слухъ о томъ, что началась война между Россіей съ одной стороны Китаемъ и Японіей съ другой. Не провѣривъ этотъ слухъ, немыслимо было продолжать движеніе въ Лхассу, такъ какъ могли на каждомъ шагу столкнуться съ китайцами. Благодаря этому же слуху, паломническое движеніе въ Тибетъ почти прекратилось. Мнѣ пришлось ѣхать въ пограничный городъ, чтобы удостовѣриться въ вѣроятности слуха. Вернувшись обратно, я началъ собираться въ путь, но, къ сожалѣнію, мои товарищи высказывали намѣреніе вернуться къ себѣ на родину, мотивируя такое рѣшеніе многими обстоятельствами: то войной, то смертью Уланова, то, наконецъ, отъѣздомъ 2-хъ первыхъ товарищей—Шонтанова и Кудырева. Лично мнѣ, во чтобы то ни стало, хотѣлось добраться до Лхассы, какою бы цѣною за это я ни поплатился. Такое рвеніе объяснилось во-первыхъ, высокомилостивымъ пожеланіемъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА—Бѣлаго Царя — «молитесь и хорошо молитесь святынямъ», каковое пожеланіе я принялъ, какъ божественный завѣтъ, на исполненіе коего охотно долженъ жертвовать жизнью. Во-вторыхъ, мой умершій товарищъ, Улановъ, завѣщалъ мнѣ передъ лицомъ смерти, обязанность добраться до Лхассы. Въ силу этихъ 2-хъ исключительныхъ для меня обстоятельствъ, я настоялъ надъ своими 3-мя товарищами ѣхать дальше, съ чѣмъ согласились они крайнѣ туго. Въ концѣ Августа 1904 года, мы начали собираться въ путь. Купили 19 верблюдовъ и 2-ухъ лошадей; наняли одного работника, а другого проводника обѣщалъ намъ «Буинъ Монко»—ханъ прислать за нами въ «Шара Цяке», гдѣ также проживаютъ подданные «БуинъМонко» хана. Здѣсь мы на нѣкоторое время остановились подождать пріѣзда изъ Лхассы матери «Буинъ Монко» хана, отъ которой можно было узнать свѣдѣнія о Тибетѣ, въ частности про Лхассу.

19-го Октября, утромъ покинули мы «Шаро Цяко» и безпрерывно продолжая путь, черезъ 15 сутокъ—4-го Ноября пріѣхали въ Чахлакъ, небольшой мусульманскій городъ, на краю Лобнорской области. На другой же день по выѣздѣ изъ «Шара Цяки», мы пріѣхали въ «Корле» тоже незначительный мусульманскій городъ.

Путь отъ «Шара Цяки» до Чахлака не представляетъ никакой трудности. Ѣхали все время по Лобнорской долинѣ, имѣя по правую руку пустыню «Гоби или Шамо», а по лѣвую—безпрерывный рядъ незначительныхъ возвышенностей. Растительное царство Лобнорской долины очень богато; почва преимущественно песчаная. Изрѣдка встрѣчаются мусульманскія деревни. Все мѣстное мусульманское населеніе занимается хлѣбопашествомъ и хлопководствомъ. На разстояніи 6-ти дневного пути до города Чахлака, мы встрѣтили заброшенный китайскій городъ, подъ названіемъ «Дуралъ».

Въ Чахлакѣ мы прожили около 13 дней, исправивъ всѣ путевыя принадлежности, замѣнили двухъ своихъ лошадей лосями, купили паланкинъ, наняли еще одного мусульманина и 17-го Ноября поѣхали дальше въ количествѣ 7 человѣкъ. Черезъ 11 сутокъ, держа прежнее направленіе къ юговостоку, мы пріѣхали въ мѣстность, подъ названіемъ «Чонъ Яръ», населенную такъ называемыми Чименскими калмыками. Отъ самаго Чахлака дорога идетъ на протяженіи 1½ дневного пути по Лобнорской долинѣ, которая дѣлаетъ поворотъ прямо на востокъ, благодаря чему мы должны были ее оставить и держа свое обычное направленіе, поѣхали степью, покрытою довольно скучною растительностью, въ особенности же водою. Изрѣдка встрѣчались маленькія рѣчки, съ горько-соленою водою. Дальше дорога пересѣкаетъ возвышенность, изрѣдка смѣняемую незначительными узкими долинами. По правой рукѣ все время виднѣются горныя цѣпи «Алтанъ-тагъ», тянущіяся безпрерывными рядами прямо на востокъ. Когда мы перевалили хребетъ «Алтанъ-тагъ» и въѣхали въ долину, то по лѣвую руку начинаютъ виднѣться горныя цѣпи «Чименска». Долина эта, образуя изгибъ,

постепенно подходитъ къ цѣпи Чименскихъ горъ, за которой мы въѣхали въ большую долину «Ченъ-Яръ» населенную вышеупомянутыми калмыками и тамъ рѣшили провести зиму.

Чименскіе калмыки, подданные Цайдамскимъ калмыкамъ, во главѣ которыхъ стоятъ 5 Тайджевъ-владѣльцевъ, живутъ занимаясь исключительно скотоводствомъ. Богатая растительностью природа способствуетъ здѣсь развитію безчисленныхъ дикихъ животныхъ: лошади, дикія козы и т. д. Мои товарищи охотились и убили 6 лошадей и 10 дикихъ козъ. Между прочимъ это обстоятельство обратило на себя вниманіе одного изъ мѣстныхъ священниковъ, который предупредилъ, что никто изъ ѣдущихъ въ священную Лхассу, не убиваетъ живого существа, такъ какъ обычно оно сопровождалось несчастнымъ приключеніемъ для ѣдущихъ. На это замѣчаніе мы особеннаго вниманія не обратили. Товарищи мои проводили время хорошо, посѣщая окрестныя населенія. Отношеніе Чименскихъ калмыковъ было самое предупредительное и хорошее. Наконецъ, когда начало приближаться время продолженія пути, то товарищи мои стали обращать вниманіе на то, что мы всѣ изъ родины выѣхали въ количествѣ 7 человѣкъ. Это число по калмыцкому вѣрованію считается несчастнымъ и никакое серьезное дѣло не предпринимается въ такомъ количествѣ. Въ смерти товарища Нарана Уланова они усматривали подтвержденіе общему вѣрованію, а потому предлагали мнѣ непремѣнно найти 8-го человѣка. Хотя лично я не придавалъ никакого значенія этому воззрѣнію, но пришлось считаться съ общимъ требованіемъ, и я началъ искать 8-го человѣка изъ чименскихъ калмыковъ. Къ сожалѣнію, никого не могли найти, а потому, я имъ обѣщалъ найти 8-го человѣка изъ цайдамскихъ калмыковъ.

13-го февраля 1905 года, мы выѣхали отъ чименскихъ калмыковъ. Причемъ въ Тибетъ представлялось двѣ дороги. Одна дорога, называемая «Кюрсюнъ халга», была проведена «Гюши», однимъ изъ Зюнгарскихъ хановъ, и состояла изъ

безпрерывно расположенныхъ небольшихъ камней, указывавшихъ направленіе пути. Дорога эта вела прямо на югъ и считалась самой кратчайшей въ Тибетъ. По этой дорогѣ отъ чименскихъ калмыковъ до Лхассы считалось всего 27 дневного пути. Но на пути по этой дорогѣ, въ мѣстности, подъ названіемъ «Балакъ Башъ» жили чугучакскіе киргизы, въ количествѣ до 200 кибитокъ, подъ руководительствомъ одного изъ владѣльцевъ по имени Бэкэ. Дорога проходила между горами, и миновать ихъ не было никакой возможности. Киргизы же эти занимались грабежами паломниковъ и за полтора года ихъ пребыванія, уже прославились своими набѣгами. Поэтому намъ пришлось избрать окружный, далекій цайдамскій путь. Изъ Чименска мы взяли направленіе прямо на востокъ и поѣхали все время долиной, образуемой съ одной стороны—съ правой, горными хребтами Цайдамскій, а съ лѣвой стороны продолженіями чименскихъ хребтовъ. 26-го февраля мы пріѣхали въ мѣстность «Толганъ Камга», къ Цайдамскимъ калмыкамъ, переправившись черезъ рѣку «Утуморинъ», берущую начало изъ горныхъ хребтовъ «Марко Поло». На дорогѣ, приблизительно на разстояніи 1 дневного пути, подъѣхали къ озеру «Гасъ», населенному тѣми же чименскими калмыками. «Гасъ» заросъ густымъ камышемъ, а окрестность покрыта хорошею травою. Черезъ день отъ «Гаса» подъѣхали къ озеру «Гансо», тоже поросшемъ по краямъ камышемъ, но совершенно никѣмъ не населенномъ. Продолжая путь дальше по этому же направленію, на слѣдующій день выѣзда изъ «Гансо» мы вступили въ предѣлы Цайдамскихъ калмыковъ, живущихъ въ широкой и богатѣйшей долинѣ, образуемой горами «Марко Поло» и Чименска. Бытъ цайдамскихъ калмыковъ тотъ же самый, что и чименскихъ и карашарскихъ.

Проѣзжая среди цайдамскаго населенія, мы достигли уже отмѣченнаго «Толганъ Намга». Здѣсь за безрезультатными поисками 8-го спутника, мы провели цѣлыхъ семь дней. Мнѣ оставалось убѣдить своихъ товарищей, продолжать путь въ этомъ же составѣ. Для большей авторитетности я напом-

нилъ имъ изъ изученія Будды, что когда Будда только что освободился отъ чрева матери, то онъ сдѣлалъ по 7-ми шаговъ въ каждую изъ 6-ти сторонъ, произнося свои божественныя формулы, характеризующія его земное призваніе. А потому,—говорилъ я имъ, если святой Будда избралъ количество 7, какъ символическую мѣру, то очевидно потому только что количество 7 нисколько не является несчастнымъ или роковымъ. Мои товарищи согласились ѣхать дальше и 7-го марта въ прежнемъ же количествѣ, взявъ направленіе прямо на югъ, и по дорогѣ, извѣстной подъ названіемъ «Норинъ Зуха», поѣхали дальше.

Дорога проходитъ по мѣстности глухой, занятой песками. На третьи сутки перевалили горный хребетъ «Марко-Поло» и остановились отдохнуть у озера «Хара-Нуръ», расположеннаго сейчасъ же за «Марко-Поло». Черезъ день послѣ выѣзда изъ «Хара-Нуръ», прибыли къ озеру «Шара-Нуръ» по калмыцки, а по киргизски «Мюкчи-Солма». Вся мѣстность за Марко-Поло извѣстна подъ названіемъ «Сартынгинъ-Кодя». У озера «Шара-Нуръ» внезапно захворали всѣ мои 6 путниковъ, жалуясь преимущественно на головную боль. Пока они оправились пришлось намъ пробыть здѣсь цѣлую недѣлю. Мѣстность эта совершенно пустынная и очень богата растительностью, изобилуя маленькими рѣчками или озерами. Только далеко на горизонтѣ виднѣлись горные хребты «Коко-Шилъ», вершинами сливаясь съ далекими синими облаками. Тронувшись съ «Шара-Нуръ» къ хребту «Коко-Шилъ», и толко на третьи сутки подъѣхали къ подножію его. Вся мѣстность—Сартынгинъ Кодя, какъ никѣмъ не заселенная, изобилуетъ безчисленными дикими животными. Особенно большими стадами встрѣчаются яки и дикія лошади. Нерѣдки случаи, что самцы яки дѣлаютъ нападеніе на путниковъ. По пути намъ приходилось ихъ убивать и питаться ихъ мясомъ. У подошвы «Коко-Шилъ» захворалъ одинъ изъ путниковъ и пока онъ поправлялся, пришлось намъ прожить 3 сутокъ. Выѣхавъ дальше, мы перевалили хребетъ «Коко-Шилъ». Ѣхали безпрерывно около 4—5 дней и тогда подъѣхали къ

хребту «Дунгъ Бюра». Переправившись за «Дунгъ Бюра», продолжая ѣхать по тому южному направленію, мы на десятыя сутки подошли къ хребту «Буха-Магна». Прейдя его за пять дней пути, мы подъѣхали къ хребту «Танла». Всѣ эти мѣстности, расположенныя за хребтомъ «Марко-Поло», довольно возвышены, изрѣзаны въ свою очередь не особенно большими горными хребтами, встрѣчавшимся намъ перпендикулярно дорогѣ. Съ самаго «Толганъ Намга» мѣстность никѣмъ не населена, только дикія животныя нашли здѣсь неограниченный просторъ и свободу. Сама по себѣ мѣстность крайней своею бѣдностью, въ смыслѣ растительнаго царства, очевидно виною такой пустынности. Почва сплошь каменная, изъ которой еле показывается скудная и рѣдкая трава. У подошвы хребта «Танлана», мы встрѣтились съ возвращавшимися изъ Лхассы ламами изъ Гюмбюна (одинъ изъ буддійскихъ монастырей въ монголіи). Здѣсь же мы встрѣтились съ охотниками изъ тангаутовъ, живущими за хребтомъ «Данланъ» на разстояніи 3-хъ дневного пути. Это были первыя человѣческія существа, которыхъ мы встрѣтили по дорогѣ послѣ выѣзда изъ «Толганъ-Намка» за больше чѣмъ мѣсячный путь ѣзды. На третьи сутки, по переходѣ хребта «Танланъ», мы подъѣхали къ тангутамъ, населяющимъ долины горныхъ цѣпей, гдѣ начинается граница настоящаго Тибета. Тангуты—буддійскаго вѣроисповѣданія, говорятъ на тибетскомъ языкѣ, занимаются скотоводствомъ и чаще всего грабежами. Бытъ у нихъ мало чѣмъ отличается отъ калмыцкаго, развѣ они болѣе заняты разнаго рода грабежами, что совершенно не свойственно азіатскимъ нашимъ сородичамъ. Живутъ они въ своеобразныхъ парусиновыхъ палаткахъ, легко разбираемыхъ и переносимыхъ съ одного мѣста на другое. На меня они обратили особенное вниманіе, главнымъ образомъ благодаря моему особому сидѣнію (паланкинѣ), представлявшему особый видъ кресла, навьючиваемаго на двухъ лосяхъ. Они приняли меня за святого и съ момента приближенія къ ихъ владѣнію до самой границы, кланялись мнѣ съ самымъ глубокимъ почтеніемъ и религіознымъ бла-

говѣніемъ. Перейдя владѣнія тангутовъ, мы отправились дальше и на третьи сутки пріѣхали въ мѣстность «Бумзе»—долина населенная преимущественно тибетцами. Мѣстность очень богата и привлекательна по своей внѣшности. Въ «Бумзеѣ» намъ надо было дать отдыхъ верблюдамъ, которые почти цѣлый мѣсяцъ ѣхали безъ перерыва. Лично я однимъ маленькимъ обстоятельствомъ былъ возмущенъ. На одного бѣднаго нашего верблюда, спина котораго была сильно потерта ношей, благодаря чему безпрерывно сочилась кровь, настойчиво садилась и мучила бѣдное животное ворона, и всѣ мѣры моихъ товарищей отогнать ее отъ верблюда, оказались безуспѣшными. Глубокое чувство жалости къ бѣдному животному вызвало во мнѣ такое же сильное чувство негодованія къ назойливой птицѣ. Я приказалъ одному изъ товарищей убить ворону, что и было сдѣлано. Это былъ первый и послѣдній случай за все мое путешествіе въ Тибетъ, чтобы по моей иниціативѣ лишались жизни существа. Пробывъ три дня въ Бумзеѣ, мы выѣхали дальше и черезъ сутки прибыли въ городъ «Накчу», населенный тибетцами. Въ немъ два монастыря мужской и женскій. Жители занимаются скотоводствомъ. Заночевавъ въ Накчу, мы выѣхали дальше и на шестыя сутки подъѣхали къ горѣ «Чаглу». Переваливъ «Чаглу», за день доѣхали до рѣки «Дамъ». На другой день мы поѣхали по лѣвому берегу рѣки «Дамъ», имѣя на западѣ, или по правую руку рѣку «Дамъ», за которой величественно тянулись горы «Гола», а на востокѣ, или по лѣвую руку—продолженіе оставленной нами горы „Чаглу". По всему пути мѣста удивительно красивы: зеленые горные отлоги, занятые тибетскими посѣвами, покрыты легкой утренней дымкой, которая къ восходу солнца, медленно таяла, постепенно исчезала изъ глазъ. Особенно же прелестны Чаглинскіе хребты, оголенныя вершины которыхъ горятъ на солнцѣ, разноцвѣтными глыбами дикихъ камней. Цѣлый день мы ѣхали по берегу рѣки «Дамъ» и перейдя въ одномъ изъ мелкихъ мѣстъ, мы перемѣнили направленіе и поѣхали прямо на западъ. Жители по долинѣ рѣки «Дамъ» преимущественно

тибетцы и занимаются исключительно земледѣліемъ. Почва въ силу горнаго характера мѣстности,—каменисто-песчаная. Нѣтъ ни одного годнаго клочка земли въ ущельяхъ и долинахъ горъ не занятыхъ и не обработанныхъ тибетцами. Передвигаются по рѣкѣ на лодкахъ, сдѣланныхъ изъ толстыхъ кожъ яковъ и другихъ мѣстныхъ животныхъ. Лодки легко складываются и удобны для переноса.

До Лхассы оставалось верстъ 70; сердце нетерпѣливо билось и хотѣлось скорѣе увидѣть священную Лхассу. Никто не чувствовалъ усталости и ежеминутно смотря впередъ на горизонтъ, мы весело бесѣдовали другъ съ другомъ. Часамъ къ 6-ти вечера, когда солнце находилось еще высоко надъ горизонтомъ, мы увилѣли небольшіе купола буддійскихъ храмовъ, горѣвшихъ на солнцѣ своими золотыми крышами. То были храмы священнаго города.

Легко представить себѣ состояніе души путниковъ, проведшихъ въ дорогѣ годъ съ лишнимъ и видящихъ, наконецъ, передъ собой тотъ городъ, куда они такъ долго и упорно ѣхали. Этотъ городъ заманчивый и сказочный буддійской душѣ своими живыми божествами, своими чудесными святынями—этотъ городъ предсталъ во всей своей красотѣ и такъ много, много сулилъ намъ.

Часамъ къ 7-ми мы въѣхали въ Лхассу и остановились въ номерахъ. Уставшіе безостановочной ѣздой послѣдняго дня, мы не могли въ тотъ же день предпринять какихъ либо шаговъ. На третій день пребыванія въ Лхассѣ, поѣхали представляться къ Намѣстнику Тибета и замѣстителю Далай-Ламы—Галданъ-Тевя-Римбочэ. Преподнесли Бумба и Манра изъ серебра вызолоченные (особыя посуды для ношенія священной воды) и коверъ изъ золотой парчи. На 4-й день пребыванія представлялись Серъ-Гомъ Джоржи-Чану, главному учителю по ученію Будды. Мы слышали одну изъ его проповѣдей по буддизму, на которую собралась тысячная толпа. На пятый день пребыванія, поѣхали осматривать дворецъ Далай-Ламы-Потала и поклониться святынямъ его. На 6-ой день пребыванія поѣхали въ знаменитый монастырь «Превинъ-

Кидъ», отстоящій отъ Лхассы въ верстахъ 7-ми къ югу. Въ этомъ монастырѣ сосредоточены всѣ высшія учебныя заведенія Тибета по буддизму—Духовныя Академіи «Чори» и «Джюдъ». Во главѣ монастыря стоитъ бревинъ хамбо, главный профессоръ и руководитель высшихъ учебныхъ заведеній. На 7-ой день пребыванія поѣхали въ другой монастырь «Серя», находящійся на разстояніи 4-хъ верстъ къ сѣверу отъ Лхассы. На 8-й день пребыванія всѣ мои товарищи поѣхали поклониться въ монастырь «Галданъ», отстоящій въ верстахъ 40 отъ Лхассы, на востокъ отъ нея. Послѣ пріѣзда моихъ товарищей, я былъ у китайскаго амбана и поочередно представлялся всѣмъ 4 Министрамъ Далай-Ламы: Цара Галангъ, Лама-Галангъ и т. д. Послѣ представленій высшимъ Ламамъ и административнымъ лицамъ, мы подробно осматривали Лхассу, постепенно пріобрѣтая нужныя книги и предметы религіознаго культа. Изъ книгъ нами пріобрѣтено энциклопедическое сочиненіе по буддизму «Ганджуръ» и коментаріи на него «Данджуръ» спеціально для музея Александра III-го, какъ и просилъ объ этомъ мой покойный товарищъ Улановъ. Куплены также и другія сочиненія, напримѣръ, сочиненіе 5-го Далай-Ламы, сочиненіе Бадма Джюнгъ «Хларэ Гатангъ» въ 5-ти томахъ.

Расположеніе города Лхассы типично буддійское. Въ серединѣ города находятся два главныхъ храма «Большой Зу» и «Малый Зу». Вокругъ этихъ храмовъ страннымъ образомъ расположились постройки, занятыя торговыми учрежденіями. Здѣсь же имѣются номера для пріѣзжающихъ. Вся эта часть города не блещетъ чистотой и безпрерывно кишитъ людьми. За этой круглой полосой—второй отъ центра, лежитъ третья полоса города, занятая домами высокопоставленныхъ лицъ. На западѣ отъ Лхассы, на разстояніи 2-хъ верстъ, находится Потала—дворецъ Далай-Ламы, громаднѣйшее по размѣру зданіе, въ 14 этажей.—

Въ окрестностяхъ Лхассы расположены 3 главныхъ буддійскихъ монастыря «Бревинъ Кидъ», «Серя», «Галданъ». Постройки преимущественно каменныя, но не кирпичныя.

Изъ мелкихъ камней, прикрѣпляемыхъ другъ къ другу особымъ составомъ, воздвигаются зданія до 2-хъ, 3-хъ этажей. Населена Лхасса самыми разноплеменными элементами при преобладающемъ господствѣ самихъ тибетцевъ. Торговыя предпріятія находятся въ рукахъ мусульманъ, поддерживающихъ безпрерывное экономическое сношеніе съ Индіей, въ частности съ Калькуттой. Сами тибетцы довольно сносные земледѣльцы и въ этомъ отношеніи не пропадаетъ у нихъ даромъ ни одинъ клочекъ земли.

Ежедневная жизнь Лхассы исключительно религіозная. Не бываетъ почти дня, чтобы въ одномъ изъ храмовъ ея не совершалась бы торжественная служба, при участіи многочисленнаго духовенства. Вокругъ главныхъ двухъ храмовъ—Большой и Малой «Зу» густой толпой шествуютъ безчисленные паломники, каждый лепеча молитву и по временамъ дѣлая земные поклоны храмамъ. Есть нѣчто трогательное и глубоко прочувствованное во всѣхъ этихъ шествіяхъ. Пріѣзжаютъ люди изъ далекихъ окраинъ, радостно перенося всю тягость азіатскаго пути. Здѣсь, въ этомъ для нихъ священномъ городѣ, совершая ежедневныя молитвенныя шествія вокругъ величественныхъ «Зу», вся эта масса забываетъ свою усталость и страданіе, забываютъ горе семейной жизни, забываютъ и прощаютъ всю свою злобу человѣчеству. Есть во всемъ этомъ много осмысленнаго и глубоко серьезнаго. Неужели страдающему человѣчеству, раскинутому по всему лицу земного шара, не все равно по существу въ чемъ бы оно ни находило успокоенія души и минутнаго забвенія, лишь бы оно его дѣйствительно находило.

Въ ближайшихъ монастыряхъ «Бревинъ Кидъ» «Серя» и «Галданъ» жизнь исключительно академическая. Во всѣхъ 3-хъ монастыряхъ число учащихся доходитъ до 18,000 человѣкъ. Сперва поступаютъ въ «Чори», а затѣмъ по окончаніи, переходятъ въ «Джюдъ». Поступаютъ въ «Чори» съ девяти десятилѣтняго возвраста, съ нѣкоторой обязательной подготовкой. Въ «Чори» проходятъ «Парчинъ»—философія о сущности вещей. Курсъ продолжается минимумъ 17 лѣтъ,

и то при хорошихъ способностяхъ. Курсъ крайне трудный, а потому и число оканчивающихъ не велико—приблизительно отъ 20 до 25 человѣкъ въ среднемъ. По окончаніи «Чори», поступаютъ въ «Джюдъ», въ которомъ приходится учиться въ теченіи 15 лѣтъ. Окончаніе перваго даетъ званіе «Фла Рамбо», а окончаніе второго «Аграмбо». Лица, имѣющія второе званіе крайне рѣдки, такъ какъ полное прохожденіе курса съ самаго начала требуетъ отъ 32—40 и 45 лѣтъ. Понятно, что рѣдкія лица преодолѣваютъ такой продолжительный курсъ. Крайне пріятно смотрѣть на жизнь учащейся массы въ этихъ монастыряхъ. Всѣ крайне преданы своей наукѣ и серьезны въ своихъ занятіяхъ. Убѣленные сѣдинами, старые монахи терпѣливо сидятъ надъ преодолѣваніемъ мудрости буддійской философіи. Для этихъ людей нѣтъ міра иного, кромѣ ученія Будды, въ которомъ дѣйствительно находятъ отвѣты на всѣ вопросы жизни людей и міра. Жизнь общей массы съ ея суетой и безконечнымъ желаніемъ все новыхъ и новыхъ цѣнностей для нихъ не имѣетъ смысла: она слишкомъ мелочна и безпокойна. И въ этой упорной академической жизни монаховъ тоже есть своя прелесть и своя несомнѣнная цѣнность. Она достойна глубокаго уваженія и искренняго благоговѣнія. Что еще можно требовать отъ человѣка и человѣческаго ума болѣе дѣльнаго и глубокаго, чѣмъ посвященіе жизни изученію мудрости и философіи человѣка, авторитетъ коего признаютъ почти $^1/_3$ всего человѣчества. Европа давно клеймитъ Азію кличкой некультурности. Она даже символъ невѣжества. Въ этой же самой Азіи люди посвящаютъ всю свою жизнь надъ изученіемъ великаго ученія, разрѣшающаго труднѣйшія проблемы міроваго бытія—о смыслѣ жизни, о природѣ вещей и т. д. Да, дѣйствительно Азія некультурна своимъ населеніемъ. Ея дѣтище—необработанные сыны природы, и они также малопривлекательны во всемъ, какъ мало привлекателенъ самый грандіозный камень въ природѣ, но не отесанный и не украшенный рукою культурнаго человѣка. Зато въ этой дикой и сырой Азіи есть такія крупинки золота, которыя

быть можетъ, рисковано даже оцѣнить нашей неустойчивой мѣрой. Эти крупинки золота также блещутъ въ сѣдыхъ головахъ буддійскихъ монаховъ, какъ блещутъ и манятъ Европу золотыя розсыпи Тибета. Пора бы Европейской мысли оставить свои традиціонныя отношенія и удостоить азіатскую мудрость своимъ научнымъ вниманіемъ. Таится ли умъ въ желтолицемъ «Ли-хун-Чангѣ», таится ли онъ въ горделивомъ Бисмаркѣ, или родится въ курчавой головѣ американскаго негра—онъ одинаково нуженъ всему человѣчеству потому, что одинаково въ немъ всѣ нуждаются....

Занятія въ монастыряхъ идутъ почти круглый годъ. Учащіеся собираются съ самыхъ различныхъ концовъ Азіи. Потала—дворецъ Далай Ламы самое огромное зданіе въ Тибетѣ. Построенъ онъ у крутой горной скалы, непосредственно одной своей стѣной упираясь въ нее. Очевидно трудность построить такое высокое зданіе при полномъ отсутствіи строительной техники и служитъ причиной избранія такого мѣста для дворца. Со стороны скалы Потала на одинъ этажъ выше уровня горы, такъ что производитъ впечатлѣніе одноэтажнаго дома. Зато онъ величественъ съ противоположной стороны. Въ самомъ нижнемъ этажѣ помѣщается гробница всѣхъ Далай Ламовъ, предшественниковъ нынѣ существующаго. Внутренность дворца убрана типично, въ восточномъ вкусѣ, какъ жилище лица духовнаго званія. Преобладаютъ въ немъ самыхъ различныхъ категорій иконы святыхъ Буддъ. Доступъ даютъ только къ нѣкоторымъ покоямъ, такъ что большинство комнатъ постороннимъ не показываютъ. Въ отношеніи природныхъ богатствъ Тибетъ особенно изобилуетъ золотомъ. Примѣняя самыя примитивныя способы, тибетцы тѣмъ не менѣе находятъ въ достаточномъ количествѣ золото. Нѣтъ почти домовъ съ среднимъ состояніемъ, въ коихъ не было бы золотыхъ чашекъ для ихъ Буддъ. Богатствомъ же золота объясняется то, что у всѣхъ почти, начиная съ самыхъ заурядныхъ храмовъ, купола украшены массивнымъ золотомъ. Все это указываетъ насколько въ нѣдрахъ Тибета лежитъ неисчерпаемое богатство. Господ-

ствующее занятіе тибетцевъ—земледѣліе. Есть нѣсколько суконныхъ фабрикъ безъ современныхъ техническихъ усовершенствованій. Другія отрасли производства не нашли здѣсь развитія. Таково приблизительно сердце Тибета—Лхассы и ея окрестности,—насколько можно было къ ней присмотрѣться за три мѣсяца безпрерывнаго пребыванія.

Прошло не мало времени, всѣ необходимыя дѣла наши были совершены. Оставалось собираться домой. Наняли 40 яковъ и 5 человѣкъ, а верблюды наши, истощенные безкормицей Лхасса и ея окресностей еле въ состояніи были сопровождать насъ порожнякомъ. Изъ рабочихъ 3-ое были калмыки изъ западной Монголіи; среди нихъ по своему развитію, выдѣлялся ученый монахъ Санджи Дониръ, ѣздившій въ Лхассу въ качествѣ паломника. Четвертымъ рабочимъ былъ мѣстный житель тибетецъ Ловсангъ, а пятый Тободенъ Джальцанъ Балюгновъ,—гелюнъ Власовской станицы—калмыкъ, ѣздившій въ Тибетъ учиться, 23-го іюля 1905 года, въ составѣ 12 человѣкъ, мы выѣхали изъ Лхассы и взявъ направленіе прямо на сѣверъ черезъ горы Гола и Чагла, 26-го іюля прибыли къ рѣкѣ Дамъ. Отпустивъ нанятыхъ, купили 40 головъ яковъ и поѣхали въ прежнемъ направленіи дальше: проѣзжая по старой дорогѣ, переваливая горныя возвышенности одну за другой, какъ напримѣръ, Панла и др., мы вступили въ предѣлы «Сартангинъ Кодя»—пустыня. Бесѣдуя на самыя различныя темы съ путниками, я и мои товарищи однажды были поражены слѣдующимъ вопросомъ, заданнымъ мнѣ однимъ изъ спутниковъ Санджи Донирома: «знаю ли я нѣкоего Данби Джальцана изъ народовъ въ Россіи, подъ названіемъ Шарасъ Махасъ»? Такъ какъ мнѣ дѣйствительно не былъ извѣстенъ ни народъ «Шарасъ Махасъ», ни Данби Джальцанъ, то мнѣ осталось отвѣтить, что я его не знаю. Санджи Дониръ, испытывающе посмотрѣлъ на меня и продолжалъ: «Въ 1890-омъ году у своихъ торгоутскихъ калмыковъ, жилъ я въ качествѣ эконома у одного извѣстнаго Ламы, по имени Цаганъ Гегена. Въ это время, изъ Россіи пріѣхалъ къ намъ нѣкто Данби Джальцанъ, человѣкъ прибли-

зительно 25-ти лѣтъ по наружному виду священникъ. Онъ просилъ у Цаганъ Гегена подводы довести до города «Урумчи», на что Гегенъ согласился. Но я, принявъ его за какого нибудь авантюриста, подводы не далъ. Данби Джальцанъ на меня крайне разсердился и сказалъ между прочимъ слѣдующее; «Въ недалекомъ будущемъ годъ, мѣсяцъ и день Дракона, я пріѣду изъ своей родины «Шарасъ Махасъ» съ вооруженной силой и тогда Санджи Дониръ, я сумѣю отплатить тебѣ соотвѣтственно настоящему твоему обращенію». Незадолго послѣ этого инцидента съ Данби Джальцаномъ, продолжалъ Санджи Дониръ, люди, пріѣхавшіе изъ Урги, разсказывали, что Данби Джальцанъ добрался до Урумчи, откуда заѣхавъ въ Пекинъ, обратно попалъ въ Ургу. Въ Ургѣ Данби Джальцанъ написалъ письмо Ургинскому хутухту, что настало время, для него наиудобнѣйшее и что онъ долженъ занять престолъ всей Монголіи. какъ ни отъ кого независимый государь. Письмо это встревожило общество и начали искать его автора. На основаніи какихъ-то уликъ, подозрѣніе пало на Данби Джальцанова, а потому его немедленно привели къ хутухту на объясненіе. На вопросы, касающіеся его личности и подданства, Данби Джальцанъ по обыкновенію отвѣчалъ, что онъ русско-подданый и происходитъ изъ народа, извѣстнаго подъ названіемъ «Шарасъ Махасъ», Его арестовали по приказанію Богдынъ Хутухту и этапнымъ порядкомъ отправили къ пограничному русскому консулу». Такъ закончилъ свой длинный и курьезный разсказъ Санджи Дониръ. Вспомнивъ, что о Данби Джальцановѣ, мнѣ приходилось слышать у арванъ-соманскихъ калмыковъ, я отвѣтилъ Санджи Дониру указаніемъ на это обстоятельство, отмѣтивъ ему, что арванъ-соманскіе калмыки не приводили такихъ деталей похожденіямъ Данби Джальцанова, какъ день, часъ выѣзда его соотвѣтствовавшимъ по калмыцкой астрологіи дню, часу и году «Дракона». Мы тоже выѣхали въ это время, а потому не мало удивляюсь столь точному совпаденію времени выѣзда. Если принять во вниманіе, что нашей миссіи бывшій военный министръ Куропаткинъ придавалъ значеніе

военной экспедиціи во 1-хъ, а во-вторыхъ меня дѣйствительно зовутъ Данбо или Данби, да еще за день передъ выѣздомъ изъ родины, я посвятилъ двухъ мальчиковъ и далъ имъ имя: Данби Джальцанъ и Горибъ Джальцанъ, то невольно приходится признать, что между этими и героемъ разсказа есть какое-то непонятное тождество. Такъ закончилась наша болѣе чѣмъ странная бесѣда. Продолжая наше движеніе прямо на сѣверъ, по старой же дорогѣ, въ первыхъ числахъ ноября мы пріѣхали къ рѣкѣ «Уту-Моринъ», заселенной цайдамскими калмыками. У Цайдамскихъ калмыковъ въ одномъ изъ мѣстъ нашего отдыха, я обратился къ группѣ калмыковъ, по обыкновенію собравшейся къ нашему пріѣзду, – знаютъ ли они нѣкоего Данби-Джальцана. Всѣ отвѣтили, что знаютъ; при чемъ одинъ изъ нихъ, по имени Багли Меренъ —родовой старшина, привелъ слѣдующее обстоятельство изъ похожденія того же Данби Джальцана: «Данби Джальцанъ пріѣхалъ къ намъ случайно встрѣтившись съ калмыками, ѣхавшими въ Тибетъ, присоединился къ нимъ и уѣхалъ въ Тибетъ. Черезъ нѣсколько времени Данби Джальцанъ возвратился среди зимы и пѣшкомъ, безъ надлежащаго запаса продуктовъ и одежды. Онъ разсказывалъ, что на пути въ Тибетъ, въ мѣстности, подъ названіемъ «Арангинъ Голокъ», на него напали разбойники тангуты и ограбили. Я сжалился надъ нимъ, продолжалъ Багли Меренъ, и далъ ему шубу и провіанта. Черезь нѣсколько времени я поѣхалъ искать верблюда и вижу на одномъ деревѣ шубу, которую далъ Данби Джальцану. Осматривая окрестность, я наткнулся на слѣды пѣшаго человѣка, шедшаго по направленію къ чименскимъ горамъ, по мѣстности глухой, покрытой одними песками»,—такъ закончилъ свой разсказъ Багли Меренъ, придавшій имъ личности Данби Джальцана еще болѣе сказочный характеръ.—

У цайдамскихъ калмыковъ мы распродали свои 40 яковъ, а для дальнѣйшаго передвиженія наняли верблюдовъ до города Чахлака, куда прибыли въ первыхъ числахъ декабря 1905 года. Изъ Чахлака нанялиословъ и прибыли въ городъ

Карашаръ 1-го января 1906 года. Отъ 17 верблюдовъ, выведенныхъ нами изъ Тибета оставалось всего 7 головъ, а остальные, или измученные остались по дорогѣ, или издыхали отъ болѣзней. Изъ Карашара выѣхали на 2-хъ подводахъ, въ количествѣ 5-ти человѣкъ, а съ ямщиками 7, и пріѣхали въ Урумчу въ 10 числахъ января. Изъ Урумчи выѣхали тоже на 2-хъ подводахъ въ прежнемъ составѣ, проѣхавъ черезъ таможный пунктъ Хоргосъ, и 20-го января пріѣхали въ городъ Джаркендъ. Изъ Джаркенда, въ 1-хъ числахъ февраля пріѣхали въ Ташкентъ а изъ Ташкента, по желѣзной дорогѣ 10-го февраля 1906 года я былъ въ своей станціи Ремонтное. Насколько искренно радовался, увидя священную Ихассу, обѣщавшую мнѣ глубокое духовное удовлетвореніе, настолько же радовался я, въѣзжая въ свою убогую деревню отъ сознанія совершеннаго долга передъ Высокимъ Буддой. Какое бы значеніе люди не придавали, но лично для меня поѣздка въ Тибетъ имѣетъ глубокое моральное значеніе.

Первой вѣсточкой глубоко обрадовавшей меня, было извѣстіе о представленіи намъ права имѣть самостоятельный храмъ и хурулъ. Все было забыто мною: и страданія продолжительнаго пути, и печаль, и слезы, вызванныя закрытіемъ храма. Въ моей душѣ воцарилось такое же ясное и теплое самосознаніе, какое бываетъ и въ природѣ, когда солнышко радостно озаритъ своими теплыми лучами на смѣну продолжительному туманному ненастью. Испытанія, посланныя Всевышнимъ прошли, задача духовнаго званія разрѣшена. Прими же мою благодарственную молитву Высокій Будда; твоимъ покровительствамъ божественнымъ преподношу благоговѣйнѣйшія чувства свои!—

Въ Апрѣлѣ 1906 года поѣхалъ въ Петербургъ отдавать отчетъ въ своей поѣздкѣ.—

Послѣ возвращенія изъ Петербурга я въ своемъ домѣ нашелъ письмо Ургинскаго Юнг-зинъ-Хамбо, присланное имъ мнѣ въ 1895 году, въ которомъ предсказалъ, что я долженъ быть въ Тибетѣ не раньше, какъ въ годахъ змѣи или лошади (т. е. 1905—6 г.г.). Это дѣйствительно соверши-

лось согласно указанію его. Теперь я этому повѣрилъ такъ какъ былъ вполнѣ убѣжденъ что имѣлъ счастіе быть въ Тибетѣ въ 1905 году. Въ 1907 году въ январѣ мѣсяцѣ, мнѣ посчастливилось пріобрѣсти частицу мощей Шакіа-Муни, переданную мнѣ Его Величествомъ Сіамскимъ Королемъ, черезъ Министра своего г. Фіа Сридхамасасана въ Петербургѣ и отъ этого же событія я тоже былъ въ большомъ восторгѣ и радости.

Весною того же 1907 года было необыкновенное явленіе:—въ Юртѣ Эркетинской станицы выросъ удивительный цвѣтокъ-лазурь, отъ одного ствола имѣющій 40 листьевъ и 13 стебельковъ, цвѣта краснаго, величиною съ кулакъ средняго роста человѣка. Въ настоящемъ же 1912 году въ оградѣ Эркетинскаго хурула тоже выросъ особенный цвѣтокъ, отъ одного корня до 232-хъ цвѣтковъ. Каждый цвѣтокъ имѣетъ по четыре лепестка и по одной сердцевинѣ; по срединѣ каждаго лепестка—небольшое черное продолговатое (подобно головкѣ сахара) пятно, начинавшееся отъ основанія лепестка; пятно это окружено желтымъ сіяніемъ. Цвѣтокъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что общій цвѣтъ его лепестковъ временами измѣнялся: въ началѣ мая лепестки имѣли темно-красный цвѣтъ, въ концѣ мая—розовый, въ 1-хъ числахъ іюня—блѣдно-алый, въ среднихъ числахъ этого же мѣсяца—блѣдно-желтый, а въ началѣ іюля сдѣлались совсѣмъ желтыми.—

Такого рода рѣдкія явленія были во время рожденія Шакіа-Муни въ Индіи, про которыя говорится въ 7-ой главѣ «Джачир-ролвѣ» (Сутрасъ).—

По моему убѣжденію, если онъ, Будда есть дѣйствительный Богъ, какъ его признаютъ буддисты, то Онъ долженъ пребывать при своихъ мощахъ и только по его милости могутъ происходить подобныя явленія.—

Примѣчаніе:

Разсматривая все наше путешествіе со стороны количества участвовавшихъ въ немъ лицъ, я замѣтилъ странное доминированіе въ немъ состава отъ начала до конца количества 7-мь.

Это количество участвовавшихъ въ немъ лицъ тождественно количеству тѣмъ 7 шагамъ, которые сдѣланы были Буддою по освобожденіи имъ отъ чрева матери. Сила и стараніе, которыя имѣлъ ввиду Будда положить въ основу своей учительской дѣятельности, также вполнѣ соотвѣтствуютъ всѣмъ прилежаніямъ, которыя нами были положены во все время совершенія путешествія отъ Петербурга до Лхассы.—

7 шаговъ, сдѣланные Буддою, имѣютъ примѣрное значеніе. Ими Будда хотѣлъ подчеркнуть, что въ дѣйствительности, въ жизни онъ свои идеи такъ же будетъ проводить практически, какъ онъ совершилъ и эти 7 шаговъ, какъ символъ будущей дѣятельности. Они имѣютъ съ самой дѣятельностью такую же связь, какую мы должны установить между идеей о путешествіи и первымъ нашимъ шагомъ изъ нашей станицы. Что же касается цифры или числа 7, то это обозначаетъ опредѣленное количество вообще. Число 7 для Будды имѣло особое значеніе.

Доминированію этого же числа въ нашемъ путешествіи, мы тоже склонны придавать особое значеніе. Господство числа 7 въ нашемъ путешествіи выразилось въ слѣдующихъ моментахъ:

1) Насъ провожали люди изъ 7 станицъ и хуторовъ.

2) Выѣхали въ составѣ 7 человѣкъ.

3) Встрѣтили на пути загадочные курганы, въ составѣ 7-ми.

4) Донскіе калмыки въ то время раздѣлялись на семь станицъ.

5) По пути, хотя одинъ изъ насъ умеръ, но въ городѣ Чахлакѣ силою обстоятельствъ должны были составъ спутниковъ довести до 7-ми.

6) Въ Лхассу въѣхали, имѣя 17 верблюдовъ, 2 лося, и 2 лошади, что и даетъ 21, составляющееся изъ 3-ое кратно взятаго 7.

7) На обратномъ пути пока мы пріѣхали къ Карашарскимъ калмыкамъ, то верблюдовъ осталось тоже всего 7.

8) Изъ Карашара до Урумчи и изъ послѣдняго до Джаркенда мы ѣхали тоже въ составѣ 7 лицъ (5 путешественниковъ и 2 кучера).

9) На обратномъ пути тоже пріѣхали къ загадочнымъ 7-ми курганамъ и поднесли обычный «Серджимъ» (даръ).

10) Изъ Ташкента мы выѣхали въ количествѣ 5 человѣкъ. Но въ Великокняжескѣ соединившись въ пути съ вернувшимися 2 товарищами Кудыровымъ и Шонтановымъ, опять составили количество 7.

11) Въ своей станціи Ремонтное слѣзли 7 числа мѣсяца и дня Дракона по калмыцкому лѣтоисчисленію, а по русскому 10 февраля 1906 г.

12) Въ Лхассу въѣхали въ 7 часовъ вечера, а домой пріѣхали тоже въ 7 часовъ вечера.

Въ 1910 году, просматривая сочиненіе Бадма Джюнга, подъ названіемъ «Хларэ Гатангъ», въ 22-ой главѣ я нашелъ предсказаніе Бадма Джюнга же, касающееся нѣкихъ Гагунъ и Занба.

Заинтересовавшись этимъ предсказаніемъ, и продолжая просматривать и другія сочиненія, въ одномъ изъ 12 трактовъ Будды (12 закаловъ), а именно въ «Джачиръ Оролва», я нашелъ подробное предсказаніе самого Будды, касающееся тоже Гагунъ и Занба. Подробно ознакомившись съ этими

двумя трудами, я пришелъ къ выводу, что относительно Гагунъ и Занба имѣются 2 предсказанія Будды и одно предсказаніе слѣланное Бадма Джюнгомъ, при чемъ эти три предсказанія отнюдь не относятся къ однимъ и тѣмъ же лицамъ, а имѣютъ въ виду совершенно самостоятельныя новыя личности въ каждомъ случаѣ. Такъ Гагунъ и Замба въ первомъ предсказаніи Будды не тождественны Гагуну и Замбовэ во второмъ предсказаніи того же Будды. Оба же случая предсказанія Будды совершенно не тождественны предсказанію Бадма Джюнги. На основаніи разбора всѣхъ признаковъ, свойственныхъ въ предсказаніяхъ Бадма Джюнгѣ о Гагунѣ и Занбѣ, и соотвѣтствія ихъ всѣмъ личнымъ признакамъ и исторіи жизни и судьбы Наранъ Уланова и моего, склоненъ предположить, что предсказаніемъ Бадма Джюнги предусматривалась жизнь и судьба Уланова и моя. Чтобы не быть голословнымъ я привожу цѣликомъ все предсказаніе Бадма Джюнга и снабжу его соотвѣтствующимъ коментаріемъ, а затѣмъ подчеркну тождественные моменты въ томъ и другомъ. Въ своемъ «Хларэ Гатангъ» Бадма Джюнгъ говорилъ слѣдующее: Гагунъ и Занба—первый воплотится въ лицо духовнаго званія, а второй въ лицо свѣтскаго званія. при чемъ свѣтское лицо по происхожденію будетъ изъ простой среды, но достигнетъ хорошаго положенія путемъ службы, рвенія и усердія. Они оба подвергнутся зловредному дѣйствію со стороны владыки духовъ или кладбища въ мѣстности, гдѣ на 7 могилахъ иновѣрцевъ будутъ воздвигнуты 7 памятниковъ. Если отъ этой опасности представляемой Владыкой духовъ или кладбища, выйдетъ неповрежденнымъ лицо свѣтскаго званія, то естественнымъ послѣдствіемъ этого исхода, будетъ развитіе особенныхъ субъективныхъ чувствъ: честолюбіе, властолюбіе и эгоизмъ.

Если изъ этой опастности выйдетъ неповрежденнымъ лицо духовнаго званія, то такой исходъ обусловленъ будетъ его глубокимъ познаніемъ, его мудростью, какъ знаменитаго толкователя.

Какъ лицо выдающееся, онъ обладаетъ особыми приз-

наками: 1) на лѣвой сторонѣ пупка онъ имѣетъ родинку (родимое пятно), подъ названіемъ «Ханъ іозуръ», на лѣвомъ плечѣ родинка подъ названіемъ «Нойонъ іозуръ» на лѣвой ляшкѣ родинка, подъ названіемъ «Бирмэни іозуръ» на лобномъ мѣстѣ всего корпуса имѣетъ родинку, подъ названіемъ «Албата іозуръ».

Обладатель этихъ четырехъ признаковъ будетъ могущественнымъ усмирителемъ и обуздателемъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ злыхъ луховъ или демоновъ; имъ будутъ парализованы зловредныя силы и воздѣйствія этихъ существъ на человѣчество.

Онъ будетъ усерднымъ поклонникомъ всѣхъ моихъ ученій, первымъ практическимъ примѣнителемъ ихъ къ жизни своей, напоминая во всемъ меня съ такою же точностью, съ какою самая совершенная копія похожа на оригиналъ. Жена его воплощеніе богини «Дяркинъ Хобилганъ», опредѣляемая иначе по ея рожденію, какъ обладательница «земля обезъяна». Она родитъ 3-хъ сыновей-бодисатовъ, каждый изъ нихъ будетъ имѣть особыя высшія награды на землѣ.

Коментарія.

Изъ предсказаній Бадма Джюнга:

1) фраза—«первый воплотится въ лицо духовнаго званія» (Гагунъ)—означаетъ, что Гагунъ родится и будетъ жить, какъ духовное лицо, имѣя соотвѣтствующую внѣшнюю наружность.

2) фраза—«лицо свѣтскаго званія»—означаетъ, что (Замбо) будетъ вести свѣтскую семейную жизнь.

3) фраза—«свѣтское лицо по происхожденію изъ простой среды, но выдѣлится службою, рвеніемъ, усердіемъ»—означаетъ, что (Замбо) онъ будетъ особенно настойчивъ въ службѣ, способенъ, а потому отмѣченъ будетъ въ знаніи и особаго общественнаго положенія.

Фразу—инородцемъ поставлены будутъ памятники... нужно понимать вообще всякаго лица другого вѣроисповѣданія, мусульманина, брамина, индуса и т. д.

Фраза—воздвигнуты будутъ 7 памятниковъ, означаетъ—всякое воздвиженіе 7 памятниковъ на 7 могилахъ.

Фраза—если выйдутъ неповрежденными, означаетъ—благополучный исходъ отъ злонамѣреннаго покушенія со стороны «Онгонъ Тенгера» владыки кладбища, надгробныхъ мѣстъ.

Терминъ-Сансаракчи или Сажаринъ-Эчисчи—не простой человѣкъ означаетъ—вообще человѣка, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго званія уже освободившагося отъ порока и грѣха, вступающаго на путь высшаго состоянія и т. д.

Подъ словомъ—толкователь, учитель—надо понимать

обязанность или положеніе духовнаго лица вообще распространять и разсѣивать законы вѣры.

Подъ словомъ—Гегенъ-біе—просвѣщенное, просвѣтлившееся, умудренное,—надо понимать особое почтительное и уважительное отношеніе, выражающееся въ спеціальныхъ терминахъ.

Подъ словомъ—Ямалакчинъ-біе—повелѣвающее существо, надо подразумѣвать лицо свѣтскаго званія, занимающее особое іерархическое положеніе, дающее власть и право повелѣвать и господствовать надъ другими.

Подъ выраженіями—на лѣво отъ пупка признаки ханскаго происхожденія; на лѣвомъ плечѣ, признаки нойонскаго происхожденія, на лѣвой ляшкѣ признаки браминскаго происхожденія, на лѣвой ляшкѣ признаки браминскаго происхожденія, на лѣвой сторонѣ признаки простого происхожденія—нужно подразумѣвать тѣ внѣшнія особенности, которыя должны быть свойственны только тому лицу, духовнаго званія, которое выйдетъ безъ поврежденія отъ покушенія владыки духа. При чемъ авторъ этого очерка глубоко увѣренъ въ томъ, что данное предсказаніе касается его и Уланова. Признаки, описываемые выше имѣются у него; также и другія черты—какъ то: знаніе ученія Бадма Джюнга, способность толкованія и т. д., все это вполнѣ тождественно съ его качествами. Онъ же обладаетъ чудесною силою исцѣленія и умиротворенія нуждающихся въ его помощи. Особенно же онъ силенъ въ знаніи высшихъ мистическихъ ученій, силою коихъ онъ нерѣдко дѣйствуетъ на жизнь.

Характеристика, даваемая Бадма Джюнга, также соотвѣтствуетъ личнымъ чертамъ приводимаго ламы, ибо онъ дѣйствительно превосходно знаетъ ученіе Бадма Джюнга, также образцово приводитъ это ученіе въ своей практической жизни.

Указаніе его супруги «Даркинъ Хобилганъ» рожденной въ годъ земля-обезьяна, надо понимать, какъ указаніе на жену только что описаннаго Ламы.

Указаніе—«у нея родится трое сыновей, каждый изъ коихъ будетъ воплощеніемъ святыхъ—понимать, что у «Даркинъ Гегенъ» родится трое сыновей, которые будутъ носить имена Маназу Шира, Хумшимъ Боди—Садо и Очиръ Вани».

Всѣ же характерныя черты, приписываемыя лицу свѣтскаго званія, тождественны съ тѣми чертами, которыя были свойственны моему спутнику Наранъ Уланову. Онъ былъ уже женатъ 17 лѣтъ, а 18 лѣтъ поступилъ въ школу, по окончаніи которой перешелъ въ Юнкерское училище въ Новочеркасскѣ. Затѣмъ былъ произведенъ въ офицеры съ назначеніемъ въ полкъ. При поступленіи въ полкъ, у него родился сынъ Балма, а потомъ дочь Данара. Черезъ нѣкоторое время поступилъ въ Генеральный Штабъ съ производствомъ въ чинъ подъесаула и затѣмъ былъ командированъ въ Лхассу.

Служебная карьера сдѣлана Улановымъ исключительно среди донскихъ калмыковъ. Во-первыхъ, не было вообще, случая поступленія калмыковъ въ Генеральный Штабъ, а во-вторыхъ, никто не былъ удостоенъ такого довѣрія— командированія со спеціальною миссіею къ представителямъ цѣлой страны, какъ это выпало на долю Наранъ Уланова. По всѣмъ этимъ признакамъ онъ можетъ быть опредѣленъ какъ человѣкъ, выдѣлившійся изъ своей сѣрой среды особенными своими способностями. Встрѣчающееся во второй главѣ настоящаго очерка указаніе Будды о нахожденіи на Юго-Восточной сторонѣ надгробнаго памятника, подъ названіемъ «Шизинъ» значитъ «основоположеніе» и указаніе Балма Джюнга на семь памятниковъ—имѣютъ своимъ предметомъ одинъ и тотъ же объектъ, т. е. одинъ и тотъ же надгробный памятникъ, гдѣ пребываетъ злой духъ этой окрестности. По всѣмъ признакамъ, упоминаемые здѣсь надгробные памятники и суть тѣ самые курганы, которые мы встрѣтили на станціи Альмента по пути въ Лхассу. Смерть Уланова произошла благодаря зловредному покушенію на него «Онгонъ Тенгера» о которомъ говорится въ повѣствованіи

Бадма Джюнга въ 3-й главѣ настоящаго очерка: «Ихъ Владѣтельный ханъ именуется «Юлькюръ Срунгъ», его подданные состоятъ изъ существъ, питающихся запахомъ, изъ существъ нетѣлесныхъ. Пусть онъ правитъ своимъ владѣніемъ совмѣстно съ солнцемъ».

КОМЕНТАРІЯ.

Подъ существами, питающимися запахомъ, буддійскій міръ признаетъ особый классъ существъ, родственныхъ Онгонъ Тенгеру, владыкѣ кладбищъ и могилъ. Всѣ они безтѣлесны и главную потребность и радость ихъ составляетъ «запахъ» (очевидно спецефически свойственный мѣстамъ погребенія-кладбищамъ). Властелинамъ этихъ существъ я преподнесъ въ даръ «Чингисовъ напитокъ» (водка) распространяющій спецефическій ему рѣзкій запахъ, чѣмъ и особеннымъ образомъ угодилъ имъ. Благодаря только этому я остался неповрежденнымъ.

Фразу «пусть солнце совмѣстно охраняетъ» нужно понимать въ томъ смыслѣ, что отправляющіеся на Восточную сторону, предоставлены охранѣ и защитѣ солнца. Главу нашей экспедиціи звали Наранъ, что значитъ «солнце», слѣдовательно, онъ и долженъ былъ быть главою экспедиціи, ибо граматическое толкованіе его имени даетъ понятіе солнца: а послѣднему должны быть подчинены отправляющіеся на Восточную сторону.

Всѣ вышеизложенныя свойства, приписываемыя въ предсказаніяхъ Будды и Бадма Джюнга Ламѣ—чудеснымъ образомъ подтверждаются похожденіемъ владыки смерти или невидимаго духа, имѣвшемъ мѣсто въ 1886 году 7-го февраля, что соотвѣтствуетъ по калмыцкому лѣтоисчисленію году «огонь-свинья» и 4-му числу мѣсяца «Дракона».

Въ этомъ же году въ хуторѣ Эркетеневскомъ имѣлъ мѣсто слѣдующій загадочный случай: захворала калмычка по имени Онка, дочь калмыка того же хутора Джомала и

супруги его Тори. Въ теченіе 3-хъ недѣль Она лежала въ безсознательномъ состояніи и только 29-го февраля пришла въ сознаніе и позвавъ свою мать—говоритъ: «Мама, скоро я кажется умру. Скажи сколько у васъ сыновей?» Мать отвѣчаетъ: неужели, Онка, ты позабыла, что у тебя два брата? «Старшаго сына оставь дома, какъ кормильца на старости лѣтъ, а младшаго отдай въ манджики (псаломщики)»—Сказавъ это Онка скончалась. Мать, пораженная горемъ, тоже упала въ обморокъ и только черезъ нѣсколько времени присутствующимъ удалось привести ее въ чувство. Она встала и зажгла съ молитвою лампаду передъ образомъ Будды. Къ разсвѣту въ присутствіи многихъ лицъ и матери, умершая Онка, начала проявлять признаки жизни. Всѣ присутствовавшіе пораженныя столь страннымъ явленіемъ, ринулись къ дверямъ, а Онка, едва произнося слова, начала звать свою мать, и когда та подошла къ ней, сказала, что не велѣно лежать въ томъ мѣстѣ, гдѣ она впервыя слегла отъ болѣзни. Мать подняла ее на руки и переложила на другое мѣсто. Онка, издавая глухіе звуки удивленія, начала разсказывать: «О мама мама, какой ужасъ я видѣла. Внезапно меня взяли подъ ручку два человѣка-великана, съ двумя рогами каждый на головѣ и вмигъ привели меня въ подземное царство. Въ этомъ царствѣ страшно много бѣдныхъ людей, крайне некрасивыхъ. Среди нихъ я начала искать брата моего покойнаго мужа, псаломщика, Занджана, и не нашла. Мои два спутника вскорѣ привели меня въ большой дворецъ, въ которомъ на высокомъ, красивомъ сѣдалищѣ пребывалъ необыкновенной величины человѣкъ, въ одѣяніи Ламы, съ длинными пальцами на рукахъ и съ большимъ открытымъ лбомъ. Этотъ Лама, увидѣвъ меня, грозно обратился къ двумъ великанамъ: Зачѣмъ вы привели Онку, она не должна была притти. Обращаясь же ко мнѣ Лама продолжалъ: «Ты Онка ступай домой. Вашъ Бакша Джимба Зунгру боди сала 3-ей категоріи. Если у него возьмешь обѣтъ и будешь вести благочестивую жизнь, то доживешъ до 77 лѣтъ. Не лежи больше на той кровати гдѣ лежала». Послѣ этихъ

словъ Ламы, два черныхъ великана вывели меня изъ дворца и повели къ выходу большой ямы, откуда распространялся запахъ ужаснаго зловонія. Придя къ выходу, они толкали меня спуститься въ яму, но я отпиралась и не хотѣла. Это ихъ какъ будто разсердило и они силой толкнули меня въ затылокъ прямо въ эту яму... Я не помню, куда попала и что со мною случилось, но только сейчасъ же проснулась»—такъ закончила свой разсказъ еле говорившая отъ слабости Онка. Какъ сама Онка, пережившая все это, такъ и свидѣтельница всѣхъ метаморфозъ съ Онкой—ея мать и Шараманжа Пусяковъ еще живы и по настоящее время и живутъ въ Эркетеневской станицѣ.

КОМЕНТАРІЯ

Банши Эркетеневской станицы Области Войска Донского — Данбо Ульянова на изрѣченіе Будды и Бадма Джюнга или Бадма Самбова о братьяхъ «Гагунгъ и Занбо».—

Вступленіе.

Въ 1904 году на пути въ Тибетъ, скончался мой товарищъ офицеръ казачьяго полка Наранъ Улановъ, о чемъ уже извѣстно читателю изъ краткаго очерка моихъ путешествій. Извѣстно также читателю, что я, продолжая путешествіе, доѣхалъ до Лхассы и совершая необходимыя религіозныя шествія, купилъ сочиненіе «Ганджуръ и Данджуръ», являющіеся энциклопедическими трактатами по буддизму вообще и сочиненіе Бадма Джюнга въ пяти томахъ. Бадма Джюнга въ одномъ изъ томовъ своего сочиненія «Гатангъ», а именно въ томѣ «Хларѣ Гатангъ» въ 22-ой ея главѣ описывалъ будущую судьбу двухъ братьевъ «Гагунъ и Занбо» въ предсказательной формѣ, устанавливая, что одинъ изъ нихъ лицо свѣтскаго званія, а другой духовнаго. Судьба этихъ, лицъ согласно опредѣленію Бадма Джюнга должна заключаться въ томъ, что одинъ изъ нихъ долженъ найти себѣ смерть отъ покушенія «Онгонъ Тенгера»—духа смерти и врага живого человѣчества. Признавъ предсказаніе Бадма Джюнга, о братьяхъ Гагунъ и Занбо по многимъ признакамъ, относящимся къ намъ, или имѣвшимъ въ виду насъ, я понялъ не случайность смерти моего товарища Наранъ Уланова, а это было событіемъ уже предопредѣленнымъ въ сѣдой еще древности.

Уже задолго послѣ благополучнаго возвращенія къ себѣ на родину, по обыкновенію проводя время за чтеніемъ священныхъ книгъ, я нашелъ въ сочиненіи Будды, подъ названіемъ «Джачиръ Оролва», въ автобіографическомъ отдѣлѣ его 24-й главѣ, предсказанія самаго Будды тоже о братьяхъ Гагунъ и Занбо но только болѣе подробное.

Послѣ того перваго раскрытія причины смерти моего товарища, которое я сдѣлалъ въ изрѣченіи Бадма Джюнга, предсказаніе Будды не могло не заинтересовать меня. Вопросъ о томъ, къ кому можетъ относиться предсказаніе Будды, для меня буддійскаго священника былъ слишкомъ жгучимъ, чтобы я не попытался представить читателю сей трудъ. Цосильному разрѣшенію упомянутаго предсказанія Будды я и посвящаю этотъ мой скромный трудъ, который далекъ отъ мысли считать совершеннымъ. Тотъ міръ творчества и главнымъ образомъ творчеетва религіозной мысли, съ которымъ намъ, буддійскому духовенству, приходится имѣть дѣло, полонъ безчисленными изрѣченіями, таинственными формулами, и наконецъ, предсказаніями. И какъ увѣврютъ въ своихъ сочиненіяхъ, жившіе много лѣтъ раньше и въ настоящее время живущіе въ глубинѣ Тибета буддійскіе коментаторы, всѣ предсказанія Будды дѣйствительно сбываются и, то въ одномъ, то въ другомъ уголкѣ жизни человѣчества, совершаются событія непосредетвенно указанныя въ далекихъ эпохахъ въ предсказаніяхъ Будды. Къ этому утвержденію скромныхъ буддійскихъ аскетовъ могу присоединить и свои наблюденія за 40 лѣтнюю созначительную жизнь-монаха буддиста. Вотъ почему, какъ глубоко вѣрующій буддистъ, я предлагаю читателю одну изъ самыхъ слабыхъ попытокъ, направленную на раскрытіе содержанія предсказаній Будды и на указаніе изъ современной жизни на тѣ событія, появленіе которыхъ было предуказано тѣмъ же Буддою, какъ неоспоримая дѣйствительность въ сѣдую старину.

Соблюдая начала, установленныя тобою, Высшій Будда, я предпосылаю труду своему горячую молитву тебѣ, Возвышенный, дабы мое посильное дерзновеніе раскрыть тайну

твоихъ изрѣченій было достойно Твоихъ высокихъ ученій, дабы Ты, Несравненный, помогъ мнѣ благополучно разрѣшить мою задачу. Посылаю свои благоговѣйныя чувства и тебѣ Бадма Джюнга, какъ достойному носителю священнаго образа Будды. Молюсь и тебѣ мой мудрый учитель, Балданъ Чомпиль-Іонгзанъ-Хамбо, давшій мнѣ всѣ познанія и моральную силу, которыя—о да—помогутъ мнѣ преодолѣть мою трудную задачу.

Дамбо Ульяновъ.

ГЛАВА I.

Перерожденіе Будды въ сына «Арюнъ-Идена Хана Донроба».

Перерожденіе Будды въ лицѣ Донроба, сына Арюнъ Иденъ Хана. Въ джачирѣ Оролва повѣтствуется въ 7 главѣ:

«2874 года тому назадъ, на 961 годъ до Рождества Христова, 15 августа—года земляной овцы наилучшаго исполненія всѣхъ человѣческихъ желаній, Будда, спустившись съ небеснаго міра «Галданъ Тенгеръ» и войдя въ утробу Джомпрельмо, супруги Арюнъ Иденъ хана, на слѣдующемъ 963 году до Рождества Христова, послѣ 10-ти мѣсячнаго пребыванія въ чревѣ матери въ роскошномъ саду хана, появился на свѣтъ въ годъ желѣзной обезьяны (суровой) 7 числа овцы. Рожденіе Будды 10 мая. По освобожденіи отъ материнскаго чрева, онъ окинулъ взоромъ всѣ черыре стороны свѣта и сдѣлавъ 7 шаговъ въ сторону Востока, сказалъ: «На первомъ планѣ Моей земной дѣятельности постановлено будетъ совершеніе широкаго благодѣянія для міра сего». Сдѣлавъ 7 шаговъ въ сторону Юга, онъ сказалъ: «Какъ для міра небеснаго, такъ и міра человѣческаго Я разовью всеобъемляющее ученіе». Сдѣлавъ 7 шаговъ въ сторону Запада, онъ сказалъ: «Я достигну полнаго совершенства силою ума и стараніемъ души, предварительно познавъ сущность міра и вещей, что необходимо ради Моего высокаго призванія на землѣ». Сдѣлавъ 7 шаговъ въ сторону Сѣвера, онъ сказалъ. «Міръ человѣческой души Я подниму на ту высокую ступень, которой достигну Я самъ, какъ идеалъ внутренняго совершенства» Онъ продолжалъ: «Я покорю и усмирю царство злыхъ духовъ, этихъ бичей истины и справедливой жизни на землѣ. Я потушу пожаръ ала

этого жестокаго котла мученій». Сказавъ это, Онъ сдѣлалъ 7 шаговъ внизъ «Я подниму духовные взоры всего человѣчества къ высшему совершенному міру, гдѣ они увидятъ необходимый идеалъ для собственнаго усовершенствованія».— Сказавъ это онъ сдѣлалъ 7 шаговъ вверхъ.

«Пусть совершенные Мною въ разныя стороны шаги, будутъ символомъ Моей будущей дѣятельности и высокихъ заботъ, пусть буду Я достойнымъ руководителемъ этого міра и доведу его до высшаго совершенства: пусть въ этой миссіи и будетъ заключаться смыслъ Моего появленія на свѣтъ»— сказавъ все это Онъ радостно усмѣхнулся.

Когда только что родившійся «Донрабъ» вышеописаннымъ образомъ опредѣлялъ свое земное назначеніе, и совершалъ символическіе шаги и формулу дѣятельности въ горной странѣ, съ вѣчно сѣдыми вершинами, ушедшими къ далекимъ небесамъ, въ одной изъ ихъ долинъ жилъ сказочный мудрецъ и кудесникъ по имени «Нагба» постигшій 5 областей человѣческихъ познаній, со своимъ маленькимъ племянникомъ «Меджинъ».

Этотъ кудесникъ и мудрецъ однажды говоритъ своему племяннику. «Въ странѣ «Серджаи», въ главномъ ея городѣ, у царя Арюнъ Идена родился сынъ. Онъ имѣетъ 32 особенныхъ признаковъ во внѣшности и обладаетъ 80-тью необыкновенными практическими пріемами поведенія вообще. Это новорожденное дитя, если захочетъ остаться въ мірѣ свѣтскихъ людей, то будетъ могущественнымъ владыкою всѣхъ 4 странъ свѣта, если перейдетъ въ міръ духовныхъ лицъ, то оно будетъ совершеннымъ «Буддой»—сказавъ это, мудрецъ Нагба добавилъ племяннику: «пойдемъ дитя, дойдемъ до царя Арюнъ Идена». Когда они пришли къ царю, Арюнъ Иденъ спрашиваетъ кудесника-старика: «По какому дѣлу ты пришелъ ко мнѣ». «О могущій царь, — я пришелъ посмотрѣть на твоего сына». Когда царь Арюнъ Иденъ подалъ ему ребенка, Нагба посадилъ на колѣни и увидавъ всѣ особенные признаки царственнаго дитяти, онъ заплакалъ отъ умиленія, проливая обильныя слезы радости. Царь Арюнъ Иденъ въ недо-

умѣніи спрашиваетъ мудреца Нагбу: «Зачѣмъ Ты плачешь—и какіе отрицательные признаки у моего сына могли вызвать слезы у тебя Нагбу». Нагбу отвѣтилъ: «О могущественный Царь, не по поводу твоего дитя я проливаю слезы. Я плачу досадуя на свой преклонный возрастъ. Твой сынъ, Царь, непремѣнно будетъ Буддой. Онъ откроетъ міру истину и познаніе, благодѣянія коихъ будутъ неоцѣнимы—высоки и полезны на вѣчныя времена. Этими признаками, которыми надѣленъ твой сынъ, не былъ еще удостоенъ ни одинъ владыка міра,—даже самый могущественный». Услышавъ хорошій отзывъ мудраго старца Нагбу, Царь Арюнъ Иденъ возликовалъ радостью родителя, удостоеннаго необыкновеннымъ Царемъ Всевышняго.

ГЛАВА II.

Преподнесеніе Священной трапезы Буддѣ братьями Гагуновъ.

Въ «Джачиръ Оролва», въ 24-ой главѣ повѣствованія: «927 лѣтъ до Рождества Христова, на разсвѣтѣ 15-го мая—Шакья Муни достигъ совершенства и сдѣлался Буддою.

Въ теченіе первыхъ 49 дней сидѣлъ въ состояніи покоя, производя впечатлѣніе человѣка, не занятаго ничѣмъ

Изъ нихъ:

первую недѣлю онъ сидѣлъ подъ священнымъ деревомъ «Боди», ему были оказаны глубокія почести со стороны небесныхъ сыновей;

вторую недѣлю онъ посвятилъ хожденію по міру, извѣстному подъ названіемъ 3-хъ тысячъ верстъ;

третью недѣлю Будда посвятилъ созерцанію священнаго дерева Боди;

четвертую недѣлю онъ посвятилъ прогулкѣ между Востокомъ и Западомъ;

пятую недѣлю Будда посѣтилъ страну Драконовъ подъ названіемъ Данзюнгъ;

шестую недѣлю Будда провелъ около дерева «Наюрда»; седьмую недѣлю, наконецъ, онъ провелъ у дерева Ороллжю.

Въ это время торговцы сѣверной страны братья Гагунъ и Замба прославленные своими коммерческими способностями, возвратились послѣ одной изъ удачныхъ торговыхъ поѣздокъ съ юга на сѣверъ съ громаднымъ багажемъ разныхъ товаровъ накладенныхъ на пяти стахъ возахъ, запряженныхъ каждый парой быковъ. Среди этихъ быковъ братья Гагунъ и Замба находилась одна пара по имени «Легджа и Арагба», отличавшаяся необыкновенной силой и несвойственной животнымъ понятливостью. Для нихъ не существовало никакихъ препятствій и какова бы ни была тяжесть воза, они легко передвигали. Если затруднялись въ перевозкѣ груза другіе быки, то обыкновенно, на выручку приводили Легджа и Арагба. Легджа и Арагба инстинктивно узнавали всякую опасность впереди, и въ такихъ случаяхъ, никакими силами нельзя было заставить ихъ итти въ ту сторону: они стояли какъ пригвожденные къ мѣсту. Дѣйствовать на Легджа и Арагба можно было только двумя средствами: или пышнымъ букетомъ, сдѣланнымъ изъ цвѣтовъ «Удбола» или изъ синяго ледвенца, или четкой сдѣланной изъ мускатнаго цвѣтка. Обычныя средства понужденія для животныхъ—кнутъ и другія принадлежности совершенно не примѣнялись къ этимъ двумъ быкамъ. Въ то время, когда фуры братьевъ торговцевъ Гагуновъ приближались къ священному дереву Оральджу, гдѣ сидѣлъ Будда владыка ближайшаго лѣса, состоявшаго изъ однихъ молочныхъ деревьевъ «Оконъ Тенгеръ» (богиня, или геній молочнаго дерева) путемъ заклинанія (внушенія) пріостановила движеніе всѣхъ подводъ при чемъ всѣ арканы или бичева и вообще прикрѣплявшія грузъ къ возамъ и принадлежности, вмигъ всѣ порвались, а колеса каждой телѣги вязли въ землю вплоть до осей. Это неожиданное обстоятельство привело въ недоумѣніе и страхъ, какъ самихъ братьевъ торговцевъ, такъ и всѣхъ ихъ служащихъ. Они прибѣгли къ обычнымъ въ такихъ случахъ средствамъ—къ помощи знаменитыхъ Легджа

и Арагба. Но увы, и они не могли вывести возъ изъ тупика. Растерянные хозяева никакъ не могли понять причину столь необычайнаго явленія, какъ погруженія въ землю колесъ при отсутствіи болотъ и грязи, на голой равнинѣ. Они послали верховыхъ для обзора окрестностей — чтобы выяснить причину чудеснаго явленія. Но посланные ничего не могли обнаружить. Вдругъ передъ верховыми людьми появляется богиня лѣса «Оконъ Тенгеръ» и предупреждаетъ ихъ не боятся. Въ это же время передовая пара Легджа и Арагба тронулись съ мѣста и направились къ тому самому лѣсу, въ тѣни котораго сидѣлъ Будда. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ увидѣли впереди Будду, сидящаго у дерева Орольджи одѣтаго въ священную тогу красно-желтаго цвѣта. Образъ Будды успокоилъ путниковъ отъ недавняго смятенія и они начали готовить ему обѣденную трапезу изъ меда. Изготовивъ трапезу и кору дерева Брумъ, они поднеели Буддѣ».

На этомъ заканчивается повѣствованіе Даина о первомъ преподношеніи братьями Гагуновъ священной трапезы Буддѣ. Въ той же 24-ой главѣ, «Джачиръ Орольва», описывается другой такой же случай. «Тѣ же братья Гагуны однажды возвращались съ обычнаго торговаго путешествія и случайно подъѣзжаютъ къ Буддѣ, сидѣвшему у дерева «Сала», окруженному цѣлымъ цвѣтникомъ южныхъ растеній и тропическихъ деревьевъ. Когда еще ни одинъ изъ путниковъ не успѣлъ увидѣть Будду, всѣ колеса телѣги братьевъ Гагуновъ опять погрузились въ землю до осей и дальнѣйшее передвиженіе пріостановилось. Переполошенные путники, вооружившись вилами и другими принадлежностями отправились осматривать окрестность. Отъѣхавъ немного отъ мѣста происшествія, они видятъ человѣка, въ величественной позѣ, сидящаго у дерева «Сала». Первое впечатлѣніе недоумѣнія путниковъ смѣняется инстиктивнымъ уваженіемъ и послѣ дружнаго поклоненія таинственному существу, они все же продолжали недоумѣвать—спрашивать: «кто это такой могъ быть»?. Этимъ заканчивается второе повѣствованіе Даина объ исторіи преподнесенія братьями Гагуновъ священной трапезы

Буддѣ. Въ той же самой 24-й главѣ Джачиръ Орольва Дайнъ приводитъ слѣдующее обстоятельство, касающееся братьевъ Гагуновыхъ. «Въ мѣстности, подъ названіемъ «Такобъ» на волѣ пасется многотысячный скотъ братьевъ Гагуновыхъ. Въ одно время, когда стада обычно вернулись съ водопоя—искусственнаго водохранилища, то пастухи Гагуновъ, доившіе коровъ, были поражены необычайнымъ явленіемъ: вмѣсто молока выдаивалось масло «маръ нимкю» столь чистое и свѣжее, что производило впечатлѣніе идеально переработаннаго масла. Объ этомъ пастухи немедленно довели до свѣдѣнія хозяевъ братьевъ Гагуновъ, нетерпѣливо спрашивая, какое можно предзнаменованіе усмотрѣть въ этомъ обстоятельствѣ. Можно ли признать, какъ предвѣстникъ радостнаго событія или наоборотъ, въ этомъ есть указаніе на что либо роковое и грѣховное. Подслушавшій разговоръ пастуховъ съ хозяевами, случайно находившійся тутъ одинъ голодный браминъ, отвѣчаетъ на вопросъ пастуховъ: «Бойтесь хозяева и вы пастухи, «маръ нимкю» нужно объяснять предстоящей опасностью, карой, какъ знаменіе грѣховное, вы можете предупредить роковое обстоятельство, поднесеніемъ обильной жертвы намъ браминамъ». Въ эту самую минуту племянникъ братьевъ Гагуновъ по ихъ предыдущему рожденію—(прошлой ихъ жизни) нѣкто Марджа, родился въ одномъ изъ небесныхъ міровъ-тенгеровъ, и принявъ образъ одного брамина, подходитъ къ братьямъ Гагуновъ и говоритъ имъ въ стихотворной формѣ: «Братья Гагуны, вы благочестивыя люди, случай съ «Маръ Нимкю» — положительное предзнаменованіе: Звѣзда хороша. Оно есть результатъ того вашего молитвеннаго обращенія, когда вы, желая мудрому Буддѣ найти божественное воплощеніе, обѣщали уготовить ему священную трапезу, глубоко вѣря въ его могучую силу просвѣтить веесь міръ свѣтомъ познанія и истины. Теперь ваше молитвенное пожеланіе исполнилось—Тогонъ Чилинъ достигъ совершенства—онъ теперь Будда. Приготовьте и преподнесите ему священную трапезу: онъ дѣйствительно озаритъ міръ свѣтомъ познанія. Все это произошло силою благочестія этого Великаго,

мудраго Арши». Сказавъ это Марджа вмигъ исчезъ и удалился въ свой міръ.

Выслушавъ объясненіе Марджи, какъ братья Гагуновы, такъ и пастухи глубоко обрадовались. Они сняли сливки со всего молока, надоеннаго отъ тысячи коровъ и торжественно начали готовить священную трапезу Буддѣ. Достали продолговатой формы миску, цимджедъ (удовлетворяющій) сдѣланную изъ драгоцѣннѣйшаго матеріала, и золотникъ коего оцѣнивался въ милліонъ рублей, вымыли до идеальной чистоты такъ, что понятіе грязи, какъ бы совершенно не связывалось съ ней, наполнили миску до верху священной трапезой, въ особомъ приборѣ положили медъ и понесли все это высокому учителю, находившемуся у лѣса «Орольду» и съ чувствомъ неподдѣльнаго благоговѣнія, преподнеся все Великому учителю, говорили братья Гагуны: «Прими Высокій учитель наше подношеніе и помоги намъ твоими молитвами». Зная молитвы братьевъ Гагуновъ, направленныя къ Высокому учителю еще въ предшедшей ихъ жизни, Онъ беретъ подношеніе и соблаговолитъ откушать. Окончивъ трапезу, Высокій учитель беретъ драгоцѣнную миску и бросаетъ ее вверхъ по направленію къ облакамъ. Когда миска исчезла въ облакахъ, ее схватилъ одинъ изъ небесныхъ сыновей по имени Рабцанъ и понынѣ, какъ говорятъ священныя книги, эта миска существуетъ въ мірѣ небесныхъ боговъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Эсерингъ», служа предметомъ священнаго культа Рабцана съ ему равными небесными сыновьями.

ГЛАВА III.

Повѣствованіе о томъ, какъ Будда (Тогонъ-Чилинъ) благословилъ братьевъ Гагуновъ и предопредѣлилъ имъ знаменательное будущее, въ образѣ царей „Бранг-зи-дюнг-ба“ (происходящій медъ).

Нижеслѣдующими пожеланіями, которыя должны исполниться въ жизни братьевъ Гагуновъ, Будда обрадовалъ благочестивыхъ братьевъ: «Благопожеланіями Высокихъ Буддъ

да исполнятся всѣ Ваши желанія. Могучіе Владыки странъ удостоятъ Васъ покровительства, силой ихъ молитвъ пусть увѣнчаются успѣхомъ всѣ ваши предпріятія». Все касающееся занятій да пусть будетъ совершаться въ полной гармоніи. Какъ разумъ имѣетъ пребываніе въ головѣ, такъ справедливость, честность и благородство пусть не покидаютъ Вашихъ правыхъ рукъ. Пусть эти категоріи, сопутствуютъ дѣятельности лѣвой руки: пусть во всемъ существѣ Вашемъ царятъ эти категоріи. Каждый промышленникъ торговецъ, посѣщающій всѣ десять странъ свѣта, пусть найдетъ вездѣ полное матеріальное удовлетвореніе и также духовную радость». Если кто по какому-либо дѣлу отправится на восточную сторону, да удостоится онъ благоволенія главныхъ звѣздъ востока по тибетски: «Мирюкъ», «Нарма», «Го», «Лакъ», «Навса», «Джалъ» и «Гакъ» по санскрытски: (картина). «Рогини», «Мригасира», «Арда», «Пинаврасу», «Пушья» и «Ашлеша». Всѣ онѣ суть 7 звѣздъ востока—и давно прославились своимъ покровительствомъ міру — онѣ находятся на восточной сторонѣ—всѣ онѣ пусть удостоятъ Васъ своей защитой: Повелитель ихъ Царь «Юлькюръ Срюнгъ», онъ же прославленный хранитель и стражъ всего востока. Его владѣніе «Риса» (питающій запахомъ). Особенность его отъ другихъ существъ та, что онъ питается однимъ запахомъ. Пусть и солнце оказываетъ Вамъ свое покровительство. У него много имѣется сыновей: каждый изъ нихъ ловкій и имѣетъ соотвѣтствующія имена (см. объясненіе ниже). За 91-ымъ имѣется нѣкто, подъ названіемъ «Эркете-ики-Кючютэ» *). Пусть всѣ онѣ здоровье Ваше сохранятъ, окажутъ свое щедрое покровительство. На сѣверо-восточной странѣ пребываютъ 8 молоденькихъ богинь «Оконъ Тенгери» именуются они по тибетски: «Джалъ, Намбаръ-Джалма, Донрюбъ-Ма, Мипамъ, Гачогма, Гаджимъ-Ма, и Гапэльма». Пусть всѣ онѣ охраняя ваше здоровье, окажутъ свое покровительство. На юго-восточной сторонѣ имѣется надгробный памятникъ «Шизинъ», что озна-

*) Владыко имѣющій великое могущество.

чаетъ основоположеніе (умозаключеніе). Не далеко отъ этого памятника пребываютъ два буддиста—подъ названіемъ Джалва Джова и Раджумба. Они постоянно находятся въ одномъ мѣстѣ, хотя мистическимъ образомъ знаютъ все совершающееся въ мірѣ. Пусть и они, охраняя ваше здоровье, окажутъ широкое покровительство. Да будьте Вы благополучны на Югѣ-востокѣ, да будьте Вы безгрѣшными. Охраняемые всѣми богами, найдя желаемыя вами выгоды, да благополучно Вы возвратитесь.

«Если Вамъ придется по какимъ-либо надобностямъ отправиться въ Южную сторону, то пусть всѣ звѣзды, покровительницы юга, окажутъ все содѣйствіе. Эти звѣзды суть: По Тибетски—(Мага, Пирва-полгуни, Уттера, Полгуни, Хаста, Читра, Сваты, Витакъ) по Санскридски—(Чю, Рэ, О, Мевши, Нагба, Сари и Сага). Всѣ онѣ пребываютъ на Югѣ и прославились оказываемыми ими покровительствами. Всѣ онѣ не оставятъ Васъ безъ защиты. Повелитель этихъ звѣздъ извѣстенъ подъ именемъ хана «Пакдживо». Онъ же властитель и покровитель всѣхъ духовъ «Урюльбумъ», особыхъ мистическихъ существъ, обитающихъ на кладбищахъ. Пусть будетъ къ Вамъ благосклоннымъ и «Шинджа» (Владыка смерти) могучій повелитель смерти вообще. Онъ имѣетъ много сыновей, каждый изъ нихъ совмѣщаетъ необыкновенную способность и имя каждаго изъ нихъ опредѣлено волею Бога. За 91-ымъ (подъ 91 разумѣются особыя существа, какъ бодисаты, звѣзды, злые духи и т. д., т. е. вообще по буддійскому вѣрованію — существа, являющіяся владыками надъ своими мірами. Всѣ эти владыки якобы распредѣлили между собою каждую область во всѣхъ 4-хъ странахъ свѣта. И вотъ этихъ отдѣльныхъ областей имѣется столько же; сколько имѣется владыкъ) — имѣется особый властитель, по имени «Ики-Кючютэ». Пусть и онъ, охраняя Ваше здоровье, окажетъ широкое покровительство. На Юго-восточной сторонѣ пребываетъ 8 юныхъ небесныхъ богинь «Оконъ-Тенгеръ», «Балданъ-ма», «Рагданъ-ма», «Рагбатопъ», «Рагзинъ-ма», «Легбаръ-садъ», «Рагба», «Легберъ-садъ» и «Деросъ-ма». Пусть всѣ

онѣ, охраняя Васъ отъ болѣзней, окажутъ широкое покровительство».

«На юго-западной сторонѣ имѣется надгробный памятникъ, называемый «Бадма». Въ сосѣдствѣ съ нимъ пребываютъ святые Дагду-Зебджидъ-Баръ и «Дагдю-Тамджидъ-Саяджидъ-Ба». Пусть и они охраняя Васъ отъ болѣзней, окажутъ широкое покровительство. Будьте Вы совершенно благополучны и безгрѣшны на этой Юго-западной сторонѣ. Да пусть покровительствуютъ Вамъ всѣ Боги бодисаты и съ большой матеріальной выгодой—благополучно возвратитесь къ себѣ».

«Если Вамъ придется по какому-либо дѣлу, отправиться въ сторону Запада, то всѣ властители и звѣзды покровительницы окажутъ Вамъ широкое покровительство. Эти звѣзды суть: по Тибетски—Хлацамъ, Нронъ, Зонрю-Данданъ-Нрюбъ, Чюдодъ, Чюмадъ, Джившенъ, и Робшинъ, по Санскритски: Анурада, Джесета, Мула, Пурвада, Уттара-ашада, Шравана, Абидъ-шидъ. Всѣхъ звѣздъ запада всего 7 и онѣ прославились какъ шедрыя покровительницы путниковъ. Пусть онѣ окажутъ Вамъ защиту. Ихъ владыка—«Микми-Зангъ», являющійся также повелителемъ міра Драконовъ, Богъ воды пусть также окажетъ покровительство: у него много сыновей, каждый изъ нихъ необыкновенно способенъ и имена ихъ опредѣлены волею Будды».

«За 91-вымъ тоже имѣется могучій владыка, по имени Эркэте-ики-Кючютэ. Пусть онъ, охраняя Васъ отъ болѣзней, окажетъ щедрое покровительство».

«На Юго-западной сторонѣ пребываютъ 8 юныхъ небесныхъ богинь. Ихъ имена: Нача-Рарима, Вадма-Гаръ, Джаринъ, Чамидъ-Джигъ, Гюва, Ролъ, Ни и Дабъ-Нюръ-Средъ. Пусть онѣ охраняя Васъ отъ болѣзней окажутъ щедрое покровительство».

«На сѣверо-западной сторонѣ находится гора Нюбъ, въ области ея пребываютъ два святыхъ старца — Нима и Дава. Всѣ люди, населяющіе этотъ край, дадутъ нужные Вамъ товары. Пусть они, охраняя Васъ отъ болѣзни, окажутъ щедрое покровительство, и пусть, вообще на сѣверо-западѣ

будьте Вы благополучны и безгрѣшны. Покровительствуемые всѣми Богами — да возвратитесь Вы съ большими товарами домой. Если Вы по какимъ-либо дѣламъ отправитесь на сѣверъ, то пусть всѣ властители этого края и звѣзды покровительницы, окажутъ Вамъ свое содѣйствіе. Эти звѣзды суть: По Тибетски—(Монъ-Рю, Монъ-Рэ, Тюмъ-додъ, Тюмъ-мадъ, Намъ-рю, Тагаръ и Брани); по Санскритски—(Шатабиша, Данишtха, Пурвабадра, Пада, Уттарабадрапада, Ревати, Ашвини и Брани). Эти 7 звѣздъ прославились, какъ щедрыя покровительницы путниковъ. Онѣ находятся на сѣверной сторонѣ и окажутъ всѣ свои защиты. Властитель этихъ звѣздъ—Мила-Шумба - Люганъ - Бу Онъ повелитель всѣхъ зловредныхъ существъ міра. Пусть вмѣстѣ съ ними поможетъ Вамъ и Нарзунъ (хорошій товаръ). У Нарзуна имѣются много сыновей, каждый изъ которыхъ обладаютъ недюжиной способностью и имена ихъ даны согласно предуказанію Будды».

«За 91-ымъ имѣетъ быть владыка Эркэте-Ики-Кючютэ. Пусть Онъ охраняя Васъ отъ болѣзней, окажетъ щедрое покровительство. На сѣверо-западной сторонѣ имѣютъ пребываніе 8 юныхъ небесныхъ богинь «Оконъ-Тенгеровъ» ихъ имена: Раб-чакъ-Хламу, Донг-хламу, Са-Хламу, Бадма-Джанъ, Джалву-Чела-Нирни, Рэ-Хламу, Тел-едъ, Хламу и Балданъ-Ма. Пусть онѣ охранивъ Васъ отъ болѣзней, окажутъ щедрое покровительство».

На сѣверо-восточной сторонѣ находится гора Воад-Данби—Она представляетъ изъ себя убѣжище для всѣхъ зловредныхъ (существъ и животныхъ, (преимущественно звѣрей). Гора эта оканчивается зубчатыми вершинами, служащими предметомъ восторга своею необыкновенною красотою. Пусть эта сѣверо-восточная сторона со всѣми ея достопримѣчательностями охраняя Васъ отъ болѣзней, окажетъ свое покровительство. Будьте Вы тамъ благополучны и безгрѣшны: удостоившись покровительства всѣхъ ихъ, да пусть Вы благополучно возвратитесь съ богатымъ товаромъ.

«Всѣ эти четыре стороны, только что перечисленныя нами, имѣютъ въ общей сложности 28 звѣздъ покровитель-

ницъ, 32 юныхъ небесныхъ богинь-покровительницъ, 8 святыхъ жрецовъ, 8 святыхъ браминовъ, 8 большихъ городовъ, 8 могущихъ Боговъ «Эркетиэ-Сельтю». Всѣ перечисленныя силы странъ пусть будутъ милостивы къ Вамъ. Вы будьте удачны и благополучны, какъ при посѣщеніи ихъ первоначальномъ, такъ и обратномъ къ себѣ возвращеніи. Пусть будутъ благочестивы и полезны, какъ всѣ покланяющіеся и чтящіе такъ и всѣ получающіе почитаніе и уваженіе и оказывающіе покровительство. О, да будетъ взаимное удовлетвореніе. Пусть всѣ упомянутыя силы и владыки—Эркетэ-Селте-Хоро-Кюргечэ и Икэ-ханъ и святые жрецы и т. д. будутъ къ Вамъ добры и великодушны, содѣйствуя всюду. Быть Вамъ благополучными и да удостоитесь Вы священнаго нектора (ихъ). Пусть всѣ Боги неба—Эсренгъ, Эдъ-Дэлерексенъ, Норджи, Сагба, Намбаръ-оролъ, Ну, Ноджинъ и всѣ бодисаты, достигшіе совершенства или безгрѣшности, Драконы и вобще всѣ повелители или владыки злостнаго царства, да содѣйствуютъ Вамъ достигнуть столѣтія. Покровители міра высшаго божества, общимъ согласіемъ постановили сдѣлать первой обязанностью совершеніе блага въ самомъ широкомъ смыслѣ».

Благодаря Вашему благочестію братья, вы назначены переродиться въ будушей жизни въ лицѣ Царѣ Бранъ-зи Джюнбо (медъ происходящій). Въ мірѣ еще ни одинъ Богъ не предсказывалъ будущей жизни кому либо, и только Вы братья первыя удостаиваетесь чести получить благословеніе Будды найти указанное перерожденіе. Въ дальнѣйшемъ имѣющіе появиться безчисленные бодисаты по примѣру моему будутъ продолжать эту функцію Будды—предсказаніе будущаго бытія человѣка. Мое же увтвержденіе о достовѣрности перерожденія братьевъ Гагуновъ въ Бранъ-зи Джюнъ-бо хана искренно обрадуетъ будущихъ бодисатовъ, и они будутъ полны чувствъ благодарности за мое вѣрное предсказаніе. Это же обстоятельство должно повести къ укрѣпленію вѣры въ силу и дѣйствительность познанія и истины и ихъ творца Будды—такъ повѣтствуется въ Джачиръ Ролвѣ».

ГЛАВА IV.

Бадма Джюкга коментируя предсказаніе Будды „о Гагунъ и Занбѣ" предсказалъ о другихъ двухъ Братьяхъ Гагунъ и Занбы.

Въ 22-ой главѣ священной книги «Хларэ Гатангъ», переложенной «Фладжинъ Мандръ-Ва» повѣствуется слѣдующее: «въ Индіи, на берегу рѣки Ниранъ-Зана, Будда сидѣлъ отшельникомъ полныхъ 6 лѣтъ, подъ деревомъ «Боди» на сѣдалищѣ. По достиженіи совершенства или полнаго просвѣтлѣнія, онъ въ теченіи 49 дней сидѣлъ въ полномъ покоѣ въ странѣ подвластной Дангзанъ, владыки Драконовъ.

Отъ взаимодѣйствія двухъ причинъ создалось какъ слѣдствіе новое явленіе. Глаза, уши, горы, сила великая-какъ у слона всѐ сіе сказанное съ желѣзной необходимостью проистекаетъ отъ своихъ законныхъ причинъ. Всѣ перечисленныя силы и творенія, подобно семиглавой эластичной змѣѣ, семикратно опоясали Будду, украсили ему голову своими 7 головами, подобно шлему воина. Торговцы сѣверной страны братья Гагуны ѣхали на телѣгѣ, запряженной парой знаменитыхъ быковъ по имени Легджа и Арагба. Неожиданно для братьевъ Гагуновъ быки Легджа и Арагба, приблизившись къ лѣсу подъ названіемъ «Орольджю», остановились и отказывались отъ дальнѣйшаго передвиженія. Осматривая окрестности, чтобы узнать причину остановки быковъ, братья Гагуны увидѣли Будду и сейчасъ же проникаясь благоговѣйнѣйшими чувствами, съ молитвою преподносятъ Буддѣ трапезу, подъ названіемъ «Балъ-Бурумъ». Будда, оцѣнивъ поступки братьевъ Гагуновъ, удостаиваетъ ихъ благословеніемъ и опредѣляетъ братьямъ будущее бытіе—старшему Гагуну родиться ханомъ Балгаранчи, а младшему—Занбѣ родиться царемъ Китайской Имперіи. Это опредѣленіе должно осуществиться, ибо особенность божественныхъ предсказаній заключается только въ томъ, что они непремѣнно сбываются—въ нихъ нѣтъ обмана. Если я отправлюсь въ

страну «мангасовъ» на юго-западную часть міра, то ровно черезъ 209 лѣтъ, не далеко отъ границы Китая, найду перерожденіе въ лицѣ властелина «Балгаракчихана»—добавляетъ къ предыдущему изрѣченію Будды Бадма Джюнга,—второе воплощеніе Будды.

Тотъ же Бадма Джюнга добавляетъ и свое предсказаніе: «Гагунъ Занба воплотившись первый цъ духовнаго лица, а второй въ свѣтскаго лица, человѣка семейнаго и по происхожденію изъ простой среды но достигшаго (службой) хорошаго положенія, найдутъ особое бытье при чемъ каждый изъ нихъ подвергнется покушенію на нихъ Злого Духа въ мѣстности, гдѣ на 7 могилахъ однимъ иновѣрцемъ воздвигнуты 7 памятниковъ. Если же выйдетъ неповрежденнымъ изъ опастности, свѣтскій человѣкъ, то это поведетъ къ развитію въ немъ чувства честолюбія и самолюбія. Если же отъ этого зловреднаго покушенія духа смерти, царящаго въ этомъ мѣстѣ выйдетъ благополучно лицо духовное, то такой исходъ обусловленъ будетъ силою глубокаго познанія. Онъ будетъ прославленъ какъ мудрый и проницательный толкователь ученій. Ему свойственны особые признаки: на лѣвой сторонѣ пупка онъ имѣетъ родинку, (родимое пятно) подъ названіемъ «ханъ-изуръ». На лѣвомъ плечѣ родинку, подъ названіемъ «Найона-Изуръ», на лѣвой ляшкѣ съ родинкой, подъ названіемъ «Бирмени-Изуръ». На лобновыхъ мѣстахъ всего корпуса имѣетъ родинку подъ названіемъ «Альбата-изурѣ». Обладатель этихъ 4-хъ признаковъ будетъ поработителемъ и усмирителемъ всѣхъ зловредныхъ, какъ видимыхъ такь и невидимыхъ демоновъ (духовъ) и вообще онъ будетъ парализовать всѣ злыя дѣйствія вредныхъ человѣчеству существъ. Онъ же будетъ усерднымъ поклонникомъ всѣхъ моихъ ученій и первымъ достойнымъ практическимъ примѣнителемъ ихъ въ своей жизни, а потому онъ будетъ походить на меня, какъ самая совершенная копія на оригиналъ. Жена его воплощеніе богини подъ названіемъ «Даргинъ Хобил-ганъ», рожденная въ годъ «земля—обезьяна» и нерѣдко этимъ

званіемъ опредѣляемая, она родитъ 3-хъ сыновей бодисатовъ, каждый изъ нихъ будетъ имѣть особое высшее назначеніе въ міровой жизни».

ГЛАВА V.

Исторія происхожденія и жизни Бадма Джюнга.

Въ сочиненіяхъ, подъ названіемъ «Уджуръ Цалъ лунгъ данъ» повѣтствуется слѣдующее предсказаніе, приписываемое самому Буддѣ.

Черезъ 8 лѣтъ, въ странѣ, извѣстной подъ названіемъ «Дана-Гоши» на островѣ, лежащемъ въ серединѣ одного озера, на нѣжныхъ и пышныхъ листьяхъ цвѣтка лотоса, похожаго на искусственно созданный букетъ Я Будда найду перерожденіе въ лицѣ Бадма Джюнга. Онъ будетъ знаменитымъ создателемъ и распространителемъ системы мистической философіи.

Изъ сочиненія «Ламидъ-Донзогъ-Дюви Джюдэ» авторъ приписываетъ Буддѣ слѣдующія слова: «Я, черезъ 8 лѣтъ послѣ оставленія этого своего бытія, переселюсь въ міръ подъ названіемъ «Урджонъ» (особый міръ въ отличіе отъ того міра, на которомъ пребывая говорилъ эти слова (найду перерожденіе въ лицѣ Бадма Джюнга). Въ этомъ своемъ образѣ я буду первый въ отношеніи совершенства всѣхъ своихъ качествъ и тамъ я разовью и распространю на весь міръ свое мистическое ученіе.

Въ сочиненіяхъ «Ніяганъ-ли-девинъ-судръ» приводятся слѣдующія слова, также приписываемыя устамъ самаго Будды. Будто бы между лѣсомъ, подъ названіемъ «Саломодонъ» и городомъ Зачекъ, обращаясь къ тысячной толпѣ монаховъ, среди которыхъ находились знаменитые ученики его—Гадіяна, Зунда, Ананда—Будда говорилъ: «Я хочу покинуть этотъ міръ и эту форму своего бытія, а потому прошу Васъ не печалиться. Я переселюсь въ центръ зеркальнаго океана, переливающагося въ своемъ тихомъ колыханіи очаровательно-

ной красотой, найду тамъ рожденіе въ существѣ несравненно высшемъ. Вы всѣ не должны огорчаться и плакать. Вы должны помнить всегда, что всякое существо имѣетъ конецъ, хотя бы рожденное надѣлено было сказочнымъ долголѣтіемъ».

Въ сочиненіи «Бендерья» повѣствуется слѣдующее: «черезъ три года послѣ оставленія Буддою своего человѣческаго образа, т. е. послѣ смерти съ точки зрѣнія человѣческихъ понятій, въ годъ дерева обезьяны, называемаго «Ниролъ» (т. е. 2791 годъ тому назадъ) мѣсяца обезьяна (іюль) 10 числа, одновременно съ восходящимъ солнцемъ, въ сторонѣ Дана-Гоши, на островѣ въ морѣ гдѣ находился цвѣтокъ «Удомъ-бара», (лотосъ) имѣющій стволъ, листья и сердцевину, священнаго «Лотоса» горѣлъ лучами посылаемыхъ ему Божествомъ Амтиба изъ своихъ трехъ тайныхъ сѣмянъ, имѣющихъ пять разноцвѣтныхъ лучей и образовался изъ сердцевины лотоса, высокій образъ «Бадма Джюнги» творца глубокаго мистическаго ученья, и сказочнаго проницателя событій трехъ эпохъ міра: настоящаго, прошлаго и будущаго».

Заканчивая эти цитаты изъ различныхъ книгъ я перехожу къ послѣднему разъясненію содержанія каждой изъ нихъ. По моему мнѣнію, основанному на сопоставленіи многихъ мѣстъ изъ разныхъ другихъ сочиненій, такъ же и въ сочиненіяхъ приводимыхъ мною въ настоящемъ трудѣ, подъ мѣстомъ рожденія Бадма Джюнгни, упоминаемомъ выше, нужно подразумѣвать—Африка по тибетски (Урджинъ означаетъ—Африка); страна же «Дана-Гошэ»—есть Египетъ; «море зеркальной чистоты», есть ничто иное какъ Красное море. По калмыцки извѣстно оно подъ названіемъ «Уанъ-Тенгэсъ». Очевидно въ одномъ изъ уголковъ побережья этого моря и родился Бадма Джюнгни.

Мѣстомъ рожденія Будды считается Индія. А по сказаніямъ буддійскихъ лѣтописцевъ страна Урджимъ—Африка,—должна находиться къ западу отъ Инліи.

Въ сочиненіяхъ подъ названіемъ «Бадма Гатангъ» повѣствуется: «Когда чудеснымъ образомъ Бадма Джюнгни родился, сформировался отъ отдѣльныхъ стебельковъ священ-

наго цвѣтка, Дана-Гошинскій, Царь, по имени «Инра Боди», страдавшій отъ бездѣтности, узнаетъ о его появленіи отъ своихъ министровъ и сановниковъ и видя въ немъ существо совершенно особенное по происхожденію, принимаетъ его въ качествѣ сына и воспитываетъ его достойно царственному его положенію. По достиженіи Бадма Джюнгни 17-18 лѣтняго возраста, престарѣлый Царь Инра Боди женитъ его и передаетъ царствованіе страной. Однажды, когда Бадма Джюнгни совершалъ прогулку, онъ былъ пораженъ чудеснымъ видѣніемъ: къ нему изъ глубины небеснаго свода летитъ божество «Дорджи Симба» и спустившись около него начинаетъ говорить: «Ты, Бадма Джюнгни, долженъ оставить свѣтскую жизнь, твое царство, управленіе и посвятить себя отшельничеству»;—сказавъ это, видѣніе исчезло. Бадма Джюнгни не могъ не послушать совѣта столь необыкновеннаго существа явившагося ему въ такомъ видѣ. Онъ дѣйствительно оставилъ все и переселившись въ мѣстность подъ названіемъ «Дюртодъ-Сильвипалъ», поставилъ передъ собой изображеніе божества «Дорджи-Енгаманарала» предался молитвѣ въ теченіи 7 дней и на седьмыя сутки онъ достигъ полнаго просвѣтлѣнія и совершенства. Въ послѣднемъ своемъ состояніи онъ видѣлъ уже своими очами всѣхъ небесныхъ Боговъ съ такой ясностью, съ какою каждый видитъ свой образъ въ зеркалѣ. Онъ позналъ сущность міра, какъ высшаго совершенства, такъ и міра физическаго, видимаго. Онъ достигъ состоянія вѣчности, неизмѣняемости, онъ перешагнулъ состояніе временное, переходящее и измѣняющееся. Такимъ образомъ Бадма Джюнгни, переселился въ Индію въ совершенствѣ изучивъ и прославившись въ познаніи 5 областей мірового ученія, принимаетъ санъ священника имени Шагджи Сенге отъ одного изъ первыхъ учениковъ Будды по имени Ананда. Отъ него же онъ получаетъ точныя знанія о 3-хъ отдѣльныхъ ученіяхъ созданныхъ самимъ Буддой, въ частности предсказаніе его о перерожденіи его въ лицѣ Бадма Джюнгни. Въ качествѣ мудраго учителя Бадма Джюнгни, посѣщаетъ много странъ и государствъ, вездѣ проповѣдуя

великое религіозное ученіе, оказывая этимъ большое благодѣяніе лицамъ какъ свѣтскаго такъ и духовнаго званія, развилъ и распространилъ и собственное ученіе въ особенности мистическую философію. Этимъ заканчивается повѣствованіе лѣтописца—объ ученіи и дѣятельности Бадма Джюнгни. Онъ только параллельно съ ученіемъ Будды, развиваетъ новое ученіе, имѣющее цѣлью дать возможность найти спасеніе и тѣмъ, которые не могли почему либо провести въ жизнь ученія Будды. Достигаетъ это Бадма Джюнгни тѣмъ, что сочиняетъ новый уставъ, принимая во вниманіе въ его требованіяхъ человѣческія слабости. Ученія Бадмы Джюнгни и Будды имѣютъ между собою такое же соотношеніе, какое существуетъ между уставами чернаго и бѣлаго духовенства въ христіанскомъ мірѣ. Онъ такъ сказать, открылъ новый путь спасенія, идущій параллельно со старымъ, не противорѣча, но дополняя его.

Новое ученіе Бадма Джюнгни выразившееся въ законахъ «Ауніога» имѣетъ въ виду общество свѣтскихъ людей, не имѣющихъ возможности проводить въ жизнь монашескій Уставъ Будды. Основная мысль ученія «Ануіога» была дана самимъ Буддой, только дальнѣйшее развитіе его было оставлено для Бадма Джюнгни. Ученіе «Ануіога» примѣнимо и къ міру духовныхъ лицъ, съ тою лишь разницею, что духовныя лица, если пожелаютъ жить въ брачной связи, тѣмъ не менѣе обязаны соблюсти всѣ законы «долва», т. е. пройти весь монашескій кодексъ, въ смыслѣ изученія полнаго ученія Будды. Такимъ образомъ главная сущность ученія «Ануіога» заключается въ томъ, что духовенству предоставляется право семейной жизни. Въ Тибетѣ и Монголіи есть высшія духовныя лица придерживающіяся этого закона «Ануіога». Въ первомъ Ламѣ «Серогнъ-Дорджи-Чанъ», а во второмъ «Самъ-Богдинъ-Геганъ», Хутухта и Дярки-Лама. Вообще ученіе «Ануіога» по своему существу есть уставъ бѣлаго духовенства, принятый въ православно-христіанскомъ мирѣ. Духовенство калмыцкое живетъ по старо-буддійскому уставу. Каждый человѣкъ, идущій по любому изъ этихъ путей, одинаково

достигаетъ совершенства. Какъ бы разъясняя эту мысль, лѣтописецъ о жизни и ученіи Бадма Джюнгни отмѣчаетъ, что самъ Бадма Джюнгни какъ бы желая доказать дѣйствительность указаннаго имъ пути спасенія, женится на дочери Сахаринскаго хана, Хладжамъ Мандрава, будучи въ образѣ простого духовнаго лица, по имени «Шаджи Сенгя» и это обстоятельство нисколько не помѣшало ему — Бадма Джюнгни достигнуть совершенства. По указаніямъ многихъ источниковъ Бадма Джюнгни съ супругой Хладжамъ Мандрова провели послѣдній періодъ жизни въ Египтѣ, гдѣ и были похоронены въ особыхъ гробницахъ. Я склоненъ предполагать, что тѣ гробницы, которыя вывезены Англійскими путешественниками археологами нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Египта и помѣщены въ Лондонскомъ Археологическомъ музеѣ—какъ разъ и суть гробницы Бадма Джюнгни и Хладжамъ Мандрова.

Дальше о жизни Бадма Джюнгни повѣствуется слѣдующее: «Дѣятельность его протекла въ одной изъ мѣстностей Индіи, извѣстной подъ названіемъ «Дорджи-Данъ». Онъ самъ излагалъ свое ученіе въ письменной формѣ и заставлялъ и другихъ дѣлать тоже самое. Строилъ храмы, освящалъ ихъ, рисовалъ божества, вообще, Бадма Джюнгни былъ поглощенъ работой по укрѣпленію и улучшенію ученія, и укрѣпленію религіи.

Въ это время въ Тибетѣ царствовалъ могучій владыка, «Тысрунъ Дебзанъ». Этотъ Тысрунъ Дебзанъ ханъ побѣжденный религіозными чувствами, рѣшилъ воздвигнуть монастырь, предварительно пригласивъ изъ Индіи святого Канбу-Бодисада, для очищенія отъ злыхъ духовъ мѣстъ, гдѣ предполагалось воздвигнуть монастырь. Но постройка монастыря успѣха не имѣла, въ виду того, что все, что воздвигалось за день, ночью разрушалось какою то силою. Ханъ Тысрунъ Дебзанъ однажды приглашаетъ бодисада Канбу и въ недоумѣніи спрашиваетъ его: чѣмъ объяснить странное явленіе съ постройкой монастыря—моею ли грѣховною участью, или Высшей слабостью, не могущей освободить мѣстность отъ

господства нечистыхъ духовъ, мѣшающихъ совершать благое дѣло. На это Канба отвѣтилъ:—Я, по назначенію мнѣ данному, не рожденъ имѣть дѣло съ нечистыми духами, а потому и не надѣленъ силою для борьбы съ ними. Я рожденъ внести міру смиреніе и святыя чувства вселять въ каждомъ существѣ, а потому могу бороться и дѣйствовать съ каждымъ существомъ только орудіемъ внушенія, что совершенно безсильно по отношенію къ нечистымъ духамъ, къ которымъ необходимо дѣйствовать силою, страхомъ и угрозою. Если хочешь освободиться отъ злыхъ силъ твоихъ, то въ Индіи въ настоящее время въ мѣстности Дорджиланъ пребываетъ святой Ханба Уржинскій—Балма Джюнгни. Онъ непобѣдимъ и неоспоримъ въ 5 областяхъ познанія, покоритель и могучій повелитель 8 категорій злыхъ духовъ, которыми онъ также распоряжается, какъ всякій господинъ своими слугами. Потому то передъ этимъ могучимъ Бадма Джюнгни трепещутъ и дрожатъ положительно всѣ духи, какъ самый высокій, небесный, такъ и самый низшій: они проявляютъ передъ нимъ на корточкахъ полную готовность на всякое повиновеніе. Если ты Тысрунъ Дебзангъ ханъ пригласилъ бы этого святого, высшаго знатока настоящаго, прошлаго и будущаго, то онъ жестоко усмирилъ бы всѣхъ твоихъ нечистыхъ духовъ, примѣнивъ къ нимъ самыя суровыя мѣры. Только послѣ этого постройка монастыря будетъ успѣшной и ты имѣлъ бы полное удовлетвореніе твоимъ желаніямъ». Ханъ Тысрунъ Дебзанъ немедленно отправляетъ посланника къ Бадмѣ Джюнгни, который въ годъ — земля корова, въ первый мѣсяцъ осени прибылъ къ тибетскому хану. Тысрунъ Дебзанъ—пригласивъ его въ свой дворецъ Чакпенъ на уготованномъ для него особомъ золотомъ тронѣ просилъ, чтобы онъ своей святой силой соизволилъ благословить земной міръ. Бадма Джюнгни своимъ благословеніемъ освобождаетъ все отъ воздѣйствія злыхъ духовъ, и въ годъ—желѣзо барсъ 8-го числа средняго осенняго мѣсяца довершена была постройка монастыря подъ названіемъ «Самья». Учитель Бадма Джюнгни оставался въ Тибетѣ въ продолженіи 55 лѣтъ, въ

теченіи коихъ онъ развилъ свое ученіе подъ названіемъ Бадма Гатангъ, Хларэ-Гатангъ—въ 5 частяхъ.

Къ тому времени уже насталъ часъ, когда онъ долженъ былъ переѣхать въ страну Мангасовъ—на юго-западѣ, поэтому Бадма Джюнгни въ годъ—дерево-обезьяна, подъ названіемъ «Ниролъ» въ сопровожденіи Тибетскаго Царя Тысрунъ Дебзанъ, блестящей свиты и народа. прибываетъ въ мѣстность «Додъ-гари» на горную вершину «Гунтангъ» и, сѣвъ верхомъ на синесѣрую лошадь, сѣдло которой было сдѣлано изъ краснаго дерева, поднялся вверхъ на одну сажень и постепенно исчезъ въ небесную синеву.

Съ моей точки зрѣнія, основанной на данныхъ изъ астрологическихъ датъ Бендерья Гарба, со дня перваго рожденія Бадмы Джюнгни на побережьи Краснаго моря въ годъ—дерево-обезьяна подъ названіемъ «Ниролъ», до вознесенія его въ страну «мангасовъ» (подъ мангасами разумѣется особый міръ людей, невѣжественныхъ, дикихъ, питающихся всякою гадостью, вплоть до трупа человѣческаго) въ годъ «дерево обезьяна» подъ названіемъ «Нироль» прошло 1683 года. Послѣдній годъ—дерево обезьяна, то есть годъ вознесенія Бадма Джюнгни въ страну Мангасовъ имѣло мѣсто 804 г. послѣ Рождества Христова.

ГЛАВА VI.

О рожденіи Гагоны и Зонгъ бо царями Брохгъ-зи Джюнгъ-бы.

Переходя теперь отъ этихъ выдержекъ и цитатъ, касающихся собратій, имѣющихъ то или иное значеніи для интересующаго меня вопроса. я долженъ теперь остановиться на самой трудной моей задачѣ, а именно—какъ нужно понимать приведенные факты изъ жизни двухъ главныхъ творцовъ буддійской религіи, самаго Сакъ-я-Муни и Бадма Джюнгни во 1-хъ, во вторыхъ въ какихъ явленіяхъ или лицахъ они находятъ свое воплощеніе въ современной намъ дѣйствительности. Въ вышеприведенной 4 главѣ, трактующей о пред-

сказаніи Бадмы Джюнгни говорится: «Черезъ 809 лѣтъ со дня вознесенія моего въ страну Мангасовъ, расположенную на юго-западной сторонѣ міра въ годъ «дерева-обезьяны» я, и Бадма Джюнгни найдемъ перерожденіе у границы Китайской Имперіи въ сосѣднемъ намъ государствѣ, въ лицѣ Бронгъ-зи-Джюнгъ-бо.

По моему мнѣнію—если считать послѣдовательно годы, начиная съ слѣдующаго года «дерево-обезьяны», т. е. съ года дерево курицы — то 809-й будетъ годъ «воды коровы». 809-й годъ «вода корова» со дня восшествія Бадмы Джюнгни въ страну Мангасовъ соотвѣтствуетъ 1613 году послѣ Рождества Христова.

Подъ границей Китая, разумѣется межа, отдѣляющая его отъ сосѣдняго государства. Подъ сосѣдствомъ съ Китайской Имперіей нужно подразумѣвать Государство, расположенное рядомъ съ названнымъ Государствомъ. Въ этомъ самомъ сосѣднемъ Китайской Имперіи—Государствѣ въ лицѣ его Государя и долженъ согласно предсказанію Будды Бадма Джюнгни найти воплощеніе въ лицѣ Брангъ-зи-Джюнгъ-ба.

Принимая во вниманіе, что въ сосѣдствѣ съ Китайской Имперіей, соприкасаясь съ ея границей нѣтъ другого великаго Государства, кромѣ Россіи, то я предполагаю, что именно Россію нужно признать тѣмъ Государствомъ, гдѣ Будда долженъ былъ найти живое воплощеніе въ лицѣ Бронгъ-зи-Джюнгъ-ба, согласно предсказанію Бадмы Джюнгни. Въ той же 4-ой главѣ настоящаго очерка говорится, что по опредѣленію Бадмы Джюнгни одинъ изъ братьевъ старшій Гагунъ долженъ родиться въ лицѣ Бронгъ-зи-Джюн-ба, а младшій Зангба—въ лицѣ Китайскаго Императора.

Сопоставляя это изрѣченіе Бадма Джюнгни съ предыдущимъ, приписываемымъ Бадма Джюнгни, которое есть ни кто иное, какъ первое перерожденіе самаго Будды, я, прихожу къ слѣдующему выводу: «такъ какъ упоминаемый 809 годъ послѣ восшествія Бадма Джюнгни, соотвѣтствуетъ 1613 году по Р. Х. и такъ какъ въ этомъ году послѣ исторической смуты на Руси былъ избранъ на царство Михаилъ

Федоровичъ РОМАНОВЪ, то я его признаю, живымъ воплощеніемъ старшаго изъ братьевъ «Гагуна». Незадолго послѣ этого манджурецъ по происхожденію — Нуркацэ занялъ престолъ Китайскаго императора. Нуркацэ на мой взглядъ никто иной, какъ младшій изъ братьевъ «Занбо».

Слова Бадма Джюнгни о томъ, что предопредѣленіемъ своимъ Богъ никогда не обманетъ человѣка, я понимаю въ томъ смыслѣ, что Бадма-Джюнги вообще былъ увѣренъ въ достовѣрности изрѣченій Будды—и Шакъ-я-Муни.

Во II-ой главѣ повѣствующей о преподнесеніи трапезы Будѣ братьями Гагуновъ, говорится: «Братья Гагуны видѣли Будду въ красно-желтой тогѣ монаха въ лѣсу подъ названіемъ «Устя Модонъ» (молочное дерево) II-й случай, братья Гагуны видѣли Будду близъ дерева Ирулджю въ лѣсу, подъ названіемъ «Салинъ Цецегъ» (цвѣтокъ дерева сало). Въ этихъ двухъ случаяхъ по моему мнѣнію личности братьевъ Гагуновъ не совпадаютъ, т. е. вторые братья Гагуны совершенно другіе люди, не имѣющіе ничего общаго съ первыми. Но въ каждой изъ этихъ паръ—именно старшій въ той и другой парѣ есть дѣйствительно Бронг-зи-джюнг-ба. А такъ какъ всего двѣ пары и въ каждой изъ нихъ особый Гагунъ, а всего 2, то и Бронг-зи-джюнг-ба должно быть тоже два. Изъ нихъ первый Бронг-зи-джюнг-ба являющійся перерожденіемъ «Гагуна» есть Михаилъ Феодоровичъ, а второй же Бронг-зи-джюнг-ба съ моей точки зрѣнія долженъ появиться впослѣдствіи, грамматическое толкованіе слова Бронг-зи-джюнг-ба (медъ происходящійся) означаетъ созидающій, творящій медъ, приносящій медъ. Если сдѣлать шагъ въ направленіи обобщенія, то оно яко-бы характеризуетъ пчелу, которая, не ограничиваясь однимъ случаемъ, — приноситъ медъ много разъ, символизируя многократность дѣйствій. Грамматическое толкованіе термина Бронгъ-зи-джюнг-ба всецѣло примѣнимо къ этому же слову по существу. Это означаетъ, что Романовъ долженъ имѣть такое же непрерывное поколѣніе и въ лицѣ одного изъ нихъ долженъ появиться второй Бронг-зи-джюнг-ба. Медъ имѣетъ цвѣтъ и вкусъ. Новый свѣ-

жій медъ имѣетъ цвѣтъ свѣтло-желтый. Свѣтло-желтый на тибетскомъ языкѣ опредѣляется словомъ «Джасиръ» (словарь Шмидта). Джасиръ—въ свою очередь съ тибетскаго на русскій языкъ означаетъ «Россія».

Медъ по своему вкусу удовлетворяетъ всѣхъ существъ: мало того, сладость меда приводитъ въ искушеніе всѣхъ живыхъ существъ. Въ такое же искушеніе будетъ приводить людей и новое ученіе Балданъ Дюджи-корлу Джюдъ Будды, открывающее новый путь спасенія и должное найти наиболѣе благопріятныя условія развитія въ странѣ извѣстной подъ названіемъ «Сѣвернаго Шамбала». Въ 4-ой главѣ, повѣствующей о предсказаніи Бадма Джюнгни говорится: «отъ взаимодѣйствія двухъ началъ (Хоюръ и ондюсенъ) создалось новое явленіе какъ прямое слѣдствіе съ символическими категоріями: зрѣніе, слухъ, горы и сила великая, какъ у слона. Всѣ перечисленныя категоріи символизируясь въ «Доланта» (змѣя съ семью головами) семикратно опоясали Будду, причемъ семь головъ «Доланта» украсили голову Будды на подобіе шлема. Коментируя эту цитату, я устанавливаю слѣдующія положенія. Подъ взаимодѣйствіемъ двухъ началъ (хоюръ ондюсенъ) надо разумѣть начало грѣха и праведности каждаго существа въ его прошедшихъ бытьяхъ.

Подъ новымъ объектомъ или силою, явившимися какъ результатъ «двухъ предыдущихъ началъ» нужно разумѣть появленіе человѣчества вообще. Подъ символическимъ категоріемъ «зрѣніе» надо разумѣть во I-ыхъ органъ зрѣнія физическій, а во вторыхъ, взоръ духовный, въ смыслѣ интереса къ познанію вообще.

Этимъ понятіемъ характеризуется та черта въ человѣчествѣ, которая на всякое явленіе, сущность коего ему неизвѣстна, побуждаетъ его къ изученію, — напримѣръ изслѣдованія чисто географическія, самыхъ полюсовъ, анатомическія и соціологическія, совершаемыя всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ.

Понятіе «уши» въ вышеприведенной цитатѣ тоже символическое. Подъ нимъ надо разумѣть интересъ человѣче-

ства въ смыслѣ воспріятія органомъ слуха всѣхъ внѣшнихъ происшествій, независимо отъ мѣстъ его совершенія. Живымъ появленіемъ этого интереса служатъ проведенія телеграфовъ, телефоновъ, принятыя повсемѣстно въ культурномъ человѣчествѣ.

Понятіе «горы» тоже символическое. Оно опредѣляетъ начала прочности и твердости. Прочность и прочная постановка есть одна изъ главныхъ заботъ всякой дѣятельности, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ. Нѣтъ ни одного разумнаго существа, который бы не заботился о лучшемъ и прочномъ устройствѣ своего положенія, какъ со стороны матеріальной, такъ и духовной и личной. Послѣдняя достигается заботой о дѣтяхъ, ихъ воспитаніемъ. Точно также, забота о прочности всего, какъ основная черта дѣятельности еще болѣе проявляется въ жизни обще-Государственной, выражаясь въ мѣрахъ укрѣпленія противъ внѣшнихъ и внутренныхъ враговъ, какъ это замѣтно въ жизни всѣхъ Государствъ.

Понятіе «великая сила, какъ у слона», означаетъ вообще силу, превосходства—сила слона—есть символъ вообще могущества, въ данной же цитатѣ имѣется характеръ сравненія, указывая на то обстоятельство, что какъ изъ среды четвероногихъ животныхъ выдѣляется своей силой слонъ, точно также въ мірѣ человѣческомъ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ государствъ, какъ бы они могущественны не были каждое въ отдѣльности, но между ними все же выдѣляется особенной силой одно какое либо государство, такъ какъ трудно допустить абсолютное равенства.

Фразу: «эти творенія появятся въ жизни, когда настанетъ ихъ эпоха» слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что каждое міровое явленіе не случайно, а имѣетъ свою причинность, ибо все закономѣрно и наступаетъ тогда, когда имѣются въ наличности всѣ соотвѣтствующія обстоятельства, напримѣръ, появленіе человѣчества обусловлено особыми причинностями или строго теологическаго характера, или строго физіологически-матеріальнаго характера. Фразу, что творенія

должны явиться въ формѣ змѣи «Доланта» съ семью головами и семикратно обовьютъ Будду, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что миръ, какъ вселенная, во первыхъ, долженъ образоваться и наполниться безчисленными существами разныхъ категорій, во II-хъ что самъ Будда долженъ найти въ этомъ мірѣ какое либо живое воплощенію среди 7 главныхъ странъ. Слѣдовательно семиголовая змѣя «Даланта» олицетворяетъ собою страны.

Фразу что «Доланта семиголовая украсила голову Будды со своими фантастическими головами на подобіе шлема», нужно понимать въ томъ смыслѣ, что 7 высшихъ странъ, среди которыхъ будетъ пребывать воплощеніе Будды, будутъ особенно отличаться своей культурой, просвѣщеніемъ, развитіемъ народа, они же будутъ претендовать на руководительство обще-человѣческой жизнью, что должно вызвать взаимныя разногласія и осложненія.

Съ моей точки зрѣнія подъ этими высшими странами, о коихъ упоминается выше, нужно разумѣть современныя культурныя государства Европы, включая и Россію. Въ одномъ изъ этихъ государствъ, подъ названіемъ «Ланченъ-Добъ»—что значитъ сила слона, и долженъ найти перерожденіе достойной воплощеніе Будды Рагба Корлуджинъ, въ лицѣ какого либо высшаго сушества.

ГЛАВА VII.

О святой сторонѣ Сѣвернаго Шамбала.

Въ первой главѣ сочиненія Десринъ-Санджи-Джамцо, подъ названіемъ Бендерья Гарво повѣтствуется: 15 мая, мѣсяца, «моринъ» года «желѣзо-драконъ», когда Будда пребывалъ на священномъ тронѣ въ храмѣ «Балданъ-Бревинъ, въ Индіи-приходитъ къ нему ханъ сѣвернаго Шамбала по имени Дава Занба, воплощеніе святого Бодисата Очиръ Вани, ханъ прославившійся возвышенной и благочестивой жизнью, въ блестящемъ одѣяніи и шапкѣ убранной драгоцѣнными тали-

сманами, отца его звали «Ніотъ» а мать Намджилъ. Его сопровождали 96 высшихъ сановниковъ а многотысячная толпа черни, удостоившіеся этой чести за особенныя положительныя жизни въ прошедшихъ бытіяхъ. Дава Занбо ханъ молитвенно преподнееъ Буддѣ высокій даръ «Мандалъ», избравъ для этого особенно выдающійся день, когда солнце начало привѣтливо согрѣвать міръ теплыми лучами, таинственная Дюме (особая планета), занимала мѣсто на южной сторонѣ небеснаго свода, луна, готовая укрыться за земнымъ горизонтомъ, находилась еще на западѣ, а грозный и непримиримый врагъ солнца и луны «Раджанъ» находился на сѣверной сторонѣ небеснаго свода. Это былъ тотъ исключительный моментъ, когда всякое желаніе и всякое предпріятіе каждаго существа, будучи начатымъ въ это время, должно было непремѣнно увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Цѣня глубоко искреннія и религіозныя чувства Дава Занба хана и свиты, Будда удостоилъ ихъ проповѣди о 12 истинахъ бытія, причемъ проповѣдь эта была обращена міру и низшему, хотя это само по себѣ восходило и къ высшему міру въ видѣ сущности 16 «монараловъ». Самъ Будда пребывалъ въ срединномъ мірѣ, называвшемся «Дечинъ-Дордже-Енгинъ-Джилкеръ» и былъ окруженъ многими бодисатвами, надѣленными самыми различными качествами и призваніями, напримѣръ, качества дѣйствовать физической силою, гнѣвомъ, страхомъ, или въ противоположность этимъ средствамъ-бодисты, призванные дѣйствовать смиреніемъ, молитвою, внушеніемъ и убѣжденіемъ. Съ этой своей духовной свитой Будда удостоилъ Дава-Занбу хана благословеніемъ, изложивъ ему одновременно сущность поученія «Балданъ Дю-джи-корлу Джюдъ», состоящій отдѣльно изъ 120000 сновныхъ положеній. Получивъ благословеніе Будды, прослушавъ полную проповѣль его ученія Дава Занбо возвратился въ свою страну «Сѣверный Шамбалъ».

Страна, извѣстная подъ именемъ «Шамбала» какъ упоминается въ «Бендерьѣ», находится на сѣверной сторонѣ материка «Занба Тибъ».

Въ томъ же сочиненіи «Бендерья Гарви» говорится, что «Соморъ Ула» (названіе горы, являющейся по міровозрѣнію современныхъ будистовъ главнымъ центромъ земного шара), вышиною 80000 берэ (берэ-мѣра длины и равняется 8 верстамъ) и половина ея находится подъ водой. На четырехъ сторонахъ ея находятся 4 части свѣта: на востокѣ «Люпагбу», на югѣ «Занбу Тибъ», на западѣ «Баланъ-Джюдъ», на сѣверѣ «Ираминянъ». Всѣ эти главныя 4 части свѣта имѣютъ по двѣ маленькихъ и въ общей сложности образуютъ 12 частей свѣта. Эти двѣнадцать частей свѣта омываются океанами, которыя совмѣстно съ первыми образуютъ міръ. Міръ этотъ по срединѣ опоясанъ желѣзнымъ поясомъ, подъ названіемъ «Джакгри». Изъ этихъ частей свѣта нами населена «Занба-Тибъ», лежащая въ южную сторону отъ горы «Соморъ Ула» «Барунъ-Занба Тибъ или южный имѣетъ разстояніе отъ сѣверной своей оконечности къ южной 25000 берэ. Половина этой части свѣта, сѣверной оконечности, населена 6-ю государствами и занимаетъ площадь въ 12500 берэ. Первое государство, занимающее сѣверную часть описываемой половины Занба Тибъ «Гангдангъ» 2) Шамбалъ, 3) Китайское Государство, 4) Государство «Ли» 5) Тибетъ и 6) Индія.

Въ сочиненіи «Рими Додъ», извѣстномъ иначе «Великая коментарія», принадлежащая труду неизвѣстнаго автора по указанію буддійскаго ученаго Лонгдолъ-Римбо-Че, въ одномъ изъ ихъ трудовъ ло исторіи Шамбала, яко бы повѣствуется: «Половина Барунъ Занба» населена тѣми же 6-ю государствами съ той разницею, что «Лонгдолъ Римбо Чэ» начинаетъ перечислять ихъ съ южной стороны: «Индія, Тибетъ, Ли, Китай, Большой Китай и Гангданъ». Что же касается Государства Шамбала, то оно описывается въ слѣдующемъ видѣ, Государство Гангданъ дѣлится на двѣ части: изъ нихь западная часть и составляетъ будто бы Государство Шамбала. Причемъ мѣстность обнимаемая Государствомъ Шамбала признается святой. По формѣ она кругла, приблизительно напоминая форму восьмилистеннаго лотоса. Объемъ Шамбала устанавливается такъ: отъ срединной точки, лежащей на оди-

наковомъ разстояніи отъ всѣхъ конечныхъ точекъ окружности до конца каждаго изъ 8-ми частей 1500 берэ. Въ центрѣ же Шамбала имѣется престольный городъ Дава-Занба хана подъ названіемъ «Галава». Кромѣ этого города имѣются и другіе города количествомъ до 96, каждый изъ которыхъ управляется особо назначенными сановниками». Разсматривая въ отдѣльности каждое Государство, я склоненъ предполагать что подъ Гангданомъ разумѣется Государство, начинающееся отъ Сѣвернаго Ледовитаго океана, то есть это ничто иное, какъ Русское Государство, причемъ на западной части Гангдана находится главное ядро Россіи (Европейская Россія), а на восточной сторонѣ Сибирь-Азіатская Россія. Изъ этого же предположенія исходя долженъ установить, что подъ престольнымъ городомъ «Галава» подразумѣвается Москва.

Въ 3-ьей главѣ о предсказаніи Будды по поводу братьевъ Гагуновъ говорится: «На сѣверо-востокѣ имѣется гора Боад-Данба. Она есть убѣжище всѣхъ злыхъ существъ, заканчивается высокими зубчатыми вершинами, служащими предметомъ восторга своей сказочной красотой. Вообще эта сторона отличается своей красотой».

Сѣверо-востокъ здѣсь указываемый опредѣленъ принимая за исходный пункъ западную оконечность материка Занба-Тибъ, подъ горой Боад-Данби очевидно соотвѣтствуетъ одной изъ горныхъ вершинъ въ Финляндіи, извѣстной подъ именемъ Ава-Сакса.

Вершина этой горы Ава-Сакса потому названа высокой, что съ вершины ея виднѣются всѣ четыре части свѣта, расположенныя по сторонамъ Соморъ Ула, вплоть до самого желѣзнаго обруча, которымъ яко бы опоясанъ земной міръ. Благодаря необыкновенной высотѣ этой горы солнце за нею въ теченіи 4-хъ дней не заходитъ, а потому лучи его освѣщая отдѣльные уголки земной территоріи дѣлаютъ для зрѣнія доступнымъ и отдаленныя части.

Выраженіе «что страна состоящая изъ окрестностей горы Боад-Данби вообще способна прославиться своей красотой» разъясняется еще дальше выдержками изъ сочиненія по ме-

дицинѣ гдѣ говоритъ; что городъ въ которомъ широко развивается медицинская наука, находится на вершинѣ горы «Соморъ Ула». Городъ этотъ долженъ быть признанъ святымъ потому что въ немъ находятъ перерожденіе Высшіе бодисаты. Онъ является предметомъ благоговѣйнаго отношенія всякаго существа, и всякій желающій видѣть всегда удовлетворяетъ свое желаніе опредѣленіемъ свыше».

По моему мнѣнію, подъ вышеупомянутымъ городомъ, лежащемъ на вершинѣ «Семеръ Ула», въ которомъ яко бы должна особымъ образомъ развиваться наука медицинская, нужно подразумѣвать С.-Петербургъ, въ I-хъ потому, что С.-Петербургъ дѣйствительно находится недалеко отъ Финляндской горы Ава-сакса, составляющей яко бы маленькій хребетъ, берущій начало отъ горной области «Соморъ Ула», въ II-хъ С.-Петербургъ отличаясь своей красотой, также соотвѣтствуетъ вышеупомянутой цитатѣ и тѣмъ, что въ немъ особеннымъ образомъ развивается наука медицинская. Во II-ой главѣ, трактующей о преподнесеніи братьями Гагуновъ священной трапезы Буддѣ, фразу «въ лѣсу подъ названіемъ «Уста Модонъ» молочное дерево, гдѣ пребывала «Оконъ Дэнгеръ флама», нужно понимать въ томъ смыслѣ, что здѣсь подъ рощей или лѣсами разумѣется Москва, лѣсъ же подъ названіемъ «Салинъ Цецегъ» (цвѣтокъ дерева сало) встрѣчающійся въ другомъ мѣстѣ—обозначаетъ Петербургъ. Разбирая эти фразы этимологически мы выводимъ, что слово «Флама» означаетъ богиня или женское имя. Это слово и русскія слова «Мать Москва» имѣютъ тождественныя содержанія. Слова Салинъ Цецегъ и Санкт.-Петербургъ имѣютъ одинаковыя произношенія въ виду нѣкотораго совпаденія первыхъ ихъ буквъ.

На тибетскомъ языкѣ слово «Сала» значитъ дерево, на русскомъ же языкѣ слово «Санкт.» означаетъ святой, если ихъ связать, то выходитъ святое-священное дерево, что въ свою очередь опредѣляетъ понятіе священнаго дерева «Боди модонъ».

ГЛАВА VIII.

О рожденіи Ракбо-Корло-Джана въ Сѣверномъ Шамбалѣ.

Мы всѣ буддисты, вѣрующіе въ религію, созданную самимъ Буддою, считаемъ для себя священнымъ и дѣйствительнымъ всякое его ученіе, изрѣченія и предсказанія. Поэтому мы съ нетерпѣніемъ ждемъ тотъ часъ, когда Великій Будда долженъ найти достойное себѣ перерожденіе въ сѣверномъ Шамбалѣ въ лицѣ Ракбо-Корло-Джана, какъ объ этомъ возвѣщено намъ Буддою, въ одномъ изъ его предсказаній. Мы вѣримъ, что если онъ придетъ къ намъ въ образѣ Ракбо-Корло-Джана, сдѣлаетъ человѣчество счастливымъ, благодѣяніе его распространится на каждаго. Вотъ почему мы буддисты возносимъ свои молитвы Высокому Буддѣ, ибо ждемъ отъ него общаго спасенія. Нельзя допустить, чтобы откровеніе Будды о его перерожденіи не исполнилось, ибо это значило бы, что онъ хотѣлъ ввести въ заблужденіе человѣчество. Въ подтвержденіе того, что Будда дѣйствительно переродится въ Ракбо-Корло-Джана и что не можетъ быть обратнаго, я привожу слѣдующее обстоятельство.

Въ сочиненіи Бендэрья Гарви повѣствуется: что батръ «желѣзо-драконъ» 2794 г., по буддійскому лѣтоисчисленію, что соотвѣтствуетъ 882 году до Рожд. Христова,—15 числа мѣсяца—лошадь, Будда, сказавъ публичную проповѣдь объ ученіи Балданъ-Дюджи—Корлунъ-Зарджюдъ хану Дава-Занбо, скончался ровно на 80-мъ году жизни и ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этой проповѣди 15 числа мѣсяца-овецъ, въ городѣ Зачекъ послѣ восшествія Будды въ міръ совершенный, или перехода въ состояніе Нирвана мудрые ученики Будды начали разбирать и коментировать ученіе «Балданъ-Дюджи-Корлунъ Зарджюдъ—въ которомъ между прочимъ Будда помѣстилъ свое откровеніе по поводу ханскаго рода Дава-Занбо. Развертывая содержаніе этихъ предсказаній Будды, ученики его подробно установили послѣдующія поколѣнія Дава-Занбо вплоть до 43-колѣна. Поколѣніе Дава-Занбо

хана распредѣляется въ Бендэрьэ Гарвѣ на двѣ группы. Первая группа обнимаетъ ханова на протяженіи 7 поколѣній. Они всѣ подобно ихъ родоначальнику Дава-Занбо Хану, получившему благословеніе и религіозное поученіе отъ самаго Будды, очевидно отличались знаніями философіи буддизма и особенной преданностью вѣрѣ, почему и именуются «Номинъ ханами», что означаетъ просвѣщенный, ученый, какъ постигшій номо (ученіе). Другіе же начиная 8-ымъ отъ Дава-Занбо хана количествомъ до 25 именуются «Изуръ Тогсексенъ», что значитъ представители рода. Такимъ образомъ, въ основѣ этого неравнаго распредѣленія служитъ только то, что первые 7 отличались больше религіозною мудростью. Первымъ представителемъ второй группы хановъ былъ Джамбалъ Ракба, а самый послѣдній изъ 25-ти долженъ быть Ракбо-Корло-Джанъ. Со своей стороны долженъ тутъ отмѣтить, что Ракбо-Корло-Джанъ своимъ происхожденіемъ и мѣстомъ въ родословной линіи Джамбалъ Ракба хотя и соотвѣтствуетъ предсказанію самаго Будды, по которому этимъ именемъ должно было назваться его воплощеніе при переселеніи въ Сѣверный Шамбалъ, но насколько это можно вывести на основаніи многихъ данныхъ и другихъ сочиненій по этому же вопросу, какъ напримѣръ изъ повѣствованія о братьяхъ Гагуновъ, имя Ракбо-Корло-Джанъ, является больше нарицательнымъ, чѣмъ собственнымъ. Оно характеризуетъ субъекта, опредѣляемаго имъ больше описательно, что же касается его настоящаго имени, то читатель найдетъ въ слѣдующей 9 главѣ. Въ главѣ 3-й повѣствующей о предсказаніи Будды по отношенію къ братьямъ Гагуновъ, говорится: «о благословеніи Буддою этихъ братьевъ, когда кому-нибудь по какому либо дѣлу придется отправиться на востокъ, на югъ, на западъ на сѣверъ и т. д.».

Эти четыре стороны имѣютъ свое особое опредѣленіе въ зависимости отъ характера жизни каждой изъ нихъ. Такъ напримѣръ, востокъ считается страной міра, спокойствія; югъ—страна распространенія, расширенія, размноженія, словомъ всякое предпріятіе, имѣющее цѣлью увеличеніе и умноженіе

чего либо должно въ этой странѣ найти благодатныя условія; западъ—страна, гдѣ дѣло личнаго характера наиболѣе преуспѣваютъ, напримѣръ могущество, честолюбіе, слава; сѣверъ—страна суровыхъ дѣйствій, страна, гдѣ наиболѣе преуспѣваютъ и осуществляются желанія жестокія, коварныя. И въ каждой изъ этихъ странъ первымъ долгомъ исполняются тѣ дѣйствія и желанія человѣка, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ признанію самой мѣстности ея свойству. Напримѣръ на востокѣ, идея усмиренія умиротворенія и т. д., на югѣ первымъ долгомъ можетъ осуществиться идея расширенія и распространенія чего либо, на западѣ идея личнаго могущества, самолюбія, тщеславія, на сѣверѣ идея учиненія жестокости, произвола, суровыхъ подвиговъ. Словомъ въ каждой изъ нихъ осуществляются идеи соотвѣтствующія призванію самой страны, а въ дальнѣйшемъ соблюдается извѣстная послѣдовательность. Напримѣръ, на востокѣ первымъ долгомъ осуществляется идея умиротворенія, затѣмъ уже исполняются желанія распространенія личнаго могущества и наконецъ идеи суровыхъ дѣлъ.

На югѣ—первымъ долгомъ осуществляется идея расширенія, и затѣмъ послѣдовательно исполняются: желанія эгоистическія, суровыя и умиротворенія.

На западѣ первымъ долгомъ исполняются желанія личнаго характера, клонящіяся къ возвышенію человѣка, его честолюбія и эгоизма, а затѣмъ уже суровыя желанія, умиротворяющія желанія, расширенія.

На сѣверѣ первымъ долгомъ предпріятія, суровыя, грозныя, жестокія, а затѣмъ послѣдовательно осуществляются идеи умиротворенія, расширенія и личнаго самолюбія. Исполненіе этихъ четырехъ особенныхъ желаній человѣка будетъ совершаться въ строгой послѣдовательности, безъ всякихъ нарушеній ихъ порядка, подобно закономѣрному вращенію колеса времени. Напримѣръ, весна смѣняется лѣтомъ, послѣднее осенью и наконецъ на смѣну осени приходитъ зима. Этотъ порядокъ въ стихіи соблюдается съ очевидною для каждаго существа послѣдовательностью.

Исходя изъ только что нами установленнаго правила и

порядка въ исполненіи человѣческихъ желаній, мы неизбѣжно должны установить, что Ракбо-Корло-Джанъ, родившійся въ Сѣверномъ Шамбалѣ, какъ воплощеніе Будды, первымъ долгомъ долженъ преуспѣвать въ дѣлахъ властно-суровыхъ, жестокихъ, постепенно переходя къ слѣдующимъ категоріямъ дѣйствій. Это подтверждается событіемъ описаннымъ въ первой главѣ сочиненія Бендарья Гарви: Ракбо-Корло-Джанъ, какъ только займетъ ханскій престолъ Сѣвернаго Шамбала то сейчасъ же наступитъ время, въ которое наиболѣе преуспѣвать будутъ дѣла суроваго характера. Читателю покажется непонятнымъ дальнѣйшее изложеніе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Бендэрья, а потому считаю долгомъ предпослать формулѣ о Ракбо-Корло-Джанѣ нѣкоторыя разъясненія. Дѣло въ томъ, что дѣятельность Ракбо-Корло-Джана тоже должна подчиняться въ своемъ содержаніи только что изложенному закону послѣдовательности. Согласно этому закону съ вступленіемъ на престолъ Ракбо-Корло-Джана, дѣятельность его должна носить характеръ суровый, такъ какъ по призванію Сѣвернаго Шамбала тамъ должны на первомъ планѣ исполнятся только подобныя дѣйствія.

Въ формулѣ же о дѣятельности Ракбо-Корло-Джана съ вступленіемъ на престолъ наступаетъ время, способствующее исполненію желаній мирнаго характера. Это на первый взглядъ противорѣчіе объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что принимается во вниманіе дѣтскій періодъ жизни Ракбо-Корло-Джана, когда онъ, подчиняясь закону Сѣвернаго Шамбала дѣйствительно уже осуществилъ суровыя, грозныя дѣйствія, хотя и въ невинно дѣтской формѣ. Дальнѣйшее будетъ понятно изъ послѣдующихъ разъясненій таинственныхъ формулъ, которыя предпочитаю процитировать на тибетскомъ языкѣ снабдивъ сейчасъ же соотвѣтствующимъ переводомъ.

1) Ракбо корло рабшюк зокданъ.
2) Джал-ву Джаб-дю сом-данъ.
3) Зод-дю дюнъ.
4) Бар-ни данъ.
5) Формула, Зод-дю дюнъ.

Означаетъ, что Ракбо-Корло-Джанъ будучи еще въ возрастѣ малолѣтнемъ или несовершеннолѣтнемъ уже совершилъ дѣяніе, седержащее суровость, грубостъ. Слѣдующій періодъ опредѣляется формулой 1) Ракбо корло рабшюкъ зокданъ, что значитъ, что со вступленіемъ на престолъ Ракбо Корло-джана наступитъ время способствующее исполненію желанія мира, тишины. 2) Джал-ву Джаб-дю сом-данъ, означаетъ, что вслѣдъ за исполненіемъ всѣхъ желаній содержащихъ идей мира и тишины, должно наступить время, способствующее исполненію желанія о расширеніи, размноженій чего либо. 4) Бар-ни данъ, означаетъ, что по исполненіи желанія расширенія и размноженія, должно наступить время для осуществленія желаній эгоистическихъ, честолюбивыхъ.

Во II-ой главѣ, повѣствующей о преподнесеніи братьями Гагунами священной трапезы Буддѣ повѣствуется «что братья Гагуны съ товарищами въ глубокой душевной радости сняли сливки со всего молока собраннаго имъ съ тысячи коровъ и, слившись всѣ въ единомъ чувствѣ искренняго благоговѣнія готовили со всей сметаны священную трапезу—Буддѣ, потомъ они наполнили этой трапезой миску изъ рода драгоцѣнностей называемой цымджедъ*) (удовлетворяющій) до идеальной степени очищенную, причемъ каждый золотникъ этой миски оцѣнивался въ милліонъ рублей»... Разсматривая эту формулу, какъ символическую, думаю, что слова опредѣляющія матерію и качества миски, поддаются двоякому пониманію. Во I-хъ, подъ драгоцѣнностью можно разумѣть или качества матеріи, въ частности камни, или качества человѣка, въ смыслѣ его даровитости, таланта, и спо-

*) Тибетское слово „цымджедъ" — удовлетворяющій, есть названіе драгоцѣнной миски. Люди кушающія пищу изъ таковой посуды, радуются, болѣе чѣмъ кушающія изъ простой посуды и на основаніи этого воплощенія Будды, такъ называемаго „Ракбо-Карло-джанъ", когда онъ язится (возродится) въ сѣверномъ Шамболѣ, то ни одни шамбольцы будутъ радоваться, но также рады будутъ народы вселенной, за справедливые Его благодѣянія.

Въ исторіи („Шамбалъ"), сочиненной Лонг-дол-рекбо-чею говорится, что всѣ законы изданные могущественнымъ „Ракбо-Карло-джаномъ" — должны распространяться на всѣ 4 стороны свѣта.

собности. Въ данномъ случаѣ нужно предполагать значеніе второе. Человѣкъ можетъ изучить и знать общія науки, быть развитымъ, но тѣ, которыя перешагнувъ подобныя общія развитія, достигнутъ точнаго познанія 5 областей спеціальнаго знанія, такой человѣкъ имѣетъ полное право называться «драгоцѣнностью». Подъ мискою разумѣется особаго рода посуда. Послѣднія бываютъ тоже двоякаго рода вещественныя, матеріальныя и посуда, какъ символъ человѣка, его существа. Въ данномъ разбираемомъ нами случаѣ, надо подразумѣвать послѣднее. Человѣкъ, какъ произведеніе или твореніе половой дѣятельности лицъ различныхъ половъ, состоитъ изъ пяти отдѣльныхъ составныхъ частей: земля, небо, вода, огонь и душа въ видѣ воздуха. Причемъ плодъ каждало пола въ отдѣльности, содержитъ эти составы. Къ этимъ 5 матеріальнымъ частямъ прибавляется 6-ой не матеріальный элементъ душа, по отношенію къ которой физическій организмъ человѣка якобы и представляетъ посуду, помѣщеніе, гдѣ пребываетъ душа. Человѣкъ, совмѣщающій всѣ эти 5 метеріальныхъ и 1 нематеріальную категорію, есть обыкновенное среднее существо. Когда же онъ состоитъ изъ тѣхъ же 5 матеріальныхъ элементовъ и 6-ой не матеріной, но съ той разницей, что 6-ая не матеріальная категорія именуемая душой, обладаетъ качествами совершенства, какъ постигшая божественную мудрость, то тогда человѣкъ причисляется къ существу высшему, приближаясь или даже дѣлаясь святымъ, бодисатомъ и Богомъ. А потому послѣднихъ категорій людей, называютъ бодисатами—Буддою, какъ достигшихъ совершенства за высшія свои заслуги въ прошедшей жизни, за что силою Божественнаго Проведѣнія сдѣлались бодисатами. Цемджетъ названіе миски, сдѣланной изъ драгоцѣннаго матеріала. Подобно тому, какъ кушаніе пищи изъ цѣнной посуды имѣетъ совершенно особое психологическое значеніе, чѣмъ кушанье той же пищи изъ нечистой, точно также совершенно психологически различны люди, рожденные по благочестію ихъ въ предыдущей жизни, люди святые, они также различаются рѣзко отъ обыкновенныхъ

людей, какъ и посуда изъ драгоцѣннаго матеріала различается отъ простыхъ. Какъ кушаніе изъ драгоцѣнной посуды радуетъ и возвышаетъ психологію человѣка, точно также человѣкъ, являющійся воплощеніемъ высокаго Будды, какъ Ракбо-Корло-Джанъ, какимъ я признаю доженъ радовать, удовлетворить и умиротворить человѣчество. Выраженіе, что одинъ золотникъ матеріала драгоцѣнной посуды стоитъ одинъ милліонъ рублей, надо понимать въ томъ смыслѣ, что слова и убѣжденія мудраго человѣка, сказанныя въ соотвѣтсвующее время, также цѣнны, какъ золотникъ драгоцѣннѣйшаго матеріала. Напримѣръ, такіе люди, какъ Столыпинъ въ Россіи, имѣютъ неоцѣнимую услугу и значеніе передъ родиной въ томъ отношеніи, что геніемъ своего ума, разрѣшая создавшіяся недоразумѣнія во внутренней и внѣшней жизни, тѣмъ самымъ спасаютъ родину отъ потрясеній. Цѣна и значеніе такихъ лицъ можетъ быть сравниваема съ цѣною драгоцѣннѣйшихъ предметовъ въ царствѣ вещей.

Смыслъ выраженія «умыть до идеальной чистоты» значитъ удалить нечистоту посуды, это выраженіе символическое: подъ очищеніемъ посуды надо разумѣть выборъ достойнаго человѣка изъ общей массы, человѣка могущаго быть полезнымъ какъ всему народу такъ и религіи. Напримѣръ, такъ соблаговолилъ сдѣлать это нашъ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ II-ой, призвавъ изъ всего своего народа только избранныхъ, въ лицѣ членовъ Государственной Думы. «Идеальная чистота», нужно понимать въ томъ смыслѣ, что выборъ достойныхъ людей въ свою очередь можетъ выдвинуть рѣдкихъ личностей, число которыхъ въ Государствѣ не можетъ быть особенно велико. Въ данномъ случаѣ они имѣются. Тоже самое можно видѣть при возобновленіи состава членовъ Думы черезъ каждые пять лѣтъ. Выше нами все время приводилось имя Ракбо-Корло-Джанъ. Изъ этого сложнаго имени, нами разобрана первая часть путемъ установленія этимологическаго значенія этого термина.

Слово же Корло означаетъ собраніе массы людей въ публичномъ мѣстѣ. Во вторыхъ то же слово означаетъ на-

званіе ученія, развитаго Буддой подъ названіемъ «Балданъ Дю-Джи-Корлунъ-Джюдъ». Изъ этого сложнаго имени первое слово «Балданъ» означаетъ внѣшне-представительный, эфектный, благородный. Обобщая это понятіе, если понимать какъ содержащее въ себѣ сложное цѣлое то въ этомъ выраженіи—или понятіи можно усмотрѣть характеристику Государственной Думы. Члены которой, какъ прошедшіе чрезъ цѣлый рядъ избирательныхъ фильтрацій, должны совмѣщать въ себѣ лучшее качество ума, знанія, и этическихъ началъ. Дю-Джи означаетъ понятіе времени, въ смыслѣ періодичности, срочности. Такъ напримѣръ, Члены Государственной Думы собираются въ опредѣленное время на сессіи, черезъ опредѣленное время расходятся и т. д. Корло — означаетъ понятіе о чемъ либо совершившемся, наступившемъ, готовое на что либо важное. Напримѣръ моментъ засѣданія, Джюдъ—означаетъ понятіе созиданія чего либо, установленія, творенія, напримѣръ изданіе Манифеста 17 октября 1905 г. Джанъ означаетъ понятіе о чемъ либо уже совершившемся, изданномъ, оконченномъ подобно Государственной Думѣ. Лонкдалъ Рекбо-Че изъ повѣствованія о Шамбалѣ говорится, что благодаря новому закону, изданному Ракбо - Корло - Джаномъ, имѣющаго могущество на 4 части свѣта, со дня его воцаренія въ продолженіи 1800 лѣтъ государство будетъ управляться по закону послѣдовательной смѣны 4 разныхъ началъ: 1) сперва эпоха воцаренія мира, тишины, 2) расширеніе, размноженіе, 3) эпоха господства, личнаго самолюбія, эгоизмъ, 4) эпоха господства, суроваго, грознаго начала.

Изъ нихъ 1-й періодъ долженъ протекать подъ началомъ умиротворенія, долженъ обнимать 720 лѣтъ, 2) эпоха господства, началъ расширенія и размноженія будетъ обнимать эпоху въ продолженіи 540 лѣтъ, 3) эпоха развитія и преуспѣванія личнаго начала, властолюбія и эгоистическихъ наклонностей, обнимаетъ періодъ на протяженіи 360 лѣтъ, 4) періодъ—эпоха преуспѣванія начала суровыхъ подвиговъ и грозныхъ дѣйствій обнимаетъ періодъ на протяженіи 80 лѣтъ.

Смѣна этихъ 4 началъ можетъ совершаться на протяженіи одного года, причемъ распредѣленіе времени года въ смыслѣ ихъ продолжительности для каждаго начала — соотвѣтствуетъ продолженію или общей длительности этихъ началъ. Такъ напримѣръ періодъ преуспѣванія мирныхъ началъ, мирныхъ дѣлъ должно въ году имѣть больше времени, чѣмъ другія начала: размноженія, эгоистическихъ началъ и т. д.

ГЛАВА IX.

О разъясненіи тибетскаго слова Маръ-Нинко.

Въ II-й главѣ повѣствующей о преподнесеніи братьями Гагуновъ священной трапезы Буддѣ приводилось о томъ, что въ одинъ день пастухи братьевъ Гагуновъ были поражены тѣмъ, что вмѣсто молока коровы давали Маръ-Нику. Въ эту самую минуту племянникъ братьевъ Гагуновъ по ихъ предыдущему рожденію нѣкто Марджа подходитъ къ братьямъ Гагуновъ и говоритъ имъ въ стихотворной формѣ «Братья Гагуны, Вы благочестивые люди, случай съ Маръ-нимку положительное предзнаменованіе, счастливая звѣзда, хороша. Появленіе Маръ-Нинку, объясняется благоволеніемъ Великаго Арши «силою его божественнаго благочестія».

Разсматривая подробно эту выдержку, мы въ I-ыхъ находимъ, что слово Маръ-Нинку, означающее очищенное масло на русскомъ языкѣ, опредѣляетъ то же самое понятія на тибетскомъ языкѣ. Если сравнить тибетское слово Нинку съ русскимъ словомъ Николай, то благодаря тождеству произношенія нѣкоторыхъ буквъ, получается сходное звуковое сочетаніе. Отсутствіе точнаго совпаденія этихъ звуковъ объясняется разницей въ оттѣнкахъ произношенія каждой буквы и слова на томъ и другомъ языкахъ. Выраженіе Маръ-Нинку положительное предзнаменованіе, означаетъ что масло считается самымъ питательтымъ веществомъ среди вещей составляющихъ предметъ питанія всего животнаго царства, оно есть такъ сказать «сокъ». Но въ данномъ случаѣ понятіе

Маръ-Нинку не потому названо положительнымъ предзнаменованіемъ, что оно обладаетъ названнымъ качествомъ, а здѣсь имѣется смыслъ болѣе обобщенный въ смыслѣ «сока» вообще, который можетъ быть различныхъ сортовъ и различныхъ объемовъ. Такъ въ царствѣ растеній разумѣется подъ сокомъ иныя вещества, напримѣръ роса, солнечный лунный свѣтъ, какъ способствующіе появленію въ природѣ растеній при согрѣваніи и т. д. такъ что, въ отношеніи царства растеній подъ сокомъ разумѣется силы даваемыя имъ луной и солнцемъ. Поэтому, имѣя въ виду это общее понятіе «сока», какъ такового во I-хъ, во II-хъ Маръ-Нику, какъ одно изъ главныхъ видовъ этого понятія «сока» оно названо положительнымъ предзнаменованіемъ.

Фраза «звѣзда счастливая хорошая», состоитъ изъ 3-хъ словъ, имѣетъ по глубокому своему смыслу особое значеніе, присущее каждому слову въ отдѣльности. а именно: подъ звѣздою разумѣется, та именно изъ вышеперечисленныхъ звѣздъ четырехъ странъ, которая находится на сѣверѣ и именуется звѣздою «Тагаръ» что въ свою очередь означаетъ лѣкарь, докторъ, небесныхъ Боговъ. Прилагательныя счастливая, хорошая, относящіяся къ звѣздѣ «Тагаръ», по смыслу болѣе общему опредѣляютъ качества предмета вообще, по частности товара. Причемъ здѣсь имѣется товаръ одного изъ спутниковъ царя сѣверной стороны Мила Шомба Лю-Гамба—онъ же (или Норзонъ) Намсра его спутникъ по имени Замбала, что въ свою очередь значитъ обладающій хорошимъ товаромъ. Поэтому то раньше высказывалось Буддой благопожеланіе о хорошихъ товарахъ. Изъ той третьей главы: (у него было много сыновей, обладавшихъ необыкновенными талантами и имѣвшихъ имена согласно предопредѣленію Будды. За 91-мъ былъ нѣкто Эркоту Ике Кючю ты*). Постепенно разбирая эту фразу мы опредѣленіе даемъ слѣдующее: выраженіе у него много было сыновей — означаетъ, что у Замбала спутника или товарища Хана Намсро было много сыновей.

*) (Владыко имѣющій великое могущество).

Фраза же, обладавшихъ необыкновенными талантами и имена имѣли по предоопредѣленію Будды означаетъ, что имя одного изъ сыновей Замбала дано было согласно предоопредѣленію самаго Будды. Подъ фразой за 91-мъ разумѣется выше въ 3-й главѣ упомянутые особые Владыки надъ странами и мірами и областями, будь эти владыки въ лицѣ звѣздъ, силъ природы или различнаго рода небесъ, божествъ, боговъ, и т. д. Словомъ всѣхъ этихъ существъ всего было 91.

Подъ именемъ Эркэтэ Кемяку-Икэ-Кючитэ разумѣются существа по порядку 92, именуемыя Ракбо-Корло-Джанъ.

Фраза — Это совершилось благоволеніемъ Великаго Араши и силою его божественнаго благочестія означаетъ, что священный Будда въ своихъ безчисленныхъ предыдущихъ бытіяхъ, сокращенныхъ по ихъ особеннымъ признакамъ на 33 особыхъ періода, проводилъ въ жизнь двѣ категоріи Высшихъ благочестій. Силою совершеннаго имъ внутренняго подвига въ прошлыхъ бытіяхъ Несравненный Будда и долженъ найти перерожденіе въ лицѣ Ракбо Корло-джана. Точно такимъ же образомъ, силою нечеловѣческаго благочестія Будды благословенное имя Маръ-Нинку, что въ свою очередь означаетъ Николай. А такъ какъ данный Ханъ Бренг-зи Джин-г-ба по счету второй, то онъ потому и соотвѣтствуетъ Николаю II. И этого мало. Когда царскій сынъ Донрабъ сдѣлался бодисатомъ, то онъ соизволилъ откушать эссенцію 4-хъ сортовъ нектарей, 1, Асарорнгу Паглаши Уга— что означаетъ имѣющее силу къ неисчерпаемой щедрости и благодѣянію, 2, Оршенгу Паглаши Уга Аршани Нику—означающее, имѣющее силу къ широкому милосердію, 3, Баясхалангъ Паглаши Уга Аршани Нику, что означаетъ имѣющее назначеніемъ установленіе безконечной радости, 4, Тэгши Суда-Паглаши Уга Аршани Нику Зоглоксонъ — что означаетъ имѣющее назначеніемъ одинаковаго и безпристрастнаго попеченія для всѣхъ людей міра. Точно также, какъ Донрабъ откушавъ священнаго Нектора 4-хъ сортовъ, сдѣлался призваннымъ расточать благодѣянія 4-хъ категорій, также и нашъ

Великій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ВТОРОЙ, согласно своему божественному назначенію оказывать широкое благодѣяніе всему человѣчеству, призвалъ всѣ народы міра на Гаагскую мирную конференцію для установленія основнаго принципа, постоянно имѣть цѣлью государственной дѣятельности вообще человѣческое благо независимо отъ національности и религіи. Этотъ высокій Шагъ подчеркиваетъ его божественное происхожденіе, ибо только отъ подобныхъ существъ можетъ исходить такая иниціатива.

ГЛАВА X.

Взглядъ или представленіе буддистовъ о бодисатахъ вообще.

Въ концѣ 11-ой главы предыдущаго очерка имѣется указаніе, что въ будущемъ число имѣющихъ явиться бодисатовъ-безчисленно. Къ этому какъ бы случайному намеку мы находимъ подтверждающую ссылку въ первой главѣ «Джалво Гатангъ» въ трудѣ одного изъ буддійскихъ ученыхъ по имени Бала-Гала Сидити, именно: «что Высшему Богу, Буддѣ, являющемуся конечнымъ совершенствомъ всего существующаго, выше котораго, невидимое подчинено все, что мы можемъ себѣ представить, какъ существующее, словомъ міръ въ его различныхъ видахъ и формахъ, тотъ міръ, за предѣлами котораго начинается пустота, не бытье. Этотъ міръ безпредѣленъ и безграниченъ. Надъ этимъ высшимъ владыкой существуетъ только его—учитель Саманда Бара, преподающій своему исключительному ученику ученіе подъ названіемъ «Зокчинъ», что означаетъ великое совершенство. Само преподаваніе по своему объему содержанію уподобляется облакамъ, безпредѣльно охватившимъ небесный сводъ своими широкими крыльями. Сотоварищами по ученію несравненному Буддѣ являются Боги 10 странъ.

11. Міръ совершенства или высшей славы, гдѣ пребываютъ святые бодисаты, называются 3 тысячи. Міръ этотъ (именуется) опредѣляется количественно. Количественное

опредѣленіе этого міра устанавливается слѣдующимъ образомъ: міръ, какъ цѣлое, включая все существующее количественно опредѣляется, какъ 100,000,000. Этотъ міръ, состоящій изъ 100,000,000 категорій для удобства опредѣленія другого слѣдующаго за нимъ міра принимаетья за еденицу, эта единица взятая въ 1000 разъ. Такимъ образомъ, міръ изъ ста-тысячи милліоновъ повторенныхъ въ 1000 разъ образуетъ новый міръ, называемый «Оронъ», что значитъ въ свою очередь основоположенія. Это есть первый міръ. Этотъ міръ Оронъ для опредѣленія размѣра второго принимается за единицу и берется тоже 1000 разъ, такимъ образомъ 1-ый міръ состоящій изъ 100,000,000 взятыхъ въ 1000 разъ въ свою очередь берется 1000 разъ и тогда составляется представленіе о 11-омъ мірѣ, именуемомъ Зюркэтэ. Міръ второй Зюркэнъ, для удобства опредѣленія третьяго міра принимается за еденицу и въ этомъ видѣ взятая тысяча разъ даетъ представленіе о третьемъ мірѣ, называемый Цецекъ-Чимик-Синъ. Такимъ образомъ каждый послѣдующій міръ больше предыдущаго равно въ тысячу разъ.

Всѣ же эти три міра въ совокупности представляютъ единый міръ, подчиненный высшему учителю Гюнрикъ Намборъ Нангзалъ. Этотъ послѣдній учитель преподаетъ ученіе подъ названіемъ Ри, Іокъ, Д. Главными слушателями этого высшаго ученія являются Боги трехъ временъ т. е. Боги, нашедшіе бытіе, начинаютъ слушать его ученіе, Боги настоящіе готовятся къ изученію этого ученія, а Боги будущаго предстоящаго бытія будутъ слушать. Эти два міра замѣчательны тѣмъ, что они совершенно очищены отъ грѣховности. Въ нихъ живутъ одни бодисаты различныхъ степеней святости, но только необыкновенныя существа.

Третій міръ подъ именемъ «непокорный» или міръ, гдѣ перерождаются бодисаты въ образѣ обыкновенныхъ существъ, или иначе количественно опредѣляемый какъ 100,000,000 милліонный міръ. Этотъ послѣдній міръ состоитъ изъ общей или горы Соморъ Ула, составляющей якобы общую основу, по четыремъ сторонамъ этой горы имѣются по одному мате-

рику всего 4. Учителемъ этого міра «сто милліоновъ» Шакіа Мунія, который преподаетъ ученіе въ зависимости отъ нужды и характера мѣстности. Такъ напримѣръ, въ мірѣ существъ непокорныхъ проповѣдуется ученіе о смиреніи и значенія его для будущаго бытія. Главные слушатели ученія Шакіа Муни раздѣляются на два разряда людей: духовное сословіе и чернь. Такимъ образомъ нами констатированы три міра, міръ подъ названіемъ «Номин-біе», 2, міръ совершенства или высшей славы, 3, міръ «непокорный». Въ каждомъ изъ этихъ міровъ есть особые владыки, управляющіе своимъ міромъ сообразно природѣ и качеству ихъ. Такъ учитель перваго міра Саманда-Вара преподаетъ свое ученіе мистикой или гипнозомъ. Онъ не обходитъ міръ. онъ не произноситъ проповѣди. Онъ только мыслитъ о желаемой проповѣди и убѣжденіи и его міръ уже воспринимаетъ распространяемое познаніе. Учитель второго міра Намбаръ Нангзадъ, по существу относится къ святымъ, избавленный отъ грѣховнаго міра, онъ нашелъ уже бытіе негрѣховное. Но проповѣдь свою читаетъ, являясь въ среду грѣшныхъ, въ образѣ имъ подобныхъ существъ. Учитель 3-го міра Шакія муни приходитъ въ подвластные ему міры въ образѣ лица духовнаго сословія. Онъ распространяетъ ученіе свое путемъ произнесенія проповѣди, странствуя по міру, лично обозрѣвая такимъ образомъ врученное судьбой бытье человѣчества.

Въ сочиненіи 5-мъ Далай Ламы подъ названіемъ Джамбалъ Шалюнгъ говорится, что высшіе Будды, находясь въ состояніи совершенства пребываютъ въ своихъ мірахъ безотлучно и безпрерывно.

Въ высшемъ своемъ бытьѣ, въ качествѣ владыкъ этихъ 2-хъ міровъ, эти Будды невидимы никому, они дѣлаются доступными, видимыми только для бодисатовъ находящихся въ непокорномъ мірѣ, да и то необыкновенномъ своемъ видѣ, а въ образѣ «Тогсъ Джиргалангъ» особаго высшаго Будды. Міру же грѣховному, человѣчеству въ лицѣ его духовнаго или свѣтскаго сословія онъ совершенно не доступенъ. Къ нимъ нисходитъ онъ только въ образѣ высшихъ существъ,

являющихся властелинами ихъ. Высшія существа въ родѣ человѣческомъ опредѣляются ихъ происхожденіемъ. Послѣднихъ можетъ быть нѣсколько категорій, царскаго, княжескаго простого и т. п. всѣхъ шести категорій. Изъ этихъ 6 разрядовъ человѣческой массы, только 1 разрядъ т. е царское происхожденіе можетъ называться высшимъ, такъ какъ въ образѣ ихъ являются къ нимъ никто иной, какъ высшіе же бодисаты, святые, какъ напримѣръ святой бодисатъ Дамба Догаръ нашелъ перерожденіе въ образѣ сына Арюнъ Идяна Хана Донраба. Когда же этотъ послѣдній—Донрабъ сдѣлался Буддою, то его признали перешедшимъ въ сонмъ боговъ, прозвали «Тогонъ Чилинъ болоксонъ могучій покоритель всего зловреднаго, нашедшій лучшее состояніе». Прозвали его этимъ именемъ потому, что онъ постигъ всѣ области человѣческаго познанія и сущность вещей вообще. Пересилить и достигнуть такого знанія онъ могъ только при условіи подавленія всего грѣховнаго и злостнаго. А потому характеризуя эту только ему свойственную черту онъ и призванъ высшимъ Буддою.

Въ сочиненіи подъ названіемъ Малига изъ отдѣла Джвару дюнджово говорится сознательное отрѣшеніе отъ незнанія, характеризуемое словомъ по Тибетски Санъ, перейдя въ область чистаго познанія, характеризуемое Тибетскимъ словомъ джи въ общей сложности даютъ Санъ-джи означающее Богъ. Безотносительно къ опредѣленной личности это слово означаетъ имя, даваемое каждому человѣку, какъ существу разумному. Въ отношеніи къ исключительному по существу, какъ характеризующее человѣка съ высшимъ познаніемъ оно соотвѣтствуетъ Шакіа Муни.

По освобожденіи отъ грѣховнаго міра, или утраты всякой связи съ объединеннымъ міромъ всякое новое высшее существо переходитъ въ сонмъ святыхъ. Тамъ ихъ много и всѣ они равны между собою. Когда же нисходятъ въ міръ обыденный, для совершенія высокаго своего назначенія поднятія и усовершенствованія человѣчества вообще, то они принимаютъ различные образы, или приходятъ въ формѣ воплo-

щенія кого либо каждый въ отдѣльности, проявляя свои силы въ видѣ разныхъ чудесъ. И тогда они въ этомъ своемъ послѣднемъ видѣ дѣйствуютъ среди людей, оказывая благодѣянія въ самыхъ различныхъ областяхъ, то ихъ величаютъ ламами, какъ людей по призванію своему рѣзко отличающихся отъ другихъ. Высшіе бодисаты нисходятъ на землю отъ различныхъ причинъ. Въ зависимости отъ мотивовъ они раздѣляются на нѣсколько категорій. Дѣятельность тѣхъ бодисатовъ, которые нашли перерожденіе въ грѣховномъ мірѣ силою предыдущихъ особенныхъ благочестій, широка и глубока по содержанію. Они познаютъ все совершающееся, желаніе, душу, интересъ, каждаго существа. Они проницательны, они безошибочно опредѣляютъ потребность человѣка, оказываютъ ему услугу, если она благочестива. Словомъ отъ духовнаго взора такихъ бодисатовъ въ образѣ ламъ ничего не ускользаетъ: ни единая мысль, ни единое дѣйствіе. Поэтому ихъ называютъ вѣщими проницателями бодисатами (или святой Манла). Въ сочиненіи 5-го Далай Ламы подъ названіемъ Джамбалъ Шалюнгъ изъ отдѣла «Джонджюкъ» говорится, что должны появиться новые бодисаты. Подъ послѣдними имѣются такіе случаи, когда каждое существо, являющееся самымъ грѣшнымъ, въ какомъ образѣ и обстановкѣ оно ни находилось, но съ того момента, какъ въ душѣ его блеснетъ и воцарится истинная, благочестивая мысль, уже такой человѣкъ сдѣлалъ шагъ къ состоянію бодисата. Уже такого человѣка надо называть избраннымъ мальчикомъ, отрѣшающимся юношей, исправляющимся существомъ. Какова же должна быть его мысль, съ возникновеніемъ которой въ душѣ человѣка связывается якобы новая эра, новая жизнь. Первымъ долгомъ эта мысль совмѣщаетъ въ себѣ желаніе чтобы этотъ человѣкъ каждое существо или все человѣчество въ его цѣломъ, считалъ бы за свою мать, какъ существо, давшее ему жизнь. Дальше признавъ за мать, нужно знать его заслуги и благодѣянія. Зная ихъ надо стремиться воздать имъ тѣмъ же. Это выражается въ формѣ широкой поддержки вспомоществованія, ухаживанія, все это должно сопровож-

даться вниманіемъ, глубокимъ покровительствомъ, вообще долженъ человѣкъ проникнуться одной глубокой заботой о всестороннемъ воспитаніи, матеріальнаго и духовнаго развитія и процвѣтанія. Стоитъ только человѣку проникнуться этими постепенными гуманными чувствами, какъ должно возвратиться уже настоящее сознаніе, характеризующее только бодисата. Только такихъ людей, которые проникнутся этими чувствами и соотвѣтствующими дѣйствіями и можно называть новыми бодисатами. Изъ сочиненія Чайдоръ Пагдодъ изъ Малига же говорится «Если кѣмъ бы то ни было будетъ совершаться благодѣяніе, то оно должно совершаться только въ цѣляхъ оказанія услугъ и блага всему человѣчеству». Авторъ вышеупомянутой книги при этомъ добавляетъ, приписавъ эти слова самому Буддѣ. Таковой широкій и гуманный принципъ выставленъ только тобой, Будда: ни одна другая теорія не знаетъ его.

Фраза «Оказаніе широкаго благодѣянія» означаетъ—вообще благодѣяніе, оказываемое всѣми 3-мя средствами каждаго человѣка, мыслью рѣчью и дѣйствіемъ

Фраза, что благодѣяніе надо дѣлать ради блага всего человѣчества—равносильна, что силою великаго благочестія, я долженъ найти воплощеніе въ образѣ Будды. Человѣкъ силою благочестія добивающійся состоянія святости или образа Будды долженъ дѣйствительно найти этотъ образъ, чему его предыдущія молитвы, играя роль переходныхъ ступеней и найдя состоянія Тогосъ Джиргаланъ должны служить сильной опорой. Достигнувъ состоянія Будды, онъ вернется въ міръ человѣческій и здѣсь путемъ широкаго распространенія познанія и истины, поведетъ человѣчество по пути спасенія къ высокому облику Буддъ. Фраза «Принципъ провозглашенный тобою, о Шакъ-я-Муни, неизвѣстенъ ни одной другой религіозной доктринѣ означаетъ, что только одинъ, ты Будда, благопожелавъ самъ и установилъ широкую обязанность чтобы каждый человѣкъ молитвенно желалъ о всечеловѣческомъ благѣ. Таковой принципъ и девизъ молитвы не знаетъ ни одна религіозная система народовъ.

Въ сочиненіи 5-аго Далай ламы—въ Джамбалъ Шалюнгѣ говорится: «что за длинный періодъ бытія человѣчества въ его прошедшихъ стадіяхъ всѣ учиненныя ими дѣянія какъ положительныя, такъ и отрицательныя не уничтожаются безслѣдно, а безпрерывно сопуствуютъ человѣка на всѣхъ ступеняхъ его безконечнаго шествія.

Эти положительныя и отрицательныя дѣянія въ одной изъ стадіи бытья человѣка опредѣляютъ ему жизнь или страданіями полную, или наоборотъ въ высшее состояніе. Это значитъ, что дѣянія человѣка, какъ грѣховныя, такъ и благочестивыя безпрерывно сопутствуютъ ему, какъ тѣнь и въ концѣ концовъ обуславливаютъ ему количество жизни: или полную страданіями и мученіями, или поднимаютъ его на ступень благочестивой жизни. Въ сочиненіяхъ подъ назва-«Бичу» коментированномъ Рава Бракъ Гарва, въ отдѣлѣ «Гончекъ Зегбѣ» говорится»: подъ бытьемъ разумѣется жизнь всего движимаго или живого царства. Все оно основано на желаніи. Каждое существо искренно желающее что либо, должно достигнуть его. Подъ бытьемъ разумѣется—жизнь животнаго царства.

Все подчинено закону причинности и каждое явленіе имѣетъ мотивъ вызывающій соотвѣтствующія послѣдствія.

Положеніе, что все зависитъ отъ желанія, или при непремѣнномъ желаніи можно достигнуть соотвѣтствующей цѣли—значитъ всякое существо, заботясь о пищѣ или вообще объ удовлетвореніи своихъ потребностей, должно ихъ найти въ жизни.

Фраза о томъ, что каждый, высказавшій благопожеланіе, долженъ достигнуть предмета пожеланія означаетъ, что, никакими принципами не опредѣлены тѣ послѣдствія человѣческихъ дѣяній, въ которыя должны вылиться, накопившіеся запасы грѣха или благочестія за опредѣленный періодъ бытья. А потому они и должны зависѣть отъ тѣхъ личныхъ пожеланій и испытаній, которыя будутъ свойственны душѣ каждаго человѣка. Подъ личнымъ пожеланіемъ или желаніемъ разумѣтся должно то, что человѣкъ совершавшій бла-

гія положительныя дѣла—найдетъ бытье благочестивое, человѣкъ же, совершившій злодѣянія, грѣхи долженъ получить рожденіе, сопряженное съ дьявольскими мученіями, пыткой и т. д. Что же касается бытія благочестиваго, какъ возмездіе за хорошую жизнь и дѣятельность, или наоборотъ бытія грѣховнаго суроваго, страдальческаго, то въ нахожденіи этихъ разрядовъ бытія нѣтъ разницы ни въ возрастѣ, ни въ быстротѣ, ни въ медленности, ни въ дальности или въ близости разстоянія, ни наконецъ въ томъ, что данное существо находится на прошлой или настоящей, ни будущей стадіи бытій.

Въ сочиненіи полъ названіемъ «Джавру» приписываемомъ устамъ самаго Будды, говорится что возникновенія мысли или желанія чего либо равносильно учиненію того же самаго, такъ какъ все зависитъ отъ желанія,—это значитъ, что если кто либо захочетъ въ этой жизни побыть въ Петербургѣ или пожелаетъ совершить дѣяніе, которое должно облагодѣтельствовать все человѣчество, или въ будущемъ бытьѣ найти высшее перерожденіе, то всѣ эти желанія должны исполниться, именно: въ настоящей жизни ему придется увидѣть Петербургъ, а въ будущей жизни найти соотвѣтствующее перерожденіе въ мірѣ блаженномъ «Соко Води». Найти перерожденіе положительное при соотвѣтствующей жизни также легко, какъ естественно легко и естественно знакомому зайти къ знакомому или надѣть имѣющіеся у себя костюмы. Понятіе души и мысли тождественны; отъ совѣсти могутъ исходить двоякія желанія отрицательнаго или положительнаго характера. Каждое желаніе будь оно отрицательно или положительно сопутствуется совѣсти и на оборотъ. Каждое желаніе, какъ положительное, такъ и отрицательное при повтореніи входитъ въ привычку. Содержаніе каждаго желанія имѣть обусловливающее важное значеніе. Привычка этихъ желаній обуславливается собою перерожденіе, такъ какъ понятіе привычки означаетъ, что извѣстное желаніе приводилось и приводится въ исполненіе.

Въ сочиненіи отдѣла Шадба-Джюдъ-Дорджи При-гба говорится.

«Торолъ абаханъ индюсенъ зурдинъ сюню сенъ менъ— это значитъ, что перерожденіе существа въ основѣ своей имѣетъ особый духъ, который являясь уже душой умершаго существа, перешелъ въ безформенный міръ духовъ, называемый Зурда. Въ этотъ міръ духовъ или Зурда попадаютъ души всѣхъ умершихъ и въ этомъ состояніи своемъ являющимся переходнымъ, какъ ступень отъ смерти существа къ его новому появленію въ миръ въ какомъ либо образѣ, душа человѣческая неразлучна со всѣми тѣми чертами положительными или отрицательными, которыя были свойственны ей еще при жизни предшедшей. Изъ этого переходнаго состоянія душа человѣка находитъ себѣ соотвѣтствующую внѣшнюю форму, переходя невидимымъ образомъ въ видѣ вождѣленія двухъ существъ въ утробу тѣхъ изъ нихъ, въ дѣтище которыхъ она должна была превратиться. Значитъ перерожденію предшествуетъ состояніе невидимаго духа, который въ силу привычки въ предшедшей жизни, продолжаетъ проявлять свои страсти или наклонности, а тѣ въ свою очередь соединяясь съ подобными же вождѣленіями «супруговъ» принимаетъ интенсивный характеръ, въ результатѣ чего душа находитъ форму внѣшнюю въ образѣ зародыша и т. п. который въ первое время существуетъ въ безсознательномъ состояніи.

Въ сочиненіи подъ названіемъ «Гава Ганджу» говорится —что плоть мужчины и женщины каждый въ отдѣльности состоятъ изъ 5-ти отдѣльныхъ элементовъ. Душа или духъ человѣка тоже состоитъ изъ 5-ти различныхъ невидимыхъ матерій. Когда всѣ эти 15 элементовъ соединятся въ утробѣ, то говорятъ, что началось оплодотвореніе. При соединеніи 5 элементовъ духа съ подобными элементами половъ — первые пять питаютъ инстиктивное вождѣленіе къ 5 элементамъ женскаго пола, причемъ, если 5 элементовъ духа расположены переродиться въ существо мужскаго пола, то

питаютъ инстинктивное притяженіе къ плоти матери и отвращеніе къ плоти отца. Если же имѣютъ расположеніе переродиться въ существо женскаго пола, то питаютъ инстинктивное притяженіе къ плоти отца и отвращеніе къ плоти матери. Причемъ въ первомъ случаѣ, когда 5 элементовъ духа встрѣчаются съ плотью отца, то послѣднихъ они считаютъ якобы частицами своего, а во второмъ же случаѣ плоть женская принимается, тоже, какъ плоть своя или родственная. Если элементы духа не проникнуты характеризованными инстинктами, то это служитъ доказательствомъ того, что они не сольются съ плотью того или другого пола.

Въ отдѣленіи Джюдъ говорится. «Если имѣетъ родиться Боди Садъ, то душа его, обладающая тѣми же чертами, проникаетъ во внутрь утробы отца черезъ его уста и вмѣстѣ съ его плотью попадаетъ въ утробу матери, причемъ душа бодисата, если имѣетъ расположеніе переродиться въ существо мужскаго пола, то питаетъ инстинктивное притяженіе къ сѣмени матери и отвращеніе къ сѣмени отца. Если же душа бодисата имѣетъ расположеніе породиться въ существо женскаго пола, то душа бодисата питаетъ расположеніе къ плоти отца и отвращеніе къ плоти матери». Существуютъ еще 4 правила соединенія съ плотью. Душа обыкновеннаго человѣка при сліяніи съ плотью другихъ половъ не чувствуетъ совершающееся сліяніе. Оно происходитъ безсознательно. Души возвышенныхъ существъ, должны переродиться въ существо царскаго достоинства и въ образѣ монаховъ-благочестивыхъ, то онѣ чувствуютъ только моментъ сліянія, а дальнѣйшее протекаетъ для нихъ безсознательно-безчувственно. Души новыхъ бодисатовъ и пратьебуддъ монаховъ, исполнявшихъ всѣ 253 правила буддійскихъ религій а чувствуютъ сліяніе съ плотью обоихъ половъ, чувствуютъ также свое возникновеніе, а дальнѣйшій процессъ имъ неизвѣстенъ.

Бодисаты же высшіе, чувствуютъ какъ сліяніе, процессъ

рожденія такъ вообще всѣ моменты своего утробнаго пребыванія.

Подъ Нирваномъ разумѣется два сліянія: живое, сознательное и безсознательное или умершее; первое состояніе Нирваны человѣкъ достигаетъ при поступленіи 3-хъ категорій мудрости и знанія, долва, додо и Гонбо, при исполненіи высшихъ правилъ истины, установленныхъ для человѣчества и при сотвѣтствующей созерцательной жизни.

Нирванъ, какъ состояніе покоя или смерти имѣетъ двоякую черту, обыкновенную и необыкновенную, высшую. Обыкновенная Нирвана состоитъ въ томъ, что душа обыденнаго человѣка по оставленіи своего тѣла переходитъ въ переходный міръ Зурду, въ этомъ переходномъ состояніи побывъ въ теченіи 49 дней, она должна искать новое рожденіе, или новую форму для будущаго бытія, причемъ нахожденіе самой формы существованія, ея качества въ смыслѣ лучшей или худшей зависитъ исключительно отъ качествъ предшедшей жизни, ея грѣха или благочестія. Высшая Нирвана состоитъ въ томъ, что будды, бодисаты и вообще святые, оставляя первую форму существованія, переходя въ переходный міръ, немедленно же воплощаются въ образѣ Тогосъ Джирглона и согласно закону перерождаемости или перемѣнчивости формы существованія они находятъ соотвѣтствующее перерожденіе, какъ напримѣръ Будда, находилъ перерожденіе въ различныхъ образахъ святыхъ. Міръ видимый и невидимый опредѣляются первый какъ міръ существующій, видимый, тѣлесный, второй міръ—невидимый, прозраченъ какъ облако, хотя все же состоитъ изъ 4-хъ видовъ матеріи, воздухъ, огонь, вода, земля, существующихъ какъ первоосновы всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ вещей. Въ «Парчинѣ» повѣствуется, что каждое живое существо имѣетъ божественную искру, которая называется «дерших-ниж-бо» (сердце Божества). Эта божественная искра стремится озарить своимъ сія-

ніемъ весь міръ. Только грѣхи прежнихъ перерожденій заставляетъ эту Божественную искру еле-еле мерцать подобно свѣчѣ, поставленной во внутрь кувшина. При безпрерывномъ стремленіи къ благодѣянію эта искра разгораясь все сильнѣе и сильнѣе достигаетъ наконецъ такой божественной яркости, что грѣхи покрывавшіе ее прежде подобно кувшину, какъ бы сгорая, уничтожаются. Итакъ всякое живое существо при безпрерывномъ стремленіи и благодѣяніи достигаетъ Божественнаго состоянія.

По Тибетски „Дан-зи“ (счетъ ученія) „бендарья-гарво“ III главы.

По 1913 годъ:

Отъ рожденія Будды . . . . . 2875 л.

Отъ рожденя Бадма-Джюнг-ни. . . . . 2791 г.

Отъ выѣзда Бадма-Джюнг-ни въ Мангасъ . . . . . 1109 л.

По русскому лѣтоисчисленію отъ рожд. Х. I. . . . . 804 г.

Бадма-Джюнгъ выѣхалъ въ страну „Мангасъ“ отъ роду своего на . . . . . 1682 г.

Отъ выѣзда Бадма-Джюнг-ни до восшествія на престолъ Михаила Ѳеодоровича . . . . . 809 л.

Отъ восшествія на престолъ Михаила Ѳеодоровича до 1913 г. . . 300 л.

Оглавленіе къ коментаріямъ.

Глава I. Перерожденіе Будды въ сына „Арюнъ-Идянъ-Хана Донрабъ".
„ II. Преподнесеніе братьями Гагуновыми священной трапезы Буддѣ.
„ III. Благословленіе Буддой двухъ братьевъ Гаганъ и Замба и предсказаніе имъ быть царями Бранг-зи-джонг-ба.
„ IV. Бадма-Джюнгъ коментируя предсказаніе Будды о Гагенъ и Замбѣ, предсказалъ о другихъ двухъ братьяхъ Гагонѣ и Замбѣ.
„ V. Краткая исторія о Бадмѣ-Джюнгѣ.
„ VI. О рожденіи Гагоны и Занг-бы царями Бранг-ди-Джюнг-бы.
„ VII. О святой сторонѣ Сѣвернаго Шамбалы.
„ VIII. О рожденіи Ракбо-Корло-Джана въ Сѣверномъ Шамбалѣ.
„ IX. О разъясненіи Тибетскаго слова „Мар-нинг-кю".
„ X. О различіи Боди-Сатва.